

RAYMOND
CHANDLER

THE BIG
SLEEP

"Raymond Chandler is a master."

— The New York Times

- [Рэймонд Чандлер](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
-

Рэймонд Чандлер
Глубокий сон

Глава 1

Была половина октября, около одиннадцати утра – хмурый, типичный в это время года для предгорья день, предвещавший холодный секущий дождь. На мне была светлоголубая рубашка, соответствующий галстук и платочек в кармашке, черные брюки и черные носки с голубым узором. Я был элегантен, чист, свежевыбрит, полон спокойствия и не беспокоился о том, какое впечатление это производит. Выглядел точно так, как должен выглядеть хорошо одетый частный детектив. Я шел с визитом к четырем миллионам долларов.

Большой холл семейного дома Стернвудов был более чем в два этажа высотой. Над дверью, в которую легко прошло бы стадо индийских слонов, размещался витраж, изображавший рыцаря в черных латах, спасающего даму, привязанную к дереву. Дама была раздета. Ее нагое тело окутывало покрывало из волос. Для удобства у рыцаря было поднято забрало, и он пытался, не без усилия, развязать веревки, которыми дама была привязана к дереву.

Я смотрел на витраж и думал, что если бы жил в этом доме, то рано или поздно мне пришлось бы влезть наверх и помочь рыцарю, так как не похоже было, что он делает свое дело всерьез.

За огромной застекленной дверью по другую сторону холла широкий изумрудный газон простирался вплоть до белого гаража, перед которым молодой и щуплый черноволосый шофер в черных блестящих башмаках протирает каштановый «паккард». За гаражом росло несколько декоративных деревьев, подстриженных как пудели. За ними виднелась большая оранжерея с куполообразной крышей. Дальше снова видны были какие-то деревья, а позади всего этого массивные бесформенные очертания предгорий.

В восточной части холла ажурная, выложенная плитками лестница, вела на балкон с кованой металлической балюстрадой, украшенной витражом с другим романтическим сюжетом. Повсюду, где было свободное место, вдоль стен стояли массивные стулья с круглыми плюшевыми сиденьями. Они выглядели так, будто на них никто никогда не сидел. На середине западной стены находился

большой и пустой камин с бронзовыми заслонками, украшенный мраморным дымоотводным навесом с амурчиками по углам.

Над камином висела большая, написанная маслом, картина, над которой под стеклом были прикреплены два кавалерийских флажка, продырявленные пулями, а может быть изъеденные молью. На картине был изображен застывший неподвижно офицер времен мексиканской войны в полном обмундировании. У офицера были черные усы, горящие и в то же время твердо глядевшие, черные как уголь глаза. Лицо его казалось лицом человека, с которым лучше не есть из одной тарелки. Я подумал, что это, вероятно, портрет деда Стернвуда. Это не мог быть сам генерал, хотя как я слышал, он был уже в весьма почтенном возрасте, может даже в слишком почтенном, принимая во внимание двух дочерей, насчитывающих по двадцать весен.

Я всматривался в горящие черные глаза портрета, когда услышал, что сзади открывается дверь. Но это не был возвращавшийся слуга. Это была девушка. Лет двадцати, низенькая, мелкого телосложения, но, несмотря на это, она производила впечатление довольно сильной. На ней были длинные светло-голубые брюки, и она выглядела в них очень неплохо. Она приближалась ко мне легким шагом. Ее красивые желтые волосы были подстрижены очень коротко, гораздо короче, чем этого требовала нынешняя мода. Осматривая меня с ног до головы своими темно-серыми, совершенно ничего не выражавшими глазами, она подошла ко мне совсем близко и улыбнулась одними губами, показав острые мелкие зубы, белые, как свежий апельсиновый цвет, и поблескивавшие как фарфор. Они блестели между ее тонкими, чересчур натянутыми губами, а все ее бесцветное лицо не свидетельствовало об излишнем здоровье.

– Ну и высокий же вы! – заявила она. – Это не моя вина.

Ее глаза округлились. Удивленная, она ненадолго задумалась. Можно было заметить, даже при этом кратком разговоре, что мышление для нее представляет большой труд.

– И красивый, – добавила она. – Ручаюсь, что вы знаете это!

Я что-то пробормотал в ответ.

– Как вас зовут?

– Рейли, – ответил я. – Догхауз Рейли.

– Смешная фамилия.

Она прикусила губу, откинула голову и посмотрела на меня из-под прищуренных век. Потом опустила ресницы так, что они почти коснулись щек и медленно подняла их, как поднимается занавес в театре. Мне еще предстояло отлично узнать эту уловку. Это должно было положить меня на обе лопатки, а то и на все четыре, если бы они у меня были.

– Вы профессиональный боксер? – спросила она, видя, что я не падаю в обморок.

– Говоря по правде – нет, – ответил я. – Я гончий пес.

– Кто вы?.. – она со злостью откинула голову назад, а ее волосы заблестели в тусклом свете просторного холла. – Вы подшучиваете надо мной? – Угм.

– Что, что?

– Бросьте, – заявил я. – Ведь вы же слышали, что я сказал.

– Вы ничего не сказали. Вы только смеетесь надо мной. – Она поднесла ко рту большой палец и со злостью прикусила его. Это был узкий и тонкий палец, чудесной, безупречной формы. Она держала его во рту, тихонько посасывая и поворачивая, как ребенок соску.

– Вы очень высокий, – заметила она и хихикнула без видимой причины. Потом повернулась ко мне плавным кошачьим движением, не отрывая ног от пола. Плечи ее бессильно опустились, она встала на цыпочки и упала прямо в мои объятия. Я вынужден был подхватить ее, не желая, чтобы она разбила голову об пол. Я схватил ее за плечи. Она тотчас согнула ноги в коленях, и мне пришлось крепко прижать ее к себе в попытке поставить прямо. Когда ее голова оказалась на моей груди, она посмотрела на меня и снова захихикала. – Ты прекрасный парень, – сказала она. – Но и я тоже красивая!

Я ничего не ответил. Лакей выбрал как раз этот подходящий момент, чтобы переступить порог застекленной двери и увидеть меня, держащего девушку в объятиях.

Однако непохоже было, чтобы это произвело на него впечатление. Он был худым, высоким седовласым мужчиной шестидесяти лет. Его синие глаза глядели на меня со всей скромностью, на какую вообще способен человек. Кожа у него была светлая и гладкая и двигался он, как может двигаться тот, у кого хорошо натренирована мускулатура. Он медленно подходил к нам, наискосок пересекая холл. Девушка отскочила от меня, промчалась через холл прямо к лестнице, ведущей

на галерею, и как лань взбежала по ней. Она исчезла прежде, чем мне удалось глубоко вздохнуть.

– Генерал желает увидеть вас сейчас, господин Марлоу, – произнес лакей бесцветным голосом.

Я задрал подбородок вверх и указал на галерею.

– Кто это был?

– Мисс Кармен Стернвуд, сэр.

– Вы должны отучить ее от этого, – сказал я. – Она уже достаточно взрослая и должна вести себя иначе.

Лакей посмотрел на меня с холодной вежливостью и снова повторил то, что уже сказал один раз.

Глава 2

Через застекленную дверь мы вышли на выложенную плитками ровную дорожку, которая, огибая газон, вела к гаражу. Шофер-отрок успел к тому времени вывести черный хромированный лимузин наружу и теперь старательно чистил его. Дорожка повела нас вдоль оранжереи. Лакей открыл дверь и пропустил меня вперед. Перед нами находилось что-то вроде прихожей, в которой было жарко, как в парной. Лакей вошел вслед за мной, закрыл наружную дверь, открыл внутреннюю и мы прошли в нее. Внутри царил жара. Воздух был густой и влажный, перенасыщенный необыкновенным запахом цветущих орхидей. Со стеклянных, покрытых испариной стен и крыши, падали большие капли воды и разбрызгивались на растениях. Свет был странного зеленого оттенка, как будто пробивался через наполненный водой аквариум. Орхидеи заполняли все свободное пространство; это был настоящий лес, состоящий из неприятных мясистых листьев и стеблей, похожих на свежесмытые пальцы трупов. Цветы пахли одуряюще, словно кипящий под крышкой спирт.

Лакей старался провести меня среди растений так, чтобы я не был исхлестан намокшими листьями. Вскоре мы приблизились к чему-то вроде поляны, расположенной посередине находящихся под куполом крыши джунглей. На выложенном шестиугольными плитками пространстве лежал старый красный турецкий ковер. На нем стояла инвалидная коляска, а в ней сидел мужчина, явно находящийся на пороге смерти. Он глядел на нас черными, давно уже потухшими глазами, но взгляд их был так же прям, как и на портрете, висящем над камином в холле. Все лицо, кроме глаз, было похоже на свинцовую маску, с бескровными губами, острым носом, со впалыми висками, помеченными приближающимся разложением. Худое длинное тело, несмотря на жару, было прикрыто пледом и закутано в выцветший красный купальный халат. Костистые руки с похожими на когти пальцами с багровыми ногтями покоились на пледе. С головы свисали редкие клочки сухих седых волос, напоминающих дикорастущие цветы, борющиеся за жизнь на голом утесе.

Лакей остановился перед ним и сказал:

– Пришел мистер Марлоу, генерал.

Старец не шевельнулся и не произнес ни слова, даже не кивнул. Он просто смотрел на меня, словно парализованный. Я сел в мокрое плетеное кресло, подсунутое мне лакеем, с поклоном взявшим у меня шляпу.

Минуту спустя генерал произнес голосом, казалось, исходящим из глубокого колодца.

– Брэнди, Норрис. Как вы любите его пить?

– В любом виде, – ответил я.

Лакей исчез за стеной мерзких растений. Генерал заговорил снова. Он пользовался голосом осторожно, словно безработная танцовщица варьете последней парой чулок.

– Когда-то я пил брэнди с шампанским. Шампанское должно было быть холодным, как вода из горного ручья, и содержать не менее одной трети брэнди... Может вы снимете пиджак, мистер Марлоу. Здесь в самом деле слишком жарко для человека, в жилах которого еще течет кровь.

Я встал, скинул пиджак и вынул платок, чтобы вытереть лицо, шею и запястья рук. У меня было впечатление, что температура в Сахаре в самый полдень намного ниже, чем здесь. Я сел и машинально достал сигарету, но сдержался и не стал закуривать. Старец заметил это и слабо улыбнулся.

– Можете курить, мистер Марлоу. Я очень люблю запах табачного дыма.

Я закурил и выпустил в его сторону струю дыма. Ноздри старца шевельнулись, как нос терьера возле крысиной норы, слабая улыбка осенила уголки его губ.

– Забавная ситуация, когда человек вынужден удовлетворять свои дурные привычки через посредника, – сухо произнес он. – Вы видите перед собой картину догорания после красочной жизни. Перед вами калека с парализованными ногами и половиной желудка. Я могу есть уже очень немногие вещи, а мой сон так сильно похож на бодрствование, что вряд ли его можно назвать сном. Мне кажется, что я существую только благодаря тепличной жаре, словно новорожденный паук. Орхидеи – лишь оправдание этой температуры. Вы любите орхидеи?

– Так себе, – сказал я. Генерал прикрыл глаза. – Они отвратительны. Их ткань похожа на человеческое мясо, в их запахе есть что-то от псевдосладости проститутки.

Я раскрыл рот, глядя на него. Мягкий влажный зной окутывал нас как саван. Старец склонил голову, словно шея не могла выдержать ее тяжести. Наконец появился лакей, продравшись сквозь джунгли с маленьким столиком на колесах. Он смешал для меня брэнди с содовой, накрыл медное ведро со льдом мокрой салфеткой и ушел, бесшумно передвигаясь среди орхидей. Где-то позади джунглей открылась и закрылась за ним дверь.

Я отхлебнул небольшой глоток брэнди. Старец, видя это, несколько раз облизнул губы, медленно водя одной губой по другой с напряженностью, достойной более значительного церемониала.

– Расскажите мне что-нибудь о себе, Марлоу. Думаю, что я могу просить об этом.

– Разумеется, вот только рассказывать особенно нечего. Мне тридцать три года, я закончил колледж, и, если обстоятельства этого требуют, все еще могу пользоваться английским. Правда, в моей профессии это не слишком часто требуется... Работал полицейским агентом у окружного судьи, Уайлда. Шеф агентов Берни Олс, вызвал меня и сказал, что вы хотите меня видеть. Я не женат по той простой причине, что не переношу жен сотрудников полиции. – А кроме того вы немного циник, – усмехнулся старец. – Вам не нравится работа у Уайлда?

– Он выставил меня. За несоблюдение субординации. Это мой самый большой недостаток, генерал.

– Это не мое дело, мистер Марлоу. Меня радует ваша искренность. Что вы знаете о моей семье?

– Я слышал, что вы вдовец и что у вас две молодые дочери. Обе очень красивые и обе необузданные. Одна три раза была замужем, третий раз за бывшим контрабандистом спиртным, известным в своей среде под именем Расти Ригана. Это все, что я знаю, генерал.

– Вам ничего не показалось в этом необычным?

– Быть может, эта история с Риганом. Но должен признаться, что меня это общество не шокирует.

Генерал улыбнулся своей скупой бледной улыбкой.

– Мне кажется, меня тоже. Я любил Расти. Он был высоким ирландцем из Клонмела, с густыми локонами на голове, печальными глазами и улыбкой, широкой, как приморский бульвар. Когда я увидел его впервые, то подумал, что он именно тот, на кого и похож – бродяга, которому посчастливилось облачиться в добротный костюм.

– Думаю, вы его очень любили, – сказал я.

Генерал засунул свои бескровные руки под плед. Я погасил окурок и допил брэнди.

– Он был для меня дуновением жизни, пока был здесь. Проводил со мною по много часов, потев, как мышь, литрами потребляя брэнди и рассказывая мне истории периода ирландской революции. Он был офицером в ирландской революционной армии. А в Соединенных Штатах находился нелегально. Это, конечно, было смешное супружество, и, как супружество, вероятно, не продлилось и месяца. Я выдаю вам семейные тайны, мистер Марлоу.

– Вы можете быть уверены в моем умении хранить тайны, – сказал я. – Что случилось с Риганом?

Старец некоторое время смотрел на меня ничего не выразившими глазами. – Он ушел месяц назад. Внезапно, не сказав никому ни слова. Не попрощался даже со мной. Это причинило мне боль, но что ж, он был воспитан в суровой школе жизни. Я уверен, что рано или поздно получу от него известие. Но пока что меня шантажируют.

– Снова? – спросил я.

Он вынул руки из-под пледа, держа в них желтый конверт.

– Пока Расти был здесь, я мог лишь сочувствовать любому, кто попытался бы шантажировать меня. За несколько месяцев до его прибытия, примерно десять месяцев назад, я выплатил одному типу по имени Джо Броуди пять тысяч долларов за то, чтобы он оставил в покое мою младшую дочь, Кармен.

– О! – вырвалось у меня.

Он пошевелил редкими белыми бровями.

– Что вы хотели этим сказать?

– Ничего, – ответил я.

С минуту он присматривался ко мне, наморщив лоб, затем сказал:

– Возьмите этот конверт и осмотрите его. И налейте себе брэнди.

Я взял конверт с его колен и вернулся на место. Вытер руки и осмотрел письмо снаружи. Конверт был адресован генералу Гаю

Стернвуду, 3765, Альта Бри Кресцент, Вест-Голливуд, Калифорния. Адрес написан чернилами, косыми печатными буквами. Конверт был разрезан. Я достал из него желтую визитку и три клочка жесткой бумаги. На тонкой карточке из отличной бумаги сверху золотом было оттиснуто: Артур Гвинн Гейгер. Адрес не указывался. Внизу, в левом углу, маленькими буквами набрано: «Редкие книги и роскошные издания». Я повернул карточку другой стороной. На ней косыми печатными буквами было написано: «Сэр, несмотря на то, что прилагаемые расписки по закону не могут быть обжалованы, поскольку представляют собой долговые обязательства в азартных играх, мне кажется, что вы все же предпочли бы их выкупить. С уважением А.Г.Гейгер».

Я стал изучать три клочка жесткой белой бумаги. Это были написанные чернилами векселя, на которых стояли даты предыдущего месяца. Содержание их было следующим: «Предъявителю сего, Артуру Гвину Гейгеру или же его уполномоченному, я обязуюсь выплатить по их требованию 1000 (тысячу) долларов без процентов. Деньги получила. Кармен Стернвурд».

Текст был написан неразборчивыми каракулями со множеством выкрутасов и кружочками вместо точек.

Я сделал себе еще один коктейль, отпил глоток и отложил в сторону вещественное доказательство.

– И какой же вывод вы из этого делаете? – спросил генерал.

– Пока никакого. Кто такой Артур Гвинн Гейгер?

– Не имею ни малейшего понятия.

– А что по этому поводу вам сказала Кармен?

– Я не спрашивал ее. И не собираюсь. Если бы я это сделал, она, вероятно, начала бы сосать большой палец и состроила бы боязливую гримаску. – Я видел ее в холле, – сказал я. – Действительно, она повела себя именно так. А потом попыталась усесться ко мне на колени.

Выражение лица генерала не изменилось ни на иоту. Его скрещенные руки спокойно лежали на одеяле, а жара, заставлявшая меня чувствовать себя как курица на рожне, совершенно не действовала на него.

– Я должен соблюдать вежливость или могу быть совершенно искренним?

– Мне не кажется, что вы страдаете излишней стеснительностью, мистер Марлоу.

– Как вам кажется, генерал, ваши дочери развлекаются вместе?

– Не думаю. Я считаю, что они идут своими, весьма различными путями к гибели. Вивиан испорченная, утонченная, умная и почти бессердечная. Кармен наоборот ребенок, любящий обрывать мухам лапки. Ни одна из них не наделена чувством моральной ответственности в большей степени, чем кошка. Впрочем, я тоже нет. Ни один из Стернвудов никогда не обладал им. Спрашивайте дальше.

– Думаю, их заботливо воспитывали. Мне кажется, они знают, что делают.

– Вивиан посещала хорошие снобистские школы и университет. Кармен ходила в полудюжину школ со все меньшими и меньшими требованиями, пока, наконец, не закончила образование в точке, с которой начала. Предполагаю, что они обладали и все еще обладают всеми известными пороками. Если в устах отца это звучит несколько зловеще, мистер Марлоу, то, пожалуй, потому, что мой собственный образ жизни всегда был далек от любого рода викторианского ханжества. – Он прислонился головой к спинке кресла и прикрыл глаза, потом внезапно открыл их. – Не стоит добавлять, что мужчина, который на пятьдесят четвертом году жизни впервые испытал радость отцовства, заслужил все, что его постигло.

Я проглотил глоток своего напитка и кивнул. На его худой сероватой шее отчетливо пульсировала жилка, но так медленно, что это едва можно было признать пульсом. Старый человек, полумертвый, но готовый смотреть жизни прямо в глаза.

– Что вы советуете? – неожиданно произнес он.

– Я заплатил бы ему.

– Почему?

– Это вопрос небольшой суммы с одной стороны, и больших неприятностей с другой. Я уверен, что за этим что-то кроется. Однако не думаю, чтобы это разбило вам сердце. Кроме того, многим мошенникам пришлось бы потратить очень много времени, чтобы выманить у вас столько, что это сказалось бы на вашем кошельке.

– У меня есть своя гордость, мистер Марлоу, – произнес он холодно.

– Кто-то на это и рассчитывает. Это простейший способ обмануть вас. Вас или полицию. Гейгер мог бы спокойно получить эту сумму, поскольку вы не смогли бы уличить его в обмане. Вместо этого он посылает вам расписки, добавляя, что это проигрыш в карты или рулетку, и тем самым дает вам в руки оружие, даже если бы Гейгер и оставил чеки у себя. Он хорошо придумал, знает, что получит деньги независимо от того, сочтете вы его мошенником или же порядочным человеком, занимающимся ссудой под небольшой процент. Кто был этот Джо Броуди, которому вы выплатили пять тысяч долларов?

– Какой-то игрок. Уже не помню. Норрис должен знать. Мой слуга.

– У ваших дочерей есть деньги, которыми они могут распоряжаться по своему усмотрению?

– У Вивиан есть, но небольшие. Кармен по завещанию своей матери все еще несовершеннолетняя. Обе получают от меня щедрые карманные.

– Естественно, я могу избавить вас от этого Гейгера, генерал, если вы желаете, – сказал я. – Независимо от того, кто он и чем занимается. Но вам придется немного раскошелиться, не считая гонорара, который вы мне заплатите. Но это, разумеется, нам ничего не даст. Выплата шантажистам откупных никогда ничего не дает. Ваша фамилия уже фигурирует в списке денежных источников.

– Ну да, – он пожал широкими, костистыми плечами, покрытыми красным купальным халатом. – Минуту назад вы сказали, чтобы я заплатил. А теперь говорите, что это мне ничего не даст.

– Я имел ввиду, что было бы дешевле и проще затягивать дело и остановиться на какой-нибудь разумной сумме в этом шантаже, вот и все.

– Боюсь, что я скорее человек, не обладающий терпением, мистер Марлоу. Каковы ваши гонорары?

– Я получаю двадцать пять долларов ежедневно и возмещение всех расходов, если конечно мне повезет.

– Ладно. Это не так уж много за избавление человека от всякого рода паразитов. Это будет очень тонкая операция. Надеюсь, вы отдадите себе в этом отчет. Надеюсь также, что вы проделаете операцию с наименьшим вредом для пациента. Может быть, этих пациентов много, мистер Марлоу.

Я медленно допил второй коктейль и вытер платочком губы и лицо. Брэнди, увы, не уменьшило жары. Генерал кинул на меня короткий взгляд и дернул конец прикрывавшего его пледа.

– Должен ли я обделать дело с этим человеком, разумеется, если его требования будут заключаться в разумных пределах? – спросил я.

– Конечно. Все находится исключительно в ваших руках. Я никогда ничего не делал наполовину.

– Я разберусь с ним, – сказал я.

– Я в этом уверен. А сейчас прошу меня извинить. Я устал. – Он протянул руку и нажал кнопку звонка на поручне кресла. Провод от него был присоединен к толстому черному кабелю, вьющемуся вдоль стенок глубоко вкопанных зеленых ящичков, в которых росли и гнили орхидеи. Генерал закрыл глаза, открыл их еще раз, бросив короткий живой взгляд, и удобно устроился на подушках. Веки его снова опустились. Он уже не обращал на меня никакого внимания.

Я встал, снял пиджак со спинки влажного плетеного стула и направился, обходя орхидеи, к двери. Открыл одну и другую и оказался вне теплицы, жадно вдыхая свежий октябрьский воздух. Шофера уже не было возле гаража. Лакей, официальный и торжественный, бесшумно и спокойно шел ко мне по красной тропинке. Набросив на плечи пиджак, я наблюдал за тем, как он приближается. Он остановился в полуметре от меня и торжественно произнес: – Миссис Риган хотела бы поговорить с вами, прежде чем вы нас покинете. Что касается денег, генерал поручил мне вручить вам чек на какую-нибудь приемлемую сумму в благоразумных пределах.

– Он уполномочил вас? Каким образом?

Он удивленно посмотрел на меня и улыбнулся.

– Ах, да. Понимаю. Вы же детектив... Генерал нажал звонок.

– Вы выписываете чеки за генерала?

– У меня есть такая привилегия.

– В таком случае вам наверняка не грозят похороны за счет городских средств. Пока что мне не нужны никакие деньги. По какому делу миссис Риган хочет говорить со мной?

Его голубые глаза смотрели на меня с бесстрастным спокойствием.

– Кажется, она неправильно поняла причину вашего визита, сэр.

– А кто сообщил ей о моем визите?

– Ее окна выходят к теплице. Она видела, как вы туда входили. Я вынужден был сказать, кто вы.

– Мне это не нравится, – сказал я.

Его голубые глаза стали холодными.

– Вы собираетесь поучать меня, как мне исполнять мои обязанности, мистер?

– Нет, но я неплохо развлекаюсь, пытаюсь угадать, в чем они, собственно, состоят.

Какое-то мгновение мы молча смотрели друг на друга. Наконец, окинув меня голубым взглядом, он отвернулся.

Глава 3

Эта комната тоже была прямо-таки необъятных размеров. Потолок слишком высок, дверь огромная, а белый ковер, покрывавший пол от стены до стены, был похож на снег, только что выпавший на огромную гладь озера. На стенах висели гигантские зеркала, а также длинная хрустальная полка. Мебель цвета слоновой кости была богато украшена хромом, а огромные, тоже цвета слоновой кости, шторы спадали на белый ковер по меньшей мере в метре от окон. Из-за белизны цвет слоновой кости казался грязным, а цвет слоновой кости буквально забивал белый. Окна выходили на темные холмы. В воздухе висела пелена дождя.

Я присел на краешек глубокого мягкого кресла и посмотрел на миссис Риган. На нее стоило посмотреть. Было похоже, что у нее большие неприятности. Она лежала, растянувшись, на сверхсовременном диване. Без тапок, так что я имел возможность таращиться на ее ноги, прикрытые паутиной шелковых чулок. Впрочем, было похоже, что их специально положили так, чтобы предоставить возможность глазеть на них. Они были приоткрыты до колен, а одна даже значительно выше. У нее были красивые колени, не слишком угловатые и не слишком острые, с ямочками, и ровные красивые икры с длинными тонкими лодыжками, достойными по меньшей мере лирической поэмы. Высокая, стройная и сильная. Ее голова покоилась на атласной подушке цвета слоновой кости. У нее были черные жесткие волосы, разделенные пробором посередине, и страстные черные глаза портрета из холла. Подбородок красиво очерчен, губы тоже, хотя уголки их были слегка опущены, а нижняя губа казалась слишком полной.

В руке у нее был бокал. Отхлебнув солидный глоток, она поверх него кинула на меня холодный оценивающий взгляд и сказала:

– Так, значит, вы частный детектив. Не думала, что они существуют в реальной жизни, скорее только в книжках. А кроме того, я представляла их себе угодливыми бесполезными людишками, рыскающими в отельных коридорах.

Я сделал вид, что меня это не касается и пропустил ее вызов мимо ушей.

Она поставила стакан на широкий валик дивана и на ее пальце блеснул изумруд, когда она подняла руку, чтобы поправить волосы.

– Вам понравился мой отец? – неторопливо спросила она.

– Понравился, – ответил я.

– Он очень любил Расти. Я думаю, вы знаете, кто такой Расти?

– Угм, – проворчал я.

– Расти был груб и зауряден, но не лицемерен. Он не должен был исчезать так. Отец огорчен этим, хотя ничего не говорит по этому поводу. А может, он сказал вам?

– Что-то такое он сказал, – подтвердил я.

– Вы не очень словоохотливы, мистер Марлоу, правда? Но отец очень хотел бы найти его... По крайней мере мне так кажется...

Некоторое время я смотрел на нее с необычайно учливой миной, затем ответил:

– И да, и нет.

– Довольно странный ответ. Вы считаете, что можете его отыскать?

– Ведь я не утверждал, что попытаюсь сделать это. Почему вы не обратились в полицию, в отдел по розыску пропавших? Это работа не для одного человека.

– Ах, отец не хочет даже слышать о том, чтобы вмешивать в это дело полицию. – Она спокойно посмотрела на меня поверх бокала, осушила его и нажала кнопку звонка. Через боковую дверь вошла горничная. Это была женщина среднего возраста с длинным желтоватым дружелюбным лицом, длинным носом, маленьким подбородком и большими влажными глазами. Она была похожа на старую клячу, которую после многих лет верной службы пускают на выпас. Миссис Риган протянула ей пустой бокал. Горничная приготовила новую порцию напитка, подала его своей хозяйке и удалилась из комнаты, не произнеся ни слова и не глянув в мою сторону.

– Итак, что вы собираетесь предпринять? – спросила миссис Риган, когда дверь закрылась.

– Когда и как Расти улизнул?

– Разве отец не рассказал вам?

Я склонил голову набок и широко улыбнулся ей. Она покраснела, в ее знойных глазах вспыхнули молнии.

– Не вижу в этом ничего смешного, – выпалила она. – Кроме того, мне не нравятся ваши манеры.

– Я тоже не в восторге от ваших манер, – ответил я. – Я не набивался на этот разговор. Это вы послали за мной. Мне не мешает ни то, что вы кокетничаете со мной, ни то, что на завтрак вы принимаете бутылку виски. Мне не мешает также, что вы показываете мне ноги. Это первоклассные ноги, и возможность ближе познакомиться с ними принадлежит к приятным вещам. Не мешает мне также и то, что вам не нравятся мои манеры. Конечно, они не из лучших. Я уже достаточно огорчился ими длинными зимними вечерами. Но не теряйте времени, пытаюсь допрашивать меня.

Она так резко поставила бокал, что часть виски выплеснулась на шелковую подушку. Махнула ногами, опустила их на пол и встала передо мной с расширившимися ноздрями и метаящими молнии глазами. Ее губы приоткрылись и передо мной блеснули белые зубы. Суставы ее сжатых рук побелели.

– Как вы смеете разговаривать со мной так? – произнесла она приглушенным от ярости голосом.

Я сидел спокойно и улыбался ей. Она медленно закрыла рот и посмотрела на разлитое виски. Затем села на край дивана и оперлась подбородком на руку.

– Боже мой, какой же вы красивый грубиян! Мне надо было швырнуть вам что-нибудь в голову.

Я чиркнул спичкой по ногтю и, – о чудо! – она сразу загорелась. Я выпустил в воздух клуб дыма и ждал, что будет дальше.

– Мне отвратительны деспотичные мужчины, – сказала она. – Я их просто ненавижу.

– Чего вы боитесь, миссис Риган?

Ее глаза потускнели, но через мгновение потемнели снова, а ноздри сжались.

– Я уверена, что он спрашивал вас не про меня, – сказала она напряженным голосом, в котором все еще проскальзывали нотки злости. – Речь шла о Расти, правда?

– Лучше спросите его об этом сами.

– Убирайся! – снова взорвалась она. – К чертовой матери, вон отсюда! Я встал.

– Садитесь, – проворчала она.

Я сел, щелкнул пальцами и стал ждать.

– Пожалуйста, – сказала она. – Я вас умоляю. Ведь вы же можете найти Расти, если...

Если отец так этого хочет.

Это на меня тоже не подействовало. Я кивнул и спросил:

– Когда он ушел?

– Приморно месяц назад, однажды днем. Он просто уехал на своей машине, ничего не сказав. Машину нашли потом в одном из окрестных частных гаражей.

– Нашли?

Она снова изменилась. Все ее тело словно расслабилось. Она улыbnулась мне с видом победителя.

– Так, значит, он вам не сказал. – Голос ее звучал почти радостно, как будто она перехитрила меня. Впрочем, может быть так и было.

– Да, конечно, ваш отец рассказывал мне о Ригане. Но это не та причина, по которой он хотел со мной встретиться. Это вы хотели у меня узнать?

– Меня совершенно не касается то, что вы можете сказать.

– Тогда я пошел, – сказал я вставая.

Она молчала. Я подошел к высокой белой двери и когда обернулся, увидел, что она кусает губы, словно молодой щенок, терзающий край дивана. Я вышел и по выложенной плитками лестнице спустился в холл. Неизвестно откуда появился лакей с моей шляпой в руке. Я надел ее, когда он открывал мне дверь.

– Я полагаю, вы ошиблись, – обратился я к нему. – Миссис Риган вовсе не хотела меня видеть.

Он склонил свою седую голову и с почтением ответил:

– Очень сожалею, мистер. Вероятно, я делаю еще много и других ошибок. Он закрыл за мной дверь.

Я стоял на лестнице, выдыхая сигаретный дым, и глядел на множество террас с цветниками и подстриженными деревьями, которые тянулись вплоть до окружавшего имение высокого металлического забора из прутьев с позолоченными остриями. Широкий спуск вел вниз между опорными стенами к открытой

железной калитке. За оградой возвышенность постепенно понижалась на расстоянии многих миль. Где-то там в отдалении, на нефтеносном пространстве, ставшем источником богатства Стернвудов, виднелось несколько едва различимых старых деревянных насосных вышек. Значительная часть поля теперь была превращена в парк, подаренный генералом городу. И лишь на небольшом пространстве все еще работали несколько нефтяных скважин, ежедневно дающих каких-нибудь пять или шесть баррелей нефти.

Стернвудам, поселившимся на возвышенности, не надо было страдать от запаха нефти и тухлой воды, но они все еще могли из фасадных окон любоваться на то, что сделало их богатыми. Если конечно, им этого хотелось. Но не думаю, чтобы это доставляло им удовольствие.

Идя вдоль внутренней стороны ограды, я спустился по дорожке, выложенной кирпичом, с террасы на террасу до самых ворот, возле которых под большим перечным деревом стояла моя машина. Где-то далеко прогремел гром, небо над возвышенностью затянула багровая чернота. Близилась гроза. Ее предощущение было разлито во влажном воздухе. Я поднял верх своего кабриолета и поехал вниз, к городу.

У нее были действительно чудесные ноги, это надо было признать. Подходящая парочка, она и ее отец! Генерал, очевидно, хотел испытать меня, так как работа, которую он мне поручил, больше подходила юристу. Даже если бы уважаемый Артур Гвинн Гейгер, «Редкие книжки и роскошные издания», оказался обычным шантажистом, все равно это была бы работа исключительно для юриста. Разве что за этим крылось нечто большее, нежели могло показаться на первый взгляд. Похоже, я мог бы неплохо развлечься, попытавшись добраться до истины.

Заехав в публичную библиотеку в Голливуде, я бегло просмотрел скучный том под заглавием «Знаменитые первые издания». Через полчаса, проведенные за этим занятием, я вдруг ощутил, что голоден.

Глава 4

Резиденцией Гейгера оказался магазин в переднем крыле здания, расположенного в северной части бульвара, неподалеку от Лас-Пальмас. Дверь в него размещалась в глубокой нише за витринами. Витринное стекло предохраняла бронзовая решетка, а окна были прикрыты китайскими бамбуковыми ширмами, так чтобы с улицы нельзя было заглянуть внутрь. Кроме того, там валялся всевозможный восточный хлам, о ценности которого я не имел ни малейшего понятия, поскольку мне был безразличен любой антиквариат, кроме неоплаченных счетов. Сквозь входную дверь из толстого листового стекла я тоже ничего не мог увидеть, так как внутри магазина царил полумрак. С одной стороны магазина находился въезд во двор, с другой с ним соседствовала поблескивающий драгоценностями, вызывающий доверие ювелирный магазин. Хозяин этого магазина, слегка скучающий, стоял у его двери, покачиваясь на пятках – седовласый, красивый еврей в черном костюме, с бриллиантом в девять каратов на пальце правой руки. Легонькая догадливая ухмылка искривила его губы, когда я входил в магазин Гейгера. Я тихо прикрыл за собой дверь и ступил на толстый голубой ковер, прикрывавший весь пол от стены до стены. В помещении находилось несколько голубых, крытых кожей кресел, перед которыми стояли столики с принадлежностями для курения. На изысканном продолговатом столике были разложены несколько переплетенных в тисненую кожу томов. Подобные же книги размещались на стеклянных полках, висящих на стенах. Это были исключительно красивые экземпляры, какие метрами привыкли покупать снобы, чтобы заполнять ими полки, предварительно наклеив на них свои экслибрисы. В глубине магазина стояла деревянная перегородка с дверью посередине. Сейчас она была закрыта. В углу между перегородкой и одной из стен за маленьким столиком сидела женщина. Перед ней стояла резная деревянная лампа.

Женщина медленно встала и грациозно приблизилась ко мне покачивающейся походкой. На ней было плотно облегающее, очень черное платье, ее длинные ноги и способ передвижения совсем не соответствовали атмосфере книжного магазина. У нее были зеленые

глаза, густо накрашенные ресницы и пепельного цвета волосы, спадавшие гладкой волной и зачесанные за уши, в мочках которых поблескивали две большие клипсы из черного янтаря. Ее ногти были покрыты серебрянным лаком. Несмотря на все эти внешние достоинства она не производила впечатления благовоспитанной особы. Она подплыла ко мне, излучая мощный заряд сексуальной привлекательности, способный вызвать панику даже среди обсуждающих свои дела бизнесменов, и склонила голову, вроде бы для того, чтобы поправить случайно выбившуюся прядь своих мягких блестящих волос. Ее светская улыбка ничего не выражала, хотя должна была производить впечатление дружеской.

– Чем могу служить? – спросила она.

У меня на носу были толстые роговые солнцезащитные очки. Повысив голос и вложив в него немного птичьего щебета, я пискливо спросил:

– Нет ли у вас, случайно, Бен Гура 1860 года издания?

Она не произнесла сразу же «Что-о, извините?», но была очень близка к этому. Она бледно улыбнулась.

– Первое издание?

– Нет, – ответил я. – Третье, с корректорскими ошибками на сто шестнадцатой странице.

– Боюсь, что нет...

В настоящее время у нас его нет на складе, – ответила она.

– А может есть Шевальей Одюбон 1840 года, полное собрание, естественно?

– Увы...

Пока что у нас этого нет, – промурлыкала она с явно заметным раздражением. Улыбка все еще блуждала по ее лицу, но она висела уже на самом краешке и казалось, вот-вот упадет на пол и расколется на куски.

– Ведь ваша фирма продает книги, – заметил я вежливым фальцетом.

Она окинула меня взглядом с головы до ног. Улыбка исчезла с ее лица, а взгляд стал жестким. Она сделала напыщенную и компетентную мину и покрашенными в серебрянный цвет ногтями постучала по стеклянной полке.

– А по вашему что это такое? Грейпфруты? – язвительно допытывалась она.

– О, эти вещи меня не интересуют, понимаете ли. Ведь это же все низкопробные дубликаты, копии, дешевые, хотя и эффектные. Заурядный ярмарочный товар! О нет, премного благодарен, нет.

– Понимаю, – она старалась снова натянуть улыбку на свое лицо. – Возможно, вам мог бы помочь мистер Гейгер, но его сейчас нет.

В ее взгляде появлялось все больше озабоченности. Во всяком случае я уже знал наверняка, что она разбирается в редких книгах не больше, чем в блошином цирке.

– А вы можете сказать, когда он придет?

– Боюсь, что поздно.

– Как жаль, – вздохнул я. – В самом деле жаль. Ладно, тогда я посижу на одном из этих прекрасных стульев и выкурю сигарету. Сегодня после обеда я не очень занят, мне нужно только обдумать свою лекцию по тригонометрии. – Понимаю, – сказала она. – Да...

Конечно.

Удобно устроившись в кресле, я закурил, воспользовавшись стоявшей на столе круглой никелированной зажигалкой. Женщина постояла немного, закусив нижнюю губу, с неопределенным выражением озабоченности во взгляде, потом кивнула и отвернулась к своему маленькому столику в углу. Она наблюдала за мной из-за лампы. Я заложил ногу на ногу и зевнул. Ее серебряные коготки придвинулись к телефону, стоявшему на столике, но не коснулись его, опустились и стали постукивать по крышке стола.

Молчание длилось минут пять. По прошествии этого времени входная дверь открылась и в ней показался высокий слащавый тип с тростью и здоровенным носом. Он нажал на ручку, игнорируя автоматический замок, прошествовал к столику, положил на него бумажный сверток, затем вынул из кармана бумажник с позолоченными краями и что-то показал блондинке. Она нажала кнопку звонка на столе. Высокий подошел к двери в деревянной перегородке и слегка приоткрыл ее – так мало, что едва протиснулся в нее. Я закончил одну сигарету и прикурил новую. Время тянулось медленно.

Сквозь закрытую входную дверь доносились отзвуки уличного шума и автомобильные гудки. Проехал большой красный автобус

междугородного сообщения. Сменялись огни светофора на перекрестке. Блондинка уселась на стуле поудобнее, подперла лоб рукой и внимательно наблюдала за мной сквозь пальцы. Дверь в деревянной стене снова открылась и высокий мужчина с тросточкой выскользнул из нее. В руке у него был свежееупакованный сверток, по форме похожий на толстую книгу. Он подошел к столику и уплатил какую-то сумму. Вышел он так же, как и вошел, ступая на цыпочках и дыша раскрытым ртом, а проходя мимо, бросил на меня короткий подозрительный взгляд.

Я вскочил, махнул блондинке шляпой и пошел за ним. Он азартно вышагивал в западном направлении, помахивая тросточкой и описывая ею маленький полукруг точно возле правого ботинка. Следить за ним было не трудно. На нем был пиджак, сшитый из материала, напоминавшего конскую попону кричащей раскраски, широкий в плечах настолько, что торчащая из него шея казалась стеблем сельдерея, к которому прикреплена покачивающаяся в такт шагам голова. Так мы прошли вместе несколько сот метров. На ближайшем перекрестке я поравнялся с ним и позволил ему заметить себя. Он бросил на меня сначала рассеянный, потом короткий подозрительный взгляд и быстро отвел глаза. Когда зажегся зеленый свет, мы пересекли улицу и дошли до следующего перекрестка. Он вымахивал своими длинными ногами так, что на ближайшем углу опередил меня метров на пятнадцать. Затем свернул направо. Через сто шагов он вдруг остановился, повесил тросточку на плечо и достал из внутреннего кармана пиджака кожаный портсигар. Сунул сигарету в рот, и уронил спички. Поднимая их, он огляделся и, заметив, что я наблюдаю за ним из-за угла, выпрямился так резко, как-будто ему дали пинка. Потом поспешно двинулся дальше, почти поднимая пыль своими неуклюжими ногами и постукивая тросточкой по плиткам тротуара. Затем снова свернул – на этот раз налево. Он опережал меня более чем на пол-улицы, когда я добрался до того места, где он свернул. Я перевел дух. Это была узкая, обсаженная деревьями улица, ограниченная опорной стеной с одной стороны, и тремя бунгало с двориками -с другой.

Он исчез. Я брел вдоль улицы, озираясь на все стороны.

Я остановился возле второго имения, носящего название «Али Баба». Это было тихое место с двумя рядами маленьких деревянных

коттеджей, располагавшихся в тени деревьев. Дорога, проходящая между двумя домиками, была обсажена итальянскими кипарисами, подстриженными так, что они напоминали низкие и пузатые кувшины с маслом из «Али-Бабы и сорок разбойников». За третьим кувшином я заметил плечо в материале кричащей расцветки.

Прислонясь к придорожному кипарису, я стал ждать. Где-то над взгорьями снова прогремел гром. Просверк молнии осветил нагромождение черных туч на юге. Первые капли дождя упали на дорогу, оставив на ней мокрые пятна величиной с пятицентовик. Воздух был почти так же неподвижен, как и в теплице генерала Стернвуда.

Из-за дерева снова показался цветастый пиджак, затем большой нос, глаз и русая голова без шляпы. Глаз пристально посмотрел на меня и исчез. Второй глаз словно дятел возник по другую сторону дерева. Прошло пять минут. Этого оказалось достаточно, я доконал его. Он принадлежал к типу людей со слабыми нервами. Я услышал треск спички, потом до меня донеслось посвистывание и неясная тень скользнула к следующему дереву. Спустя некоторое время он оказался на дорожке и направился прямо ко мне, насвистывая и поигрывая тросточкой. Свист звучал несколько искусственно и, видимо, давался ему нелегко. Я задумчиво поднял глаза к небу. Он прошел в трех метрах от меня, не удостоив даже взглядом. Он был спокоен, так как избавился от свертка.

Я подождал, пока он уйдет, потом направился к «Ла Бабе» и раздвинул ветви третьего кипариса. Вытащив оттуда звернутую в бумагу книжку, я сунул ее под мышку и пошел своей дорогой. Никто меня не окликнул и никто не преследовал.

Глава 5

Снова оказавшись на бульваре, я зашел в телефонную будку и отыскал в справочнике домашний адрес Артура Гвинна Гейгера. Он жил на Лэйверн-террас, боковой улочке, ответвляющейся от бульвара Ларель-каньон. Я опустил в автомат монету и из чистого любопытства набрал номер. Никто не ответил. Просмотрев справочник, я записал адреса нескольких книжных магазинов, расположенных в близлежащих кварталах.

Первый, в который я отправился, находился на северной стороне -большой подвал с письменными принадлежностями и набитый книгами полуэтаж. Это было не то, что я искал. Я перешел на другую сторону улицы и направился в восточном направлении, к следующему. Этот был уже более похож на магазин, который мне требовался. Небольшая лавчонка, уставленная полками с книгами от пола до потолка. Четверо или пятеро книголюбителей листали новые издания, оставляя следы пальцев на новехоньких обложках. Никто не обращал на них внимания.

Протолкавшись между ними, я прошел за перегородку и наткнулся на низенькую брюнетку, читающую за столиком какую-то юридическую книгу.

Я положил перед ней открытый бумажник и дал возможность взглянуть на прикрепленный к его клапану значок. Она посмотрела на него, сняла очки и отклонилась назад, удобнее устроившись на стуле. Я спрятал бумажник в карман. У нее было утонченное лицо очень умной еврейки. Она молча смотрела на меня.

– Не окажете ли вы мне одну услугу? – спросил я. – Маленькую услугу. – Трудно сказать. А в чем дело? – У нее был мягкий глухой голос.

– Вы знаете магазин Гейгера? В двух кварталах отсюда, на запад?

– Кажется, я проходила там несколько раз.

– Это книжный магазин, – пояснил я. – Но не такой, как ваш. Впрочем, вам это, очевидно, хорошо известно.

Она ничего не ответила, лишь слегка искривила губы в презрительной гримасе.

– Вы знаете Гейгера в лицо? – спросил я.

– Весьма сожалею, но я не знаю мистера Гейгера.

– А вы не могли бы сказать мне, как он выглядит?

Ее губы искривились чуть больше.

– А я должна?

– Нет, конечно, не должны. Если вы не желаете, я не могу вас заставить.

Она посмотрела на дверь в перегородке и снова откинулась на спинку стула.

– На вашем значке была выбита звезда шерифа?

– Его добровольный помощник. Но это ничего не значит. И стоит не больше понюшки табака.

– Понятно. – Она достала из ящика стола пачку сигарет, вытащила одну, раскатала в пальцах и взяла ее в рот. Я поднес ей зажженную спичку. Она поблагодарила и посмотрела на меня сквозь облачко сигаретного дыма. – Вы хотите знать, как он выглядит, но не хотите лично встретиться с ним? – осторожно спросила она.

– Его нет в магазине, – сказал я.

– Я думаю, он когда-нибудь придет. В конце-концов это его магазин.

– Пока что я не хотел бы встречаться с ним, – признался я наконец.

Она снова взглянула через открытую дверь внутрь магазина.

– Вы разбираетесь в белых воронах? – спросил я.

– Можете проэкзаменовать меня.

– Нет ли у вас Бен Гура 1860 года, третье издание с повторяющимся стихом на сто шестнадцатой странице?

Она отодвинула юридический труд, протянула руку к толстой книге, лежавшей на столе, пролистнула несколько страниц, нашла нужную и просмотрела ее.

– Этого нет ни у кого, – не поднимая глаз сказала она, – ничего такого не существует.

– Вы правы.

– Ради бога, к чему вы клоните?

– Девушка в магазине Гейгера не знала, что такой книги не существует. Она посмотрела на меня.

– Да? Вы меня заинтересовали. Но не очень.

– Так уж вышло, что я частный детектив. Быть может я задаю слишком много вопросов, но узнал пока что гораздо меньше.

Женщина выпустила мягкое серое колечко дыма и ткнула в него пальцем. Кольцо расплылось на маленькие клочки, а она заговорила – вежливо, но совершенно равнодушно.

– Ему около сорока по моей оценке, среднего роста, со склонностью к полноте. Весит примерно семьдесят пять килограммов. У него полное лицо, усики как у Чарли Чаплина, толстая мягкая шея. Вообще весь он какой-то мягкотелый. Одевается очень хорошо, никогда не надевает шляпу. Делает вид, что разбирается в антиквариате, хотя на самом деле ничего в нем не смыслит. Ах да! Левый глаз у него стеклянный.

– Из вас вышел бы хороший сыщик, – сказал я.

Она сунула каталог обратно на полку рядом с ее столиком и снова придвинула к себе юридический труд.

– Надеюсь, что нет, – сказала она, надевая очки.

Я поблагодарил ее и вышел. Начался дождь. С бумажным свертком под мышкой я побежал под дождем к своей машине, запаркованной в боковой улочке, почти напротив магазина Гейгера. Но пока добрался до нее, промок до нитки. Забравшись в машину, я поднял оба стекла, вытер сверток носовым платком и распаковал его.

Конечно, я знал, что в нем может быть. Тяжелая, хорошо переплетенная книжка, красиво отпечатанная специальным шрифтом на отличной бумаге. Она была иллюстрирована множеством фотографий на всю страницу. И текст и снимки были неописуемо похабны. На обложке виднелись даты взятия и возврата. Книжка, взятая на прокат. В прокатном пункте специальных изданий с утонченной порнографией.

Я снова упаковал книжку и положил ее на заднее сиденье. То, что столь омерзительная деятельность ведется в открытую на главном бульваре, могло означать лишь одно: владелец прокатного пункта находится под опекой влиятельных лиц. Я сидел в машине, травился сигаретным дымом, слушал, как шумит дождь и размышлял.

Глава 6

Проливной дождь переполнял водостоки и, вырываясь из них, заливал тротуары потоками воды. Высокие полицейские в блестящих, как стволы револьверов, прорезиненных плащах развлекались тем, что переносили хохочущих девушек через самые большие лужи на мостовой. Дождь резко барабанил по крыше моей машины и проникал внутрь. На полу, как раз под моими ногами, образовалась лужа. Это было ненормально – такой ливень в это время года. Я с трудом натянул на себя отсыревший плащ и быстро добежал до ближайшей закусочной, где купил себе бутылку виски. В машине я сделал из нее солидный глоток, так что мне снова сделалось тепло и весело. Я стоял здесь уже гораздо больше, чем это позволяли правила, но, к счастью, полицейские были слишком заняты переноской девчат и своими свистками, чтобы беспокоиться о моей машине.

Несмотря на дождь, а может быть, именно поэтому, у магазина Гейгера царил большое оживление. Из останавливающихся перед ним элегантных автомобилей выходили весьма прилично выглядевшие люди, исчезали внутри и появлялись вновь, обремененные свертками. И это были не только одни мужчины.

Гейгер появился примерно в четыре часа. Я успел заметить полное лицо с чаплиновскими усиками, когда он вылезал из машины и входил в магазин. Он был без шляпы, в зеленом кожаном плаще с поясом. С того расстояния, на котором находился, я не мог разглядеть, стеклянный ли у него глаз. Высокий молодой и красивый парень в кожаной куртке вышел из магазина и отвел машину за угол. Он вернулся пешком со слипшимися от дождя блестящими черными волосами.

Прошел час. Стемнело. Затуманенные дождем огни магазинов терялись в уличном мраке. С грохотом проезжали трамваи. Примерно в полшестого красивый парень в кожаной куртке с зонтиком вышел из магазина, подвел кремовую машину и запарковал ее перед парадной дверью. Когда вышел Гейгер, парень подержал зонтик над его непокрытой головой. Стряхнув с него воду, он подал его Гейгеру, когда

тот уже сидел за рулем. А сам быстро вбежал обратно в магазин. Я завел мотор.

Машина Гейгера покатила по бульвару в западном направлении. Это вынудило меня не по правилам свернуть налево и создало мне много недругов среди водителей, один из которых даже высунул голову под проливной дождь и отругал меня. Когда я закончил свой маневр, кремовый автомобиль находился уже на два квартала впереди. У меня была надежда, что Гейгер едет домой. Два или три раза мне удалось заметить светлую машину, и наконец я увидел, что она свернула в один из переулков влево и поехала по кривой бетонированной улице. Это была Лэйверн-террас, узенькая улочка с домами, разбросанными по наклонной, расположенными только по одной стороне так, что их крыши находились почти на уровне шоссе. Окна домов заслоняла чаща кустов и живой изгороди. Промокшие деревья торчали там и тут на всем протяжении улицы.

Гейгер включил фары. Я не последовал его примеру, лишь добавил газу и обогнал его на повороте. Он как раз тормозил. Отметив в памяти номер дома, я остановился за перекрестком. Фары гейгеровской машины освещали гараж рядом с небольшой виллой, окруженной таким сложным лабиринтом живой изгороди, что ее почти не было видно за ней. Я наблюдал за тем, как Гейгер с раскрытым зонтиком вышел из гаража и исчез в доме. Он вел себя так, словно вообще не ожидал, что за ним кто-нибудь может следить. Внутри виллы зажегся свет. Я подъехал к ближайшему дому, производящему впечатление нежилого. Припарковался, проветрил машину, хлебнул из бутылки и, вооружившись терпением, стал ждать. Не знаю чего, но какой-то внутренний голос велел мне ждать. Время тянулось немилосердно медленно.

За все время мимо меня проехало каких-нибудь две машины, направлявшиеся к вершине возвышенности. Это была очень спокойная улица. Вскоре после шести часов сквозь струи дождя пробился какой-то свет. Вокруг царила настоящая тьма египетская, а свет был светом фар автомобиля, остановившегося перед домом Гейгера. Фары сияли еще некоторое время, потом погасли. Дверца машины открылась и из нее вышла женщина. Маленькая стройная женщина в большой фетровой шляпе и прозрачном дождевике. Она направилась через лабиринт живой изгороди к вилле. Слабо прозвучал звонок. Сквозь

дождь блеснул свет, до меня донесся звук закрывающейся двери и снова воцарилась тишина.

Из ящичка под приборной доской я достал фонарик, вылез из машины и отправился посмотреть на автомобиль, стоявший перед домом Гейгера. Это был «паккард». Темно-красный или темно-коричневый. Я нащупал водительские права в рамке под целлулоидной пленкой и осветил их. Документ был выписан на имя Кармен Стернвуд, 3765 Альта Бри Кресцент, Вест-Голливуд. Я вернулся к своей машине, снова забрался внутрь и стал ждать. Капли дождя стекали мне на колени, виски жгло желудок. Никто больше не проехал по Лэйверн-террас, ни малейшего проблеска света не появилось в окнах дома, перед которым стояла моя машина. Прекрасные условия для совершения запретных поступков.

В двадцать минут восьмого в доме Гейгера вспыхнул яркий белый свет, как молния в летнюю грозу. Прежде чем тьма поглотила его, раздался высокий истерический крик и почти тотчас заглох в намоченных дождем деревьях. Я выскочил из машины еще до того, как он успел отзвучать.

В этом крике не было страха. Он производил впечатление скорее радостного ужаса, в нем слышалось что-то пьяное, какая-то нота чистого безумия. Это был странный звук. Он наводил на мысль о людях в белых халатах, размещенных в домах с зарешеченными окнами, и о твердых узких нарах с прикрепленными к ним кожаными ремнями для рук и ног.

Прежде чем я добрался до калитки, в доме снова воцарилась полнейшая тишина. К двери была прибита металлическая львиная голова со свисающим из ее пасти кольцом, служившим вместо колотушки. Я протянул руку и приподнял кольцо. В тот же миг, словно кто-то ожидал сигнала, в доме прогремели три выстрела. После них послышался звук, напоминавший глубокий хриплый вздох. Затем – словно упало что-то мягкое и безжизненное. И наконец раздались быстрые удаляющиеся шаги.

Задняя дверь черного хода выходила на узкую, как мостик над потоком, тропинку, тянущуюся в узкой щели между живой изгородью и домом. Не было никакой веранды, никакого иного пути, по которому можно было бы добраться до задней части дома. От черного хода вниз, на улицу, вели деревянные ступеньки, загромыхавшие под чьими-то

ногами. Взревел мотор машины, но и этот звук быстро затих вдали. Мне казалось, что я слышу шум еще одного автомобиля, но полной уверенности у меня не было. Дом стоял передо мной тихий, как кладбищенский склеп. То, что было внутри, наверняка там и останется.

Усевшись верхом на забор, я наклонился к окну и попытался заглянуть внутрь через щель между шторами. Мне удалось увидеть свет лампы, падавший на одну из стен, и часть книжного шкафа. Я слез вниз, вернулся к фасадной двери и попытался вышибить ее плечом. Это был не очень толковый поступок. В любом калифорнийском доме есть только одна вещь, которую невозможно выломать – это фасадная дверь. Единственным следствием этой операции была боль в плече, приведшая меня в ярость. Я снова взобрался на забор, ногой выбил стекло и, используя шляпу вместо перчатки, рукой удалил осколки из нижней рамы. Теперь я легко мог дотянуться до шпингалета. Остальное уже было забавой. Защелка уступила и окно открылось. Я влез внутрь и раздвинул шторы. В комнате находилось два человека. Ни тот, ни другой не обратил внимания на способ, каким я вошел. Но мертвый был только один из них.

Глава 7

Это была большая просторная комната, шириной равная ширине всего дома, с низким бревенчатым потолком и коричневыми стенами, густо увешанными вышитыми китайскими шелками, а также японскими и китайскими гравюрами в деревянных резных рамах. В ней стояло несколько низеньких стеллажей для книг, а пол прикрывал темно-красный китайский ковер, такой пушистый, что если бы какой-нибудь суслик вздумал в нем поселиться, то мог бы круглые сутки не высовывать из него нос. На ковре лежали подушки в наволочках из случайно подобранных кусков шелка. Это выглядело так, словно у хозяина дома под рукой должно было находиться что-нибудь, что он мог бы швырнуть в любой момент. Там стояла также широкая тахта, покрытая старым розовым ковриком. На ней лежала груда одежды и кучка фиолетового шелкового белья. На узкой подставке стояла большая резная лампа, а у двух других были изумрудно-зеленые абажуры с длинной бахромой. Тяжелый черный стол покоился на двух чудовищах в виде драконов, за ним черное кресло с резными подлокотниками и спинкой и желтой шелковой подушкой на сидеи. В воздухе плавал дурмящий коктейль запахов, но сильнее всего чувствовался смрад сгоревшего пороха и больничный аромат эфира.

В другом конце комнаты на чем-то вроде небольшого возвышения стояло деревянное кресло с высокой спинкой, а на нем, на украшенной бахромой желтой шали покоилась Кармен Стернвуд. Она сидела неподвижная и прямая, положив руки на подлокотники кресла, с крепко сжатыми коленями, в позе египетской богини. Ее подбородок был выдвинут вперед, маленькие белые зубы блестели в приоткрытом рту. Безумие застыло в увеличенных зрачках широко раскрытых глаз. Сознание, казалось покинуло ее, несмотря на то, что она сидела как человек, отдающий отчет своим действиям. Она была похожа на человека, в голове которого происходит важнейший мысленный процесс. Из ее рта исходил пискливый приглушенный звук, но это не меняло выражения ее лица, а губы не двигались.

В ушах у нее были длинные серьги из яшмы. Исключительно красивые сережки, стоившие, вероятно, не одну сотню долларов.

Кроме них на ней не было ничего.

У нее было красивое тело, маленькое, гибкое, плотное и крепкое -словно изваянное. В свете ламп ее кожа казалась матово-жемчужной. Правда, ноги не обладали тем изысканным изяществом, каким отличались ноги миссис Риган, но все же были очень красивы. Я смотрел на них без смущения, но и без волнения. Для меня она не являлась голой девушкой, для меня она была просто наркоманка. И навсегда должна была остаться таковой.

Я отвел от нее взгляд и посмотрел на Гейгера. Он лежал на спине на краю китайского ковра рядом с чем-то, что было похоже на индейский тотемный столб. У этого чего-то был орлиный профиль, а его большой круглый глаз напоминал на линзу фотоаппарата, направленную на сидевшую в кресле голую девушку. К «тому» была прикреплена лампа-вспышка. На Гейгере были тапки на толстой войлочной подошве, черные шелковые пижамные штаны и китайский халат, спереди пропитанный кровью. Его стеклянный глаз, блестя, уставился на меня и казался единственной живой частью его тела. С первого взгляда было видно, что все три пули попали в цель. Он был мертв.

Взрыв лампы-вспышки и было то, что навело меня на мысль о молнии, безумный крик вызвала реакция одурманенной наркотиками девушки, а три выстрела являлись делом рук кого-то третьего, кто, видимо, хотел изменить ход событий. Кого-то, кто выбежал черным ходом, сбежал по деревянной лестнице, вскочил в машину и стремительно умчался. В принципе я одобрял его образ действий.

На красном лакированном подносе на краю черного стола все еще стояли два тонких с золотой каемкой стаканчика, а рядом с ними пузатый графинчик, наполненный темной жидкостью. Я вынул пробку и понюхал содержимое. Пахло эфиром и чем-то еще, может быть опиумным раствором. Я никогда не пробовал подобной смеси, но вынужден был признать, что она исключительно соответствовала атмосфере гейгеровского жилища.

Я слушал, как капли дождя барабанят по крыше и в окно, выходящее на северную сторону. Это были единственные слышимые звуки – ни подъезжавших машин, ни полицейских сирен, лишь настойчивый барабанный бой дождевых капель. Я снял с себя плащ, порылся в одежде девушки и нашел зеленое шерстяное платье,

надевавшееся через голову, с короткими рукавами. Мне казалось, что его будет легче всего надеть на нее. Я решил не возиться с бельем, не из-за врожденной деликатности, а просто потому, что не мог представить себя, надевающим на нее трусы и застегивающим бюстгалтер. Я взял платье и подошел к креслу, в котором сидела мисс Стернвуд. От нее тоже пахло эфиром, его слышно было за километр. Из ее рта все еще исходил сдавленный писклявый звук, в уголках губ скапливалась пена. Я дал ей пощечину. Она заморгала и замолчала. Я ударил ее еще раз.

– Так, – сказал я безмятежно. – А теперь будем послушными и красиво оденемся.

Она посмотрела на меня, ее темно-серые глаза были пусты, как дырки, вырезанные в маске, и издала нечленораздельный звук.

Я ударил ее еще несколько раз, но это не произвело на нее никакого впечатления и не вывело из наркотического оцепенения. Я занялся платьем. На это она тоже не обратила никакого внимания. Когда я поднял ей руки, она расставила пальцы так широко, как будто хотела принять особо изящную позу. Я протолкнул растопыренные руки в рукава, натянул платье на тело и поставил девушку на ноги. Она хихикнула и всем телом навалилась на меня. Я снова посадил ее в кресло, надел ей на ноги сначала чулки, а потом туфли и сказал:

– Ну, а теперь пойдем немного прогуляемся. Совершим небольшую приятную прогулку.

И мы отправились на эту прогулку. Она состояла в том, что или мы оба исполняли что-то вроде изящного танца, словно пара слаженных партнеров, или ее серьги ударяли мне в грудь. Мы прохаживались так туда и обратно – к трупу Гейгера и назад. Я заставил ее посмотреть на него. Он ей очень нравился. Она вздохнула и пыталась сказать мне об этом, но ей удалось лишь выдавить из себя несколько пузырьков воздуха. Подойдя с нею к дивану, я уложил ее на него. Она икнула два раза, немного похихикала и уснула. Я набил карманы остатками ее одежды и отправился взглянуть на «индейский тотем». Вмонтированный в него фотоаппарат уцелел, но кассета, увы, была вынута. Я подумал, что, может быть Гейгер вынул ее, прежде чем его застрелили, и осмотрел пол. Безрезультатно. Взяв его за холодеющую руку, я немного передвинул тело. Кассеты не было. Это мне не понравилось.

Я осмотрел весь дом. Направо была ванная и запертая дверь в глубине кухни. Окно в кухне было выломано, жалюзи сорваны, крючок вырван, задняя дверь распахнута. Я оставил ее открытой и вошел в спальню, расположенную слева от холла. Она была опрятна, изысканно обставлена, сразу видно -дамская. На кровати лежало украшенное оборками покрывало. На трюмо стояли пузырьки с духами, а рядом лежал носовой платок, немного мелочи, несколько мужских щеток для волос, футляр для ключей. В стенном шкафу висели мужские костюмы, а из-под кровати выглядывали мужские туфли. Комната хозяина дома. Я взял ключи с трюмо, вернулся в гостиную и обшарил стол. В нижнем ящике оказалась запертая стальная шкатулка. Я открыл ее одним из ключей. В шкатулке лежал голубой в кожаном переплете блокнот со множеством записей, сделанных при помощи кода и теми же печатными буквами, какие я уже видел в письме генералу Стернвуду. Я положил блокнот в карман и тщательно вытер шкатулку в тех местах, где прикасался к ней, затем закрыл стол, спрятал ключи, перекрыл газ к камину, надел плащ и попытался разбудить Кармен Стернвуд. Но это было невозможно. Тогда я напялил ей на голову ее большую фетровую шляпу, закутал в плащ и отнес в ее собственную машину. Потом вернулся, погасил все лампы, закрыл входную дверь, достал из ее сумочки ключ и завел «паккард».

С холма мы спустились без огней. Расстояние до дома Стернвудов я преодолел не более чем за десять минут. Кармен спала, дыша мне эфиром прямо в лицо. Пришлось опереть ее голову на мое плечо – это был единственный способ не дать ей снова улечься мне на колени.

Глава 8

Из маленьких окошечек боковой двери особняка Стернвудов сочился тусклый свет. Я остановил «паккард» перед воротами и освободил карманы от вещей Кармен. Девушка храпела в углу. Шляпа съехала ей на нос, руки были бессильно сложены на плаще. Я вылез из машины, подошел к двери и позвонил. Шаги приближались медленно, словно откуда-то с огромного расстояния. Дверь открылась и передо мной предстал прямой, как свеча, седовласый лакей. Свет, падающий из вестибюля, отражался от его волос, будто ореолом окружая голову старого слуги.

– Добрый вечер, мистер, – вежливо сказал он и посмотрел на «паккард». Потом его взгляд вернулся ко мне.

– Миссис Риган дома?

– Нет, мистер.

– Генерал, вероятно, уже спит?

– Да. По вечерам ему спится лучше всего.

– А что горничная миссис Риган?

– Матильда? Она здесь, мистер.

– Было бы хорошо, если бы она сошла вниз. Здесь требуется женская рука. Загляните внутрь машины и вы поймете, почему.

Он заглянул. А когда вернулся, сказал:

– Понимаю. Иду за Матильдой.

– Матильда сумеет с этим справиться? – спросил я.

– Мы все умеем справляться с этим, мистер, – ответил он.

– Догадываюсь. Должно быть, у вас уже большой опыт.

Он сделал вид, что не расслышал моего замечания.

– Итак, спокойной ночи, – сказал я. Все остальное я предоставляю вам. – Большое вам спасибо, мистер. Мне вызвать такси?

– Ни в коем случае, – возразил я. – Между прочим, меня здесь вообще не было. Перед вами дух.

Он с улыбкой склонил голову, а я повернулся и пошел к воротам.

Я прошел так десять кварталов вниз по извивающимся, залитым дождем улицам, под деревьями, с которых непрерывно капало, минуя большие особняки со светящимися окнами, окруженные призрачными

громадами оград, и огни далеких зданий, расположенных где-то высоко на холмах, таких же далеких и недоступных, как и избушки волшебниц в заколдованном лесу. Дошел до ярко освещенной заправочной станции, сквозь запотевшее окно которой был виден заправщик в белой фуражке и темно-синем дождевике, сидевший за столом и читавший газету. Я посмотрел внутрь и пошел дальше. Вымокнуть больше, чем я вымок, было уже невозможно. В такую ночь, как эта, у человека скорее вырос бы на ладони кактус, нежели бы он дождался такси. И милосердия таксистов.

Я потратил более получаса, хотя шел очень быстро, на то, чтобы добраться до дома Гейгера. Улица была пуста, ни людей, ни машин кроме моей, припаркованной у соседнего дома, производившего впечатление покинутого, несчастного пса. Я достал бутылку виски, влил в себя половину того, что еще оставалось в ней, сел в машину и наконец-то закурил. Выкурив сигарету до половины, я направился к дому Гейгера. Открыл дверь и оказавшись в тихой, теплой комнате, остановился, а вода ручьями стекала с меня на пол. С минуту я прислушивался. Потом нащупал выключатель и включил свет.

Первое, что я заметил, это то, что несколько вышитых полос китайского шелка, висящих на стене вместо ковров, сорваны. Перед этим я их разумеется не считал, но голые места на деревянной панели сами бросались в глаза. Я прошел немного вперед и зажег следующую лампу. Потом посмотрел на «тотем». У его ног, сразу же у края китайского ковра, лежал новый ковер, которого раньше тут не было. Раньше тут лежал труп Гейгера. Теперь кто-то убрал его.

Мне стало холодно. Я сжал губы и подозрительно посмотрел на стеклянный глаз «тотема». Потом снова осмотрел весь дом. Все было так же, как и раньше. Тела Гейгера я не нашел ни на украшенной оборками кровати, ни под ней, не было его также ни в стенном шкафу, ни в кухне, ни в ванной. Оставалась только запертая на ключ дверь по правую сторону холла. Один из ключей Гейгера подходил к замку. Комната была интересна тем, что сильно отличалась от комнаты Гейгера. Это была строго обставленная мужская спальня с деревянным натертым до блеска полом, на котором лежало несколько индейских циновок, стояли два простых стула, комод из темного дерева с мужскими туалетными приборами и две черные свечи в высоких, сантиметров на тридцать, латунных подсвечниках. Узкая, прикрытая

коричневым покрывалом кровать казалась довольно жесткой. Комната выглядела холодно и сурово. Я запер дверь, вытер ручку платком и вернулся к «индейскому тотему». Присел и присмотрелся к ворсу ковра. Мне показалось, что я заметил две параллельные бороздки, наискосок тянувшиеся по ковру до самой парадной двери, как будто кто-то тащил тело, а каблуки волочились по ковру. Кто бы это ни сделал, он здорово потрудился. Трупы обычно бывают очень тяжелыми. Полиция не могла сделать это. Полицейские все еще находились бы здесь и только сейчас по-настоящему принимались бы за работу, со всеми этими ихними рисунками мелом, фотоаппаратами, порошком для обнаружения следов отпечатков пальцев и дешевыми сигарами. Не был это также и убийца. Слишком быстро он удирал. Он видел девушку и у него не было уверенности в сознании ли она, видит ли его. Наверняка он сейчас находился по дороге к какому-нибудь удаленному месту, в котором мог бы укрыться. Я не мог найти ответов на все эти вопросы, но мне было наруку, что кто-то хотел, чтобы Гейгера сочли пропавшим, а не убитым. Это давало мне шансы на выяснение загадки, если бы я рассказал, кому надо, всю эту историю, умолчав, естественно, об участии в ней Кармен Стернвуд.

Я вышел из дома, запер дверь, завел машину и поехал домой, где принял душ, переделся в сухую одежду и приготовил себе ужин, с которым здорово припозднился. Потом уселся в удобное кресло и выпил слишком много горячего грога, пытаясь найти ключ к зашифрованным записям в голубом блокноте Гейгера. В одном я был уверен – это был список фамилий и адресов, очевидно его клиентов. Я насчитал их свыше четырехсот. Ничего удивительного, что его дело процветало! Тем более, что у него были возможности для шантажа. И многих из них он, вероятно, шантажировал. Любая фамилия в этом списке могла быть фамилией убийцы. Я не завидовал полицейским, им пришлось бы здорово потрудиться, если бы этот блокнот попал им в руки...

Накачанный виски и сомнениями, я отправился в кровать. И всю ночь мне снился человек в окрававленном китайском халате, гонявшийся за голой девушкой с длинными серьгами из яшмы в ушах, и я сам, бегавший за ними и пытавшийся сделать снимок фотоаппаратом, в котором не было пленки.

Глава 9

Утро было ясное, чистое и солнечное. Я проснулся, ощущая отвратительный вкус во рту, выпил две чашки кофе и просмотрел утренние газеты. Ни в одной из них даже не упоминалось об Артуре Гвинн Гейгере. Я как раз собирался погладить свой промокший плащ, когда зазвонил телефон. Это был Берни Ольс, инспектор уголовной полиции, тот самый, который порекомендовал меня генералу Стернвуду.

– Ну, как дела? – начал он тоном человека, который хорошо спит и не имеет чересчур много долгов.

– У меня страшно трещит голова с похмелья, – ответил я.

– Ай-яй-яй, – рассмеялся он как бы слегка отсутствующим смехом, а потом продолжал тоном ниже, ничего не выражающим безличным голосом полицейского. – Вы уже виделись с генералом Стернвудом?

– Угм.

– Вы уже сделали что-нибудь?

– Был сильный дождь, – ответил я, как будто это все объясняло.

– Похоже, что это семья, с которой происходят интересные вещи. Большой «бьюик», принадлежащий одному из членов семьи, как раз сейчас валяется в воде возле рыбацкого причала в Лидо.

Я сжал трубку с такой силой, что чуть не раздавил ее, и перестал дышать.

– Да, да, – оживленно продолжал Ольс. – Прекрасный «бьюик», новехонький лимузин, весь попорченный песком и морской водой... Ага, чуть не забыл. Внутри находится какой-то тип.

– Риган? – спросил я.

– Что? Кто? Ага, ты имеешь в виду того бывшего контрабандиста, которого подцепила старшая дочь Стернвуда и вышла за него замуж? Я ни разу не видел его. А что бы он мог делать там, под водой?

– Не морочьте голову. А что вообще кто-либо мог бы делать там, под водой?

– Не знаю, старик. Я собираюсь отправиться туда посмотреть. Хотите поехать со мной?

– Да.

– Тогда побыстрее, – сказал он. – Жду вас в этом крольчатнике.

Я побрился, оделся, съел легкий завтрак и спустя час уже находился в холле здания суда. Поднявшись на лифте на седьмой этаж, я пошел по коридору, минуя по пути небольшие бюро, занимаемые сыщиками. Кабинет Ольса также был маленький, но он работал в нем один. На пустом столе находилось только пресс-папье, письменный прибор, шляпа и нога Ольса. Это был блондин среднего роста с густыми белыми бровями, спокойными глазами и хорошо ухоженными зубами. Он выглядел заурядным, не привлекавшим к себе внимания человеком. Но я знал, что он убил девять человек, трое из которых, пытались убить его и уже считали, что он у них в руках.

Когда я вошел, он встал, вынул из плоской коробочки дешевую сигару марки «Энтрактес», постучал ею по губам и, откинув голову назад, внимательно посмотрел на меня из-под полуприкрытых век.

– Это не Риган, – сказал он. – Я проверял. Риган порядочного роста, как вы, хорошо сложенный, крепкий. А это какой-то мальчишка.

Я молчал.

– Почему Риган задал стрекача? – спросил Ольс. – Вы задумывались над этим?

– Пожалуй, нет.

– Когда человек, занимающийся контрабандой спиртного, женится на богатой девушке, а потом говорит «прощай» красивой даме и миллионам ее долларов, то даже такой человек, как я, начинает задумываться. Я уверен, что и вы чувствуете в этом какую-то тайну.

– Угм...

– Ладно, даже если вы закроете рот на замок – это ваше дело. Не обижайтесь, дорогуша. – Он вышел из-за стола, ощупывая себе карманы, и взял шляпу.

– Я не ищу Ригана, – с нажимом сказал я.

Он сунул ключ в дверб, мы спустились вниз, к автостоянке для полицейских машин и сели в небольшой лимузин голубого цвета. Время от времени подавая сигналы, мы выехали из города. Утро было свежее, воздух наполнен ароматами, одним словом, жизнь казалась простой и приятной, если только вас не одолевали какие-нибудь проблемы. Меня – да.

Дорога на Лидо тянулась вдоль морского побережья. Нам нужно было проехать тридцать миль, десять из которых – по городу. Ольс одолел их за три четверти часа и, наконец, резко затормозил перед поблекшим оштукатуренным порталом. Мы вылезли из машины. Перед нами тянулся длинный мол, огражденный деревянными перилами из толстых белых досок. В конце мола стояла группа людей, которые, перегнувшись через перила, смотрели в воду. Перед помостом полицейский в мундире пытался сдержать натиск зевак.

Сотни машин с жаждущими крови вампирами обоих полов останавливались по обе стороны шоссе. Ольс показал свой значок, и мы прошли на мол, в резкий рыбный запах, который не подавил даже ливший всю ночь проливной дождь.

– Там, на самоходной барже, – сказал Ольс, указывая направление сигарой.

Большая черная барка с рулевой рубкой, похожая на буксир, покачивалась на волнах среди свай в конце мола. На ее палубе что-то поблескивало в лучах утреннего солнца. Это был большой, черный, все еще обвязанный цепями хромированный автомобиль. Стрела лебедки уже была опущена и уложена на свое место на палубе. Вокруг автомобиля крутились люди. По скользкому трапу мы сошли на палубу.

Ольс поздоровался с помощником шерифа в мундире цвета хаки и с мужчиной в гражданском. Три матроса, составлявшие экипаж баржи, отошли к рулевой рубке и спокойно жевали табак. Один из них вытирал мокрые волосы грязным купальным полотенцем. Это, очевидно, был тот, кто нырял, чтобы прикрепить цепи к автомобилю.

Мы осмотрели машину. Передний бампер был погнут, одна фара разбита, другая вырвана со своего места, но стекло осталось целым. Радиатор был сильно помят, а лак и хром на всем кузове здорово поцарапан. Сидения были мокрые и черные, но шины уцелели.

Водитель все еще сидел за рулем. Голова его была наклонена под неестественным углом к телу. Это был тот самый элегантный молодой брюнэт, который еще совсем недавно так превосходно выглядел. А теперь у него было белое с синевой лицо, тусклые под полуприкрытыми веками глаза и песок в открытом рту. На его левом виске виднелся темный синяк, резко контрастировавший с бледной кожей.

Ольс отошел от машины, как-то странно откашлялся и приставил спичку к своей сигаре.

– Как это случилось?

Помощник шерифа указал на любопытствующих, стоявших в конце мола. Один из них показывал пальцем место, где была проломлена ограда. Изломы разбитых досок выделялись чистой желтизной, как у свежеспиленной сосны.

– Он упал там. Удар был очень сильным. Здесь дождь перестал идти намного раньше, чем в городе, примерно в девять вечера. Доски в местах переломов сухие, значит несчастный случай произошел когда дождя уже не было. Здесь очень глубоко, поэтому машина не разбилась. Вероятно, во время несчастья прилив еще не начался, иначе машину прижало бы к сваям. Это позволяет предположить, что все произошло около десяти часов вечера, во всяком случае не раньше. Машину заметили мальчишки, пришедшие сегодня утром ловить рыбу. Мы вызвали плавкран, что-бы вытащить ее, и тогда увидели этого парня.

Мужчина в гражданском носком ботинка ковырял доски палубы. Ольс, искоса посмотрел на меня и затянулся сигарой, словно это была сигарета.

– Он был пьян? – обронил он, не обращаясь ни к кому.

Матрос, сушивший полотенцем волосы, подошел к борту и кашлянул так громко, что все обратили на него внимание.

– Я наглотался песку, – сказал он, сплюнув. – Не так много, как наш приятель за рулем, но для меня достаточно.

– Пьян? – повторил помощник шерифа. – Может быть. Так нестись одному в дождь... Пьяные вообще вытворяют разные странные вещи.

– Пьяный! Черта с два! – заметил мужчина в гражданском. – Ручной газ наполовину оттянут, а парня стукнули по голове. Я считаю это обыкновенным убийством и так бы это и назвал, если бы кто-нибудь спросил меня.

Ольс посмотрел на матроса, державшего полотенце.

– Ну, а что думаете вы?

Мужчина улыбнулся, польщенный.

– Я считаю, что это самоубийство. Это не мое дело, но раз вы меня спросили, то я говорю, что самоубийство. С первого взгляда

видно, что парень несся по молу по идеальной прямой. Следы еще видны, значит все должно было случиться уже после дождя, как и сказал шериф. Прежде чем свалиться в воду, он добавил газу, иначе не проломил бы ограду посередине и приземлился бы в море на крышу... Он просто должен был бы несколько раз перекувыркнуться. Отсюда вывод, что ехал он очень быстро, а с наполовину вытянутым ручным газом сделать это не мог бы. Он мог вытянуть газ, когда машина уже падала в море и, возможно, тогда же поранил себе голову.

– Неплохо соображаешь, старик, – сказал Ольс. – Вы обыскивали его? – обратился он к помощнику шерифа. Тот выразительно посмотрел на меня, потом на экипаж баржи. Ольс понял намек. – Ладно, это потом, – сказал он.

Со стороны пристани подошел низенький мужчина в очках на усталом лице и с черным портфелем в руке. Он поискал чистое место на палубе и поставил на него портфель. Затем снял шляпу, вытер шею и засмотрелся на море, как будто не знал, где находится и зачем его сюда вызвали.

– Вот ваш пациент, доктор, – сказал Ольс. – Он упал с моста этой ночью. Между девятью и десятью часами. Это все, что мы знаем.

Низенький мужчина окинул покойника безразличным взглядом. Ощупал ему голову, осмотрел синяк на виске, пошевелил голову в обе стороны и пощупал ребра жертвы. Поднял неподвижную мертвую руку и бросил взгляд на ногти. Опустил руку и посмотрел, как она упала. Потом отошел, открыл свой портфель, достал бланки и стал писать под копирку, говоря вслух:

– Официальная причина смерти: перелом шейных позвонков. Это означает, что в легких не должно быть много воды. Это также объясняет, почему посмертное отвердение наступило так быстро после того, как он оказался на воздухе. Советую вам вытащить его из машины, пока он еще окончательно не заостенел. Тогда это станет не так просто.

Ольс кивнул в знак согласия.

– Когда наступила смерть, доктор?

– Этого я не могу сказать.

Ольс пристально посмотрел на него, вынул изо рта сигару и бросил на нее такой же пристальный взгляд.

– Я очень рад, что познакомился с вами, доктор. Судебный врач, который не может определить время смерти в течение пяти минут, это для меня что-то совершенно новое.

Низенький мужчина скорчил кислую гримасу, спрятал бланк в портфель, а авторучку назад в карман.

– Я смогу вам это сказать, если вчера вечером он ужинал, и то лишь в том случае, если буду знать, во сколько он ужинал. И не установлю это в течение пяти минут.

– Как он получил этот синяк? Во время падения?

Низенький мужчина еще раз посмотрел на синяк.

– Думаю, нет. Повреждение нанесено тупым предметом. Подкожное кровоизлияние произошло еще при жизни.

– Какая-то дубинка, да?

– Вполне возможно. – Врач кивнул, поднял портфель и поднялся по трапу на мол. Перед порталом его уже ожидала санитарная машина.

Ольс посмотрел на меня.

– Идем. Не стоило приезжать, правда?

Мы вместе прошли по молу и сели в машину Ольса. Он резко вывернул на шоссе и двинулся по трехрядной, омытой дождем автостраде в город, минуя по пути холмы, сложенные желто-белым песком и поросшие мхом. Чайки парили над морем, внезапно бросаясь вниз, на что-то, видимое среди волн только им одним, а далеко у горизонта виднелась белая яхта, казалось висящая в воздухе.

Ольс выдвинул в мою сторону подбородок и спросил:

– Вы знали его?

– Конечно. Это шофер Стернвудов. Я видел его вчера, когда он чистил перед гаражом как раз эту машину.

– Я не хочу оказывать на вас давление, Марлоу, скажите мне только одно, есть ли какая-нибудь связь между этим шофером и тем, что вам поручено?

– Нет. Я даже имени его не знаю.

– Его зовут Оуэн Тэйлор. Откуда я это знаю? Смешная история. Год назад мы взяли его за похищение. Он хотел увезти эту ненормальную дочь Стернвуда, младшую, в Юму. Сестра поехала за ними, привезла девушку назад, а Оуэна велела посадить в каталажку. На следующий день она обратилась к окружному прокурору и добилась, чтобы парня выпустили. Сказала, что он собирался жениться

на ее сестре, и что сделал бы это, но сестра неправильно поняла его... Сестричка сочла все это всего лишь замечательным приключением, несколькими приятно проведенными часами. Мы отпустили мальчишку и, черт бы меня побрал, Стернвуды снова приняли его на работу. Немного позже мы получили рапорт из Вашингтона, куда посылали оттиски его пальцев. Как оказалось, шесть лет назад его судили в штате Индиана за попытку ограбления. Он отделался тогда шестью месяцами тюремного заключения, которые провел в местной тюрьме, той самой, из которой удрал Диллингер. Разумеется, мы обо всем сообщили Стернвудам, но те оставили его у себя, несмотря ни на что. Ну и что вы об этом думаете?

– Похоже, они довольно странная семья, – сказал я. – Им уже известно, что случилось прошлой ночью?

– Нет. Я собираюсь сейчас поехать к ним.

– Если можно, ничего не говорите генералу.

– Почему?

– У него и так хватает забот, а кроме того, он болен.

– Вы имеете в виду Ригана?

Я мрачно взглянул на него.

– Я уже говорил вам, что ничего не знаю о Ригане. Я не ищу Ригана. Риганом вообще не интересуется никто из тех, кого я знаю.

– Гм, – сказал Ольс и, задумавшись, засмотрелся на море, так что машина чуть не съехала с автострады. Остальную часть пути мы почти все время молчали. Он высадил меня в Голливуде поблизости от китайского театра, а сам поехал назад к Альта Бри Кресцент, к дому Стернвудов. Я пообедал в баре и просмотрел послеобеденные газеты. О Гейгере все еще не было ни слова.

Пообедав, я пошел прогуляться по бульвару. Мне хотелось еще раз взглянуть на магазин Гейгера.

Глава 10

Вызывающий доверие элегантный черноволосый ювелир стоял в дверях своего заведения в той же позе, что и вчера днем. Когда я входил в соседний магазин, он окинул меня таким же, как и вчера, всепонимающим взглядом. Та же лампа стояла на маленьком столике в углу и та же пепельноволосая блондинка в том же черном платье встала из-за стола и подошла ко мне с той же деланной улыбкой на лице.

– Чем могу... – начала она и запнулась. Пальцы с посеребренными ногтями нервно дрогнули, улыбка стала немного более деланной. Собственно, это уже была не улыбка, скорее гримаса. Ей лишь казалось, что она улыбается.

– Я снова пришел, – беззаботно защебетал я, доставая сигарету. – Мистер Гейгер сегодня здесь?

– Весьма...

Весьма сожалею, но нет. Его нет. Секундочку... Вы хотели...

Я снял темные очки и начал легонько постукивать ими по запястью левой руки. Я делал все, что мог, чтобы, несмотря на свои восемьдесят пять килограммов веса, иметь как можно более невзрачный вид.

– Те первые издания – это была маскировка, – прошептал я. – Нужно соблюдать осторожность... У меня есть кое-что, чем мистер Гейгер интересовался. Такое, что он уже долго ищет.

Серебристые ногти поправили пепельные волосы над маленьким ухом, украшенным большими клипсами.

– Ах, поставщик, – сказала она. – Может, вы придете завтра? Завтра он уж точно должен быть здесь.

– Бросьте эти штучки, – сказал я. – Я же его партнер.

Ее глаза сузились в зеленовато поблескивающие щелочки, напоминающие затененные деревьями лесные озера. Она сжала пальцы в ладонях и тяжело дыша, глядела на меня.

– Он болен? Я мог бы зайти к нему домой, – нетерпеливо произнес я. – Не могу же я ждать вечно.

– Вы...

Вы... – слова застряли у нее в горле. Мне показалось, что она вот-вот сейчас упадет. Все ее тело тряслось, лицо дергалось. Но мало-помалу она взяла себя в руки. На лице снова появилась улыбка, но в ней было что-то нехорошее. – Нет, – сказала она, глубоко дыша. – Это не имеет смысла. Его нет...

В городе. Вы не можете...

Прийти завтра?

Я уже открыл рот, чтобы что-то сказать, как вдруг открылась дверь в перегородке. В нее выглянул высокий, темноволосый, красивый парень в кожаной куртке. У него было бледное лицо и крепко сжатые губы. Увидев меня, он быстро захлопнул дверь, но не настолько быстро, чтобы я не успел заметить много деревянных ящичков, стоявших на полу позади него, выложенных бумагой и тесно набитых книжками. С ними возился мужчина в новенькой рабочей одежде. Значит, часть гейгеровского склада готовилась к перевозке...

Как только дверь закрылась, я снова надел темные очки и схватился за шляпу.

– Ну ладно, завтра. Я охотно оставил бы вам свою визитку, но вы же знаете, как это бывает.

– Да, да, я знаю, как это бывает. – Она слегка дрожала, со свистом втягивая воздух покрашенными губами.

Выйдя из магазина, я направился по бульвару на восток, за углом свернул и пошел к аллее, проходящей позади магазинов. У заднего входа магазина Гейгера стоял маленький грузовик, крытый брезентом. На нем не было никакого фирменного знака. Мужчина в новой рабочей одежде как раз укладывал ящики в кузов. Я вернулся к бульвару и на ближайшем квартале нашел такси, стоящее рядом с пожарным краном. За рулем сидел молодой человек с румяным лицом и читал газету, заполненную кровавыми детективными рассказами. Я показал ему зеленый банкнот достоинством в доллар и спросил: – Вы могли бы последить кое-за кем?

Он изучающе посмотрел на меня.

– Полиция?

– Частный детектив.

– Согласен, шеф, – улыбнулся он и сунул газету за зеркало. Я сел в такси. Мы объехали квартал и остановились напротив аллеи, идущей позади магазина Гейгера, тут же, за следующим пожарным краном.

На грузовике находилась по меньшей мере дюжина ящиков, когда, наконец, человек в рабочей одежде поднял задний борт, закрыл его и уселся за руль.

– За ним! – сказал я таксисту.

Водитель грузовика завел мотор, окинул взглядом оба конца аллеи и быстро поехал по направлению к поперечной улице. Там он свернул влево. Мы тоже. Я заметил, что на улице Франклина вот-вот сменятся огни светофора, поэтому попросил водителя подъехать к грузовику поближе. Но он не смог или не сумел сделать это. Когда мы оказались на улице Франклина, грузовик опережал нас на два квартала. Правда, он находился в поле нашего зрения, но на Восточной, где было большое движение, мы значительно отстали от него. Я как раз начал говорить что-то на эту тему своему водителю, не слишком выбирая слова, когда заметил, что грузовик сворачивает на север, на улицу Брайтон-Плас. К тому времени, когда мы добрались до нее, грузовик исчез.

Румяный таксист успокаивающе проворчал что-то и мы черепашим шагом поехали между холмов, высматривая за каждым кустом наш грузовик. В какой-то момент я увидел элегантный белый дом, фасад которого выходил на Рэндолл-Плас, а задняя часть с подземным гаражом на Брайтон-Плас. Когда мы проезжали мимо и мой румяный таксист как раз утешал меня, что грузовик должен быть где-то здесь, я увидел его у въезда в подземный гараж. Он стоял в полумраке, задний борт был снова опущен.

Мы объехали дом и я высадился из такси перед парадным входом. В холле никого не было, не было также и списка жильцов. У стены стоял деревянный стол, рядом с подвешенными на специальном устройстве почтовыми ящиками. К счастью, на них были видны фамилии. Некто Иосиф Броуди занимал апартамент номер четыреста пять. Некто Иосиф Броуди получил от генерала Стернвуда пять тысяч долларов только за то, чтобы отцепился от его маленькой дочурки Кармен и нашел себе вместо нее другую маленькую девочку. Возможно, это был тот самый Джо Броуди. Пожалуй, я даже поручился бы за это.

Я пошел вдоль стены холла к выложенной плитками лестнице, возле которой находилась шахта автоматического лифта. Верхняя часть лифта располагалась на уровне пола холла. За лифтом я увидел

дверь с надписью «гараж». Я открыл ее и по узкой лестничке спустился в полуподвал. Дверь лифта была открыта и заблокирована. Мужчина в новой рабочей одежде с кряхтением затаскивал тяжелые ящики в кабину. Я остановился рядом и, куря сигару, стал смотреть на него. Было видно, что ему это не очень нравится. Спустя некоторое время я сказал:

– Не забывай про вес, дружок. Лифт рассчитан только на полтонны. Куда едут эти ящики?

– К Броуди. Четыреста пять, – проворчал он. – Вы администратор?

– Угм. Похоже, неплохая добыча, а?

Он посмотрел на меня блеклыми глазами с кругами вокруг них.

– Книги, – заворчал он. – Пятьдесят кило каждый ящик, а моя спина выдерживает сорок.

– Ну что ж, постарайтесь не превышать вес, – сказал я.

Он внес в лифт шесть ящиков и захлопнул дверь. Я поднялся по ступенькам в холл и вышел на улицу, откуда таксист отвез меня в мою контору. Я дал своему румяному шоферу слишком много денег, так что он тотчас вручил мне свою визитку с загнутым уголком. И, о диво! Я не выбросил ее сразу же в майоликовую вазу, стоявшую возле лифта.

Я занимал полторы канцелярских комнаты на шестом этаже. Потому что одну из них я разделил пополам, чтобы получить кабинет и приемную. На двери висела табличка с моим именем. Дверь приемной я всегда оставлял открытой, на случай, если придет какой-нибудь клиент и захочет подождать меня.

На этот раз у меня был клиент.

Глава 11

Она была в коричневом твидовом костюме в мелкую клетку, блузке свободного покроя с узким галстуком и в сшитых на заказ спортивных туфлях. Чулки на ней были такие же тонкие, как и вчера, но на этот раз ее ноги уже не были так обстоятельно открыты. Черные блестящие волосы прикрывала шляпа, стоившая не менее пятидесяти долларов и выглядевшая так просто, как будто ее можно было сделать одной левой из кусочка папиросной бумаги.

– Ну, наконец-то вы встали, – произнесла она. Покрутила носом, критически глядя на поблекший красный диван, два старомодных стула, требующие стирки тюлевые занавески и небольшой столик, на котором я оставил несколько уже устаревших журналов, чтобы придать помещению профессиональный вид. – Я уже начала подозревать, что вы работаете в кровати, как Марсель Пруст.

– А кто он такой? – спросил я. Сунул сигарету в рот и внимательно взглянул на нее. Она была бледная и усталая, но производила впечатление девушки, умеющей справиться даже с усталостью.

– Французский писатель, знаток дегенератов. Не может быть, чтобы вы его не знали.

– Ну-ну, – ответил я. – Пройдемте-ка в мой будуар.

Она встала.

– Вчера мы пришлось друг другу не по вкусу. Возможно, я была невежлива.

– Мы оба были невежливы.

Я подошел к двери, ведущей в мой личный кабинет, и отворил ее перед ней. Мы прошли на вторую половину моей конторы, обстановка которой состояла из ржаво-красного ковра не первой молодости, пяти стоявших в ряд стеклянных стеллажей, три из которых были наполнены отличным калифорнийским воздухом, и рекламного календаря, на котором несколько изящных девушек в розовых платьях, с блестящими каштановыми волосами и огромными черными глазами наслаждались ездой на роликовых коньках. Кроме этого, в кабинете находились три стула из древесины грецкого ореха, простой стол с

письменным прибором, пресс-папье, пепельницей и телефоном на нем. За столом стояло столь же невзрачное скрипучее вращающееся кресло. – Не очень-то у вас здесь роскошно, – заметила она, занимая место по ту сторону стола, которая предназначалась для клиентов.

Я подошел к двери и вынул из почтового ящика шесть конвертов – два письма и четыре рекламных объявления. Потом положил шляпу на телефон и сел в кресло.

– У Пинкертона тоже не наблюдалось излишней роскоши, – сказал я в ответ. – Кроме того, в нашей профессии много не заработаешь, если ты порядочен. Если у вас роскошная контора, значит вы делаете деньги, или же намереваетесь делать их.

– Ах, так, значит, вы порядочны? – иронически спросила она, открыла сумочку и достала из лакированного французского портсигара сигарету, прикурила ее от карманной зажигалки, потом кинула все это назад в сумочку, оставив ее открытой.

– До невозможности, – ответил я.

– В таком случае, зачем же вы занялись такой нечистой профессией?

– А вы? Каким образом вы вышли замуж за контрабандиста спиртным?

– О, боже мой, только давайте не будем начинать препираться снова! Ведь я все утро пыталась дозвониться до вас. Звонила и сюда, и по домашнему телефону.

– Из-за Оуэна?

Лицо ее вдруг стало серьезным. Она сказала мягко:

– Бедный Оуэн. Значит, вы уже все знаете.

– Работник полиции взял меня с собой в Лидо. Он думал, что я знаю что-нибудь об этом деле. Ему известно, что Оуэн хотел жениться на вашей сестре...

Когда-то.

Она молча курила, глядя на меня полными покоя черными глазами.

– Это было бы не так уж глупо, – тихо сказала она наконец. – Он любил ее. А это редко встречается в нашей среде.

– Он был судим.

– Попал в плохую компанию, – пожав плечами, пренебрежительно заметила она. – Ведь это и значит в нашей деморализованной стране

понятие «судим». – Я бы этого не сказал.

Она сняла правую перчатку и прикусила указательный палец, глядя на меня с полным самообладанием.

– Я пришла сюда не за тем, чтобы вести речь об Оуэне. Вы уже созрели для того, чтобы сказать мне, чего, собственно, хотел от вас мой отец?

– Без его разрешения не могу.

– Речь шла о Кармен?

– Я не могу сказать даже это. – Я кончил набивать трубку и поднес к ней спичку.

Некоторое время она смотрела, как я курю, потом вынула из открытой сумочки толстый белый конверт и кинула его на стол.

– Может, на всякий случай, вы познакомитесь с его содержимым.

Я взял конверт. Адрес, – миссис Вивиан Риган, 3765 Альта Бри Кресцент, Вест-Голливуд, – был напечатан на машинке. Письмо послано пневматической почтой, а отправлено согласно проставленной на нем пометке в восемь пятнадцать утра. Я открыл конверт и вынул из него блестящую фотографию небольшого формата. На ней красовалась Кармен, сидящая в костюме Евы с серьгами в ушах в кресле с подлокотниками, стоящем на возвышении в комнате Гейгера. Глаза ее были еще более безумны, чем я их запомнил. Обратная сторона снимка была чистой. Я вложил ее обратно в конверт и спросил:

– Сколько они хотят?

– Пять тысяч. За негатив и остальные снимки. Дело должно быть улажено сегодня вечером, в противном случае они грозятся передать фото газете, специализирующейся на публикации скандальных историй.

– Как они вам это сообщили?

– Какая-то женщина позвонила мне через полчаса после того, как пришло письмо.

– Того бульварного листка вам нечего бояться. Любая информация подобного рода сейчас предварительно рассматривается. Что еще она говорила?

– А она должна была говорить еще что-то?

– Конечно, – ответил я.

Она посмотрела на меня слегка смешавшись.

– Да, вы правы. Та женщина добавила, что эта история связана с отвратительным уголовным делом и мне лучше действовать побыстрее, иначе я смогу поговорить со своей маленькой сестренкой только через железную решетку.

– Прекрасно, – заметил я. – И что это за уголовное дело?

– Не знаю.

– Где сейчас Кармен?

– Дома. Ночью она заболела. Кажется, все еще лежит в кровати.

– Она выходила куда-нибудь ночью?

– Нет. Правда, меня не было дома, но слуги утверждают, что Кармен провела ночь дома. Я была в Лас-Олиндес, играла в рулетку у Эдди Марза, в клубе «Под кипарисами». Проигралась до нитки.

– Ага. Значит, вы любите рулетку. Этого следовало ожидать.

Она закинула ногу на ногу и прикурила новую сигарету.

– Да, я люблю рулетку. Все Стернвуды увлекаются азартными играми, в которых можно проиграть, такими как рулетка или замужество с мужчинами, которые удирают, или конные скачки с препятствиями в возрасте пятидесяти восьми лет, когда можно вылететь из седла и остаться калекой на всю оставшуюся жизнь. У Стернвудов есть деньги, но все, что они за них приобрели – это куча несчастий.

– Что ездил Оуэн в эту ночь на вашей машине?

– Этого никто из нас не знает. Он взял ее без разрешения. Мы всегда позволяли ему брать машину, когда у него был выходной, но в эту ночь у него не было выходного. – Она скривила губы. – Вы думаете, что...

– Что он знал что-то об этом снимке? А как бы я об этом узнал? Во всяком случае этого нельзя исключить. Вы можете получить эти пять тысяч наличными?

– Если не поговорю с отцом, то исключено. Я могу их только занять. Эдди Марз, вероятно, занял бы мне. У него есть все основания быть щедрым со мной.

– Тогда попытайтесь. Возможно, вам придется действовать в спешке.

Она отклонилась на стуле и забросила руку за его спинку.

– А как вы относитесь к тому, чтобы сообщить в полицию?

– Неплохая мысль. Но вы этого не сделаете.

– Не сделаю?

– Нет. Вам прежде всего надо побережь отца и сестру. Вы не знаете, до чего может докопаться полиция. Возможно, она выявит что-нибудь такое, что не удастся сохранить в тайне. Несмотря на то, что в случаях шантажа полиция старается быть деликатной.

– А вы можете что-нибудь сделать?

– Думаю, да. Но не могу сказать вам, что и каким образом.

– Вы начинаете мне нравиться, – неожиданно сказала она. – Вы верите в чудеса. У вас есть что-нибудь выпить в этом вашем бюро?

Я открыл ящик стола, вынул «канцелярскую» бутылку и два стаканчика и наполнил их. Мы выпили. Она подняла вверх сумочку, закрыла ее и отодвинула стул.

– Я добуду эти пять кусков, – сказала она. – Я хорошая клиентка Эдди Марза. Кроме того, есть еще одна причина, по которой он должен хорошо относиться ко мне. Быть может вы не знаете о ней. – Она одарила меня улыбкой того рода, когда улыбаются только губы, а глаза остаются пустыми. – Светловолосая жена Эдди и есть та дама, с которой сбежал Риган.

Я молчал. Она пронизательно посмотрела на меня и добавила:

– Вас это не интересует?

– Это была бы какая-то зацепка, позволяющая быстрее отыскать его...

Если бы я его искал. Вы ведь, наверное, не думаете, что он замешан в историю с вашей сестрой?

Она пододвинула ко мне свой пустой стакан.

– Собственно, вы вытянули из меня все, что хотели знать. Теперь у вас есть уверенность в том, что я не ищу вашего мужа.

Она опорожнила стакан весьма быстро. У нее перехватило дыхание...

А может, она только хотела сделать вид, что у нее перехватило дыхание. Она медленно и глубоко втянула воздух.

– Расти не был шантажистом. А если бы даже и был, то наверняка не польстился бы на какие-то гроши. У него всегда было с собой пятнадцать тысяч наличными. Говорил, что он так привык. Эти деньги были у него когда я выходила за него замуж и были еще и тогда, когда он бросил меня. Расти никогда не занялся бы таким жалким шантажом. – Она взяла конверт и встала. – Я буду держать с вами

связь, – сказал я. – Если вам понадобится оставить для меня какое-нибудь сообщение, оставьте его у телефонистки в доме, где я живу.

Мы подошли к двери. Постукивая белым конвертом по большому пальцу, она сказала:

– Вы все еще считаете, что не можете сказать мне, о чем говорили с отцом?..

– Я должен был бы сначала спросить его об этом.

Она вынула снимок из конверта и стала разглядывать его, уже стоя в дверях.

– У нее великолепное маленькое тело. Вам не кажется?

– Угм.

Она слегка наклонилась ко мне и серьезно сказала:

– Вам надо увидеть также и мое.

– А это можно как-то устроить?

Она рассмеялась резко и коротко, повернулась к двери и, еще раз обернувшись на пороге, холодно произнесла:

– Вы самый холоднокровный мужчина, какого я когда-либо встречала, Марлоу. А может, я могу называть вас Филом?

– Конечно.

– А вы зовите меня Вивиан.

– Благодарю вас, миссис Риган.

– А, чтоб вас черти побрали, Марлоу!

Она вышла, больше уже не обернувшись.

Я позволил захлопнуться двери и стоял, держась за дверную ручку и глядя на свою руку. Лицо у меня слегка пылало. Подойдя к столику, я убрал бутылку с виски, тщательно сполоснул оба стаканчика и тоже спрятал их. Затем снял шляпу с телефона, соединился с уголовным отделом и попросил к телефону Берни Ольса. Оказалось, что он как раз возвратился в свою келью. – Я оставил старого генерала в покое, – сказал он. – Лакей обещал, что или он сам, или которая-нибудь из дочерей скажут ему о том, что произошло. Этот Оуэн Тэйлор жил над гаражом. Я просмотрел его имущество. У него родители в Дубьюке в штате Айова. Я позвонил шерифу в городке, где живут его родители. Стернвуды готовы взять на себя все расходы, связанные с похоронами.

– Это самоубийство? – спросил я.

– Трудно сказать. – Он не оставил никакой записки. Машину взял самовольно. Все были вчера дома, кроме миссис Риган. Она была в Лас-Олиндес с одним игроком по имени Ларри Кобб. Я проверил это. У меня там есть один знакомый крупье.

– Вы должны как-то прикрыть эту пещеру азарта, – сказал я.

– Что я могу сделать при действующем в нашем штате синдикате? Не будьте ребенком, Марлоу. Меня беспокоит этот синяк на голове парня. Наверняка вы и здесь не можете мне помочь, Марлоу?

Я был доволен, что он именно так говорил со мной. По крайней мере я мог сказать «нет», не солгав. Мы попрощались и я покинул свое бюро. Я купил все три дневных газеты и взял такси, чтобы поехать к зданию суда и взять со стоянки свою машину. Ни в одной газете не было ни слова о Гейгере. Я снова углубился в его голубую книжечку. Увы, шифр был непонятен для меня так же, как и в прошлую ночь.

Глава 12

Деревья вокруг Лэйверн-террас после дождя были свежи и зелены. В лучах прохладного послеполуденного солнца я видел вершину холма и ведущую вниз лестницу, по которой, сделав три выстрела, в темноте сбежал убийца. Два маленьких домика стояли на улице, проходящей немного ниже Лэйверн-террас. Может быть, кто-нибудь из их жильцов слышал эти выстрелы. Возле дома Гейгера и в его окрестностях абсолютно ничего не происходило. Живая изгородь спокойно зеленела, а гонтовая крыша все еще была влажной. Я медленно ехал по улице, и мне не давала покоя одна мысль. Прошлой ночью я не обшарил гараж Гейгера. В принципе я не очень-то старался отыскать труп Гейгера, исподтишка вынесенный кем-то, ибо тогда связал бы себе руки. Затащить труп в гараж, уложить его в машину Гейгера и вывезти в какой-нибудь пустынный старый овраг в окрестностях Лос-Анджелеса – это был бы лучший способ замять дело на много дней и даже недель. Были только две проблемы: ключи к машине и их дубликат. Это должно несколько сузить круг подозреваемых, особенно, если принять во внимание, что личные ключи Гейгера находились в моем кармане, когда все это происходило.

У меня не было возможности осмотреть гараж. Дверь была закрыта и на ней висел замок, а кроме того, что-то пошевеливалось в живой изгороди, когда я подъехал ближе. Женщина в плаще в бело-зеленую клетку и с маленькой шляпкой на мягких светлых волосах показалась среди лабиринта растений и стала, глядя на машину широко раскрытыми глазами, как будто не слышала, как я въезжал в гору. Потом она резко повернулась и отбежала назад, исчезнув из поля зрения. Это была, естественно, Кармен Стернвуд.

Я проехал вдоль улицы, припарковал машину и пешком вернулся к дому. Среди бела дня это было демаскирующее и опасное мероприятие, но приходилось рисковать. Я прошел через отверстие в живой изгороди.

Она стояла, молчаливая и прямая, перед запертой входной дверью. А увидев меня, медленно поднесла ко рту и прикусила этот свой

комичный палец. Под глазами у нее были синие круги, лицо бледное, измученное.

Она неуверенно улыбнулась и сказала тонким, ломким голосом: – Хэлло. Что?.. – и снова принялась грызть ноготь.

– Вы помните меня? – спросил я. – Догхауз Рейли, человек, который вырос чересчур высоким. Вы помните?

Она кивнула и по ее лицу скользнула мимолетная судорожная улыбка.

– Попробуем войти вместе, – предложил я. – У меня есть ключ. Здорово? – Что...

Что?..

Я отодвинул ее в сторону, сунул ключ в замок, отпер дверь и втолкнул ее внутрь. Запер дверь и постоял, прислушиваясь. При дневном свете комната выглядела ужасно. Китайское барахло на стенах, ковер, претенциозные лампы, мебель, безвкусно подобранная феерия красок, «индейский тотем», флакон с эфиром и опиумом – все это при дневном свете имело неприятный привкус только что закончившегося приема в поликлинике.

Мы стояли и молча глядели друг на друга. Девушка пыталась сохранить легкую улыбку на лице, но лицо ее было чересчур измучено, чтобы заставить его улыбаться. Я не сводил с нее глаз. Улыбка исчезла, как вода в песке. Под одурманенными, отупевшими и пустыми глазами я видел бледную, неприятно зернистую кожу. Белесый язык облизывал уголки губ. Красивая, плохо воспитанная и не очень умная девчонка, слишком далеко зашедшая по пути нравственного падения и никем не остановленная. К чертовой матери всех этих богачей! Они вызывали у меня отвращение. Я покрутил в пальцах сигарету, отодвинул в сторону несколько книжек на черном столе и сел на его край. Закурил, выпустил облачко дыма и принялся молча созерцать как она грызет большой палец, на время оставив в стороне всякую деятельность. Кармен стояла передо мной, как напавшая ученица перед учителем.

– Что вы здесь делаете? – наконец спросил я.

Она начала теревить свой плащ и ничего не ответила.

– Что вы помните из того, что было этой ночью?

На этот раз она ответила. В ее глазах загорелись хитрые лисьи искорки.

– Помню? О чем? Этой ночью я была больна. Я была дома. – Она произнесла это осторожно, горловым голосом, так что я едва услышал ее.

– Как бы не так! Черта с два вы были! Глаза ее блеснули, но тут же погасли. – Прежде чем я забрал вас домой, вы были здесь. Сидели в этом кресле, – я показал ей, – на оранжевой шали. И вы хорошо помните это.

Медленный румянец заливал ей шею. Я удивился. Она еще могла краснеть. Что-то вроде проблеска добродетели. Она сосредоточенно грызла палец.

– Вы...

Были там... – прошептала она наконец.

– Я. Как много вы запомнили?

– Вы из полиции? – неуверенно спросила она.

– Нет. Я друг вашего отца.

– Вы не полицейский?

– Нет.

Она издала легкий вздох облегчения.

– Чего вы хотите?

– Кто его убил?

Плечи ее задрожали, но лицо осталось неподвижным. Она спросила:

– Кто еще...

Знает?

– Про Гейгера? Не знаю. Во всяком случае не полиция, иначе она бы уже хозяйничала здесь. Может, Джо Броуди.

Это был выстрел наугад, но он попал в цель. Она заскулила.

– Джо Броуди? Его?

Мы оба замолчали. Я курил сигарету, а она грызла палец.

– Ради бога, не стройте из себя такую умную, – сказал я. – Это похоже на сцену из плохого старомодного романа. Его застрелил Броуди?

– Застрелил? Кого?

– Боже праведный! – сказал я.

Она обиделась на меня. Ее подбородок слегка опустился.

– Да, – сказала она торжественно. – Это сделал Джо.

– Зачем?

– Этого я не знаю, – она тряхнула головой, словно пытаюсь убедить саму себя, что не знает.

– Вы часто встречались с ним в последнее время?

Ее руки, наконец, потихоньку заскользили вниз и сплелись там в маленький узелок.

– Раз или два. Я его ненавижу.

– Значит, вы знаете, где он живет?

– Да.

– И вы уже ничуть не любите его?

– Я ненавижу его!

– Значит, вы были бы рады, если бы он оказался замешан во все это?

Снова я увидел в ее глазах пустоту. Слишком быстро один за другим следовали вопросы. Но слишком трудно было задавать их еще медленнее.

– Вы могли бы заявить полиции, что его застрелил Джо Броуди? – пытался я прозондировать ее.

На ее лице вдруг появился панический страх.

– Естественно, если я смогу уничтожить те снимки в костюме Евы, – успокаивающе добавил я.

Она хихикнула. Я почувствовал себя неловко. Если бы она кричала или плакала, или упала бы на пол в глубоком обмороке, все было бы в порядке. Но она просто захихикала. Все это вдруг показалось ей смешным. Она позволила сфотографировать себя в позе Изиды, кто-то свистнул пленку, кто-то у ее ног застрелил Гейгера, она была пьяна более, чем все участники съезда бывших ветеранов вместе взятые, и все это дело вдруг показалось ей забавной шуткой. Она смеялась. Смех становился все громче и все больше наполнял помещение, словно назойливое царпанье крыс за панелями. Она начинала впадать в истерику. Я соскочил со стола, подошел к ней и дал ей пощечину.

– Совсем как в прошлую ночь, – сказал я. – Забавная из нас пара. Рейли и Стернвуд, два Пьеро, пытающихся одурачить друг друга.

Смех смолк, но пощечина не произвела на нее впечатления большего, чем те, прошлой ночью. Вероятно, все ее друзья и любовники вынуждены были рано или поздно давать ей пощечины. Я прекрасно понимал их.

Я снова сел на стол.

– Вас зовут не Рейли, – серьезно произнесла она. – Вы зовут Филип Марлоу. Вы частный детектив. Мне сказала об этом Вив. Она показала мне вашу визитку. – Она погладила щеку, по которой я ее ударил, и улыбнулась мне так, будто мое общество было для нее необычайно приятно.

– Кое-что вы помните, – начал я, – раз вернулись в этот дом, чтобы найти пленку. Вы не могли попасть внутрь, не так ли?

Ее подбородок начал дрожать. Она пыталась улыбнуться, не сводя с меня глаз. Меня призывали ступить на военную тропу. Я должен был крикнуть «Йии-а-ахх!» и потребовать, чтобы она уехала со мной в Юму и вышла за меня.

– Пленка исчезла, – пояснил я. – Я искал ее вчера ночью, прежде чем отвезти вас домой. Вероятно, ее забрал Броуди. Надеюсь, вы не обманули меня, рассказывая о Броуди?

Она усердно замотала головой.

– Я просто проверяю вас, – сказал я. – Не думайте обо всем этом. Не говорите ни одной живой душе, где вы были в последнюю ночь и сейчас. Пожалуйста, не говорите этого даже Вивиан. Забудьте о том, что были здесь. Предоставьте все Рейли.

– Но ведь вас зовут не... – начала она, но вдруг замолчала, энергично кивая, словно соглашаясь с тем, что я сказал, или с тем, что подумала в эту минуту сама. Глаза ее сузились и потемнели, как эмаль на подносе в дешевом баре. В голову ей пришла идея.

– К сожалению, мне надо идти домой, – произнесла она таким тоном, будто мы с ней ходили на чай.

– Ну конечно.

Я не пошевелился. Она окинула меня ободряющим взглядом и подошла к двери. Ее рука уже была на дверной ручке, когда вдруг послышался шум мотора приближавшегося автомобиля. Она вопросительно посмотрела на меня. Я пожал плечами. Автомобиль остановился перед домом. Страх исказил ее лицо. Послышались чьи-то шаги, а спустя минуту раздался звонок. Кармен глядела на меня через плечо, ее рука все еще судорожно сжимала дверную ручку. Она выглядела почти смешно в этом страхе. Звонок звонил непрерывно. Потом он внезапно смолк и стало слышно, как кто-то вставляет в замок ключ. Кармен отскочила от двери и застыла на месте. Дверь

широко распахнулась. В холл поспешно вошел какой-то мужчина и, увидев нас, замер. Но смотрел он на нас спокойно, вполне владея собой.

Глава 13

Это был серый мужчина. Все в нем было серое, кроме начищенных черных туфель и двух розовых бриллиантов, приколотых к серому шелковому галстуку. На нем была серая рубашка и серый, отлично скроенный костюм из мягкой фланели. Увидев Кармен, он снял с головы серую шляпу. Волосы у него тоже были серые, тонкие и мягкие, рассыпающиеся. Густые серые брови придавали ему какой-то неопределенный спортивный вид. У него был остро очерченный подбородок, орлиный нос, серые умные глаза, глядящие как бы искоса из-за косо опущенных верхних век.

Он стоял в полной почтения позе, одной рукой опираясь на дверь, в другой держа серую шляпу и постукивая ею о бедро. Он производил впечатление человека крутого, но не был похож на грубого бандита. Скорее на отлично закаленного на свежем воздухе любителя верховой езды. Но это был не любитель верховой езды. Это был Эдди Марз.

Он закрыл за собой дверь и сунул руку в карман плаща. Большой палец остался снаружи и поблескивал в полумраке холла светлым пятном. Марз улыбнулся Кармен. У него была приятная беззаботная улыбка. Девушка облизнула губы и посмотрела на него. Страх исчез с ее лица, и она улыбнулась ему в ответ.

– Прошу извинить меня за это нашествие, – сказал он, – но на звонок никто не подошел к двери. Мистер Гейгер дома?

– Нет, – ответил я, – мы тоже не знаем, где он. Дверь была открыта и мы вошли.

Он кивнул и коснулся лица краем шляпы.

– Вы, очевидно, друзья мистера Гейгера?

– Всего лишь знакомые, да и то по делу. Мы зашли за книгой.

– За книгой? В самом деле? – он произнес это быстро и оживленно и, как мне показалось, слегка лукаво, как будто знал все о книгах Гейгера. Потом снова взглянул на Кармен и пожал плечами.

Я продвинулся к двери.

– Ну, мы пойдем. – Я взял девушку под руку, но она смотрела на Эдди Марза. Он явно нравился ей.

– Что я должен передать, когда Гейгер вернется? – вежливо спросил Эдди.

– Нам не хотелось бы доставлять вам лишние хлопоты.

– Жаль, – многозначительным тоном сказал он. Серые глаза блеснули, а когда я подошел ближе, чтобы открыть дверь, его взгляд неожиданно стал жестким. – Девушка может убираться, – заявил он бесстрастно, – а с вами я хотел бы поговорить.

Я отпустил руку Кармен и послал ему удивленный взгляд.

– Авантюрист, да? – тихо произнес он. – Не хорохорьтесь. У меня на улице в машине сидят два парня, которые всегда делают точно то, что я от них требую.

Кармен рядом со мной пискнула и выбежала в открытую дверь. Было слышно, как она поспешно бежит вниз по лестнице. Ее автомобиля не было видно, очевидно, она поставила его где-то дальше.

– Что, черт возьми... – начал я.

– Бросьте этот вздор, – вздохнул Эдди Марз. – Что-то здесь не так. Я собираюсь проверить, что. Если у вас есть желание выковыривать из своего живота свинец, то попробуйте помешать мне.

– Ох, ох, – сказал я, – какой крутой парень.

– Только тогда, когда необходимо, друг мой. – Он уже не смотрел на меня. Он обошел комнату вокруг, морща лоб и вообще не обращая на меня никакого внимания.

Я посмотрел в разбитое стекло в фасадном окне. Над живой изгородью виднелась крыша автомобиля. Мотор работал на холостых оборотах.

Эдди Марз увидел на столе красный графин и два позолоченных стаканчика. Он понюхал один стаканчик, потом графин. Полная отвращения улыбка исказила его губы.

– Вот мерзавец... – бесстрастно сказал он.

Затем, ворча что-то еще, он осмотрел несколько книг, обошел стол и остановился перед «индейским тотемом» с вмонтированной в него линзой фотоаппарата. Обстоятельно осмотрел его, потом его взгляд скользнул на пол перед «тотемом». Он отвернул ногой край коврика и мгновенно наклонился, опустившись на одно из своих серых колен. Стол частично заслонял его от меня. Внезапно послышалось резкое восклицание и он вскочил на ноги. Рука его молниеносно метнулась в

карман плаща и в ней появился черный «люггер». – Кровь, – сказал Эдди. – Здесь, на полу, под ковром. Много крови.

– Серьезно? – спросил я, притворившись заинтересованным.

Он опустился в кресло за столиком и придвинул к себе телефон цвета ягод шелковицы. Сморщив лоб, он переложил «люггер» в левую руку. С глубоким недовольством посмотрел на телефон, сдвинув брови и сильно сморщив при этом кожу над переносицей.

– Я думаю, мы должны вызвать полицию, – объявил он.

– Конечно, почему бы и нет.

Глаза его сузились. Видимость элегантности исчезла и теперь передо мной был хорошо одетый, спокойный бандит с «люггером» в руке. Он был не в восторге от того, что я соглашаюсь с ним.

– Черт побери, кто вы, собственно, такой, приятель?

– Меня зовут Марлоу, я детектив.

– Никогда не слышал о вас. Кто была та девушка?

– Клиентка. Гейгер пытался затянуть у нее на шее петлю. Шантажируя. Мы пришли сюда, чтобы поговорить с ним об этом. Его не было. Дверь была открыта, и мы вошли, чтобы подождать. Разве я не говорил вам об этом?

– Это очень удобно, – сказал он. – Открытая дверь. Особенно, когда нет ключа.

– Конечно. А каким образом оказался ключ у вас?

– А какое вам до этого дело, приятель?

– Я мог бы из этого сделать свое дело.

Он скупо рассмеялся и сдвинул шляпу на затылок.

– А я мог бы ваше дело заменить на мое.

– Это вам не окупится. Гонорары слишком низкие, – ответил я.

– Ладно, Соколиный Глаз. Дом принадлежит мне. Гейгер мой жилец. Ну, и что вы теперь об этом думаете?

– Вы знаете с очень милыми людьми, – заметил я.

– Я принимаю их такими, какие они есть. Ко мне приходят разные. – Он посмотрел на «люггер», пожал плечами и сунул его под плащ. – У вас есть какие-нибудь соображения, приятель?

– Целая куча. Кто-то застрелил Гейгера. Гейгер застрелил кого-то и сбежал. Или же вообще это были два каких-то неизвестных типа. Или Гейгер принадлежал к секте и приносил перед «тотемом»

кровавые жертвы. Или на ужин он собирался есть цыпленка, а цыплят привык держать в салоне.

Человек в серой одежде окинул меня хмурым взглядом.

– Больше мне ничего не приходит в голову, – сказал я. – Будет лучше, если вы позовете своих знакомых из центра города.

– Не понимаю о чем вы, – проворчал он. – Не улавливаю этих ваших вывертов.

– Ну ладно, давайте дальше, вызывайте парней в мундирах. Они страшно обрадуются, когда увидят вас здесь.

Он обдумал это молча и не двигаясь. Его губы сжались в узенькую линию.

– По-прежнему не знаю, что вы имеете в виду, – сказал он натянуто.

– Наверное, у вас сегодня исключительно невезучий день. Я вас хорошо знаю, мистер Марз. Знаю также и «Клуб под Кипарисами» в Лас-Олиндес. Шикарная игра для шикарных людей. Местная полиция у вас в кармане, в Лос-Анджелесе тоже все жирно смазано. Одним словом, полнейшее прикрытие. Гейгер обдελывал делишки, которым тоже нужно прикрытие. Думаю, время от времени вы помогали ему своими связями, тем более, что он ведь был вашим жильцом...

Его побледневшие губы застыли в жесткой гримасе.

– А какие это делишки обделывал Гейгер?

– Порнографическая литература.

С минуту он пристально смотрел на меня.

– Кто-то наконец добрался до него, – мягко сказал он. – Вы что-то знаете об этом. Его не было сегодня в магазине весь день. Работники не знают, где он. На телефонные звонки домой тоже не отвечает. Поэтому я и пришел. И нашел кровь на полу под ковром. А также вас и девушку.

– Шито белыми нитками, – заметил я. – Но если вы найдете подходящего слушателя, то сможете продать ему этот рассказик. И все же кое-чего вы не заметили. А именно: кто-то сегодня утром вынес из его магазина книги, замечательные книжечки, которые он давал напрокат.

Марз раздраженно щелкнул пальцами.

– Я должен был подумать об этом, приятель. Похоже, что вы отлично ориентируетесь во всем. Ну и что же вы скажете?

– Я уверен, что Гейгера застрелили. Уверен также, что это его кровь. А для того, чтобы вывезти книги, надо было на некоторое время скрыть тело. Кто-то наследует его дело, и ему нужно немного времени, чтобы взять разгон.

– Так просто это им не пройдет, – холодно сказал Эдди Марз.

– Кто это говорит? Вы? С вашей парой наемников в машине? Мы живем в большом городе, Эдди. А в последнее время сюда прибыло несколько крутых парней. Известно...

Преступность в больших городах...

– Вы чертовски много говорите... Слишком много, – прервал меня Эдди Марз и два раза сильно свистнул сквозь зубы. Хлопнула дверца машины и стало слышно, как кто-то бежит к дому. Марз снова достал «люггер» и направил его мне в грудь. – Откройте дверь.

– Дверная ручка задвигалась и послышался чей-то голос. Дуло «люггера» казалось черной дырой туннеля на Второй улице. Но я не дрогнул, решив привыкать к мысли, что мое тело не пуленепробиваемое.

– Откройте ее сами, Эдди! Кто вы, черт возьми, такой, что-бы приказывать мне? Ведите себя со мной хорошо, и тогда, может быть, я помогу вам выкарабкаться из этого.

Он неловко поднялся, обошел край стола, подошел к двери и открыл ее, не спуская с меня глаз. В комнату ввалились двое мужчин и сразу сунули руки под мышки. Один из них, очевидно, был бывший боксер – хорошо сложенный, бледнолицый молодой человек с расплоснутым носом и ухом, похожим на бифштекс. Второй – худой блондин с лицом мертвеца и бесцветными, близко посаженными глазами.

– Проверьте этого парня, – сказал Эдди Марз, – нет ли у него случайно пушки.

Блондин вытащил пистолет с коротким стволом и направил его на меня. Боксер неуклюже подошел и тщательно ощупал мои карманы. Я вертелся перед ним как пресыщенная красавица, примеряющая у портного новое вечернее платье.

– Оружия нет, – буркнул он.

– Посмотри, кто он такой.

Боксер сунул руку во внутренний карман моего пиджака и вытащил бумажник. Раскрыл и некоторое время изучал его

содержимое.

– Его зовут Филип Марлоу. Живет в Хобарт Армс по улице Франклина. Лицензия частного детектива, удостоверение, выданное департаментом уголовных дел...

Это все. – Он сунул бумажник обратно мне в карман, слегка шлепнул меня по лицу и отвернулся.

– Уходите, – приказал Эдди Марз.

Оба наемника вышли и закрыли за собой дверь. Слышно было, как они сели в машину, запустили мотор и снова установили ее на холостой ход.

– Так, а теперь говорите, – произнес Эдди Марз. – Кончики его бровей сошлись над переносицей.

– Я не собираюсь выбалтывать все, но кое-что вам скажу. Ликвидировать Гейгера лишь затем, чтобы унаследовать его дело – это был не слишком мудрый поступок. Я не уверен, что случилось именно так, даже принимая во внимание тот факт, что Гейгер наверняка мертв. Я уверен, что тот, кто занялся книгами, отлично во всем ориентируется. Я уверен также, что красивая блондинка из его магазина полумертва от страха по каким-то там причинам. Кроме того, я догадываюсь, кто перевез книги.

– Кто?

– Это составляет ту часть дела, о которой я не хочу болтать. У меня, как вам известно, есть клиентка.

Он сморщил нос.

– Эта... – и быстро замолк.

– Надеюсь, вы заете эту девушку?

– Кто взял те книги, приятель?

– Я не настолько откровенен, Эдди. Да и с какой стати?

Он положил «люггер» на стол, хлопнул по нему ладонью и сказал:

– Это один из доводов. А кроме того, это могло бы вам окупиться.

– Вот это уже лучше. А пушку оставьте. Я всегда предпочитал слышать звон монет. А сколько вы собираетесь заплатить?

– Это зависит от того, что вы можете сделать.

– А что вы можете предложить? Он грохнул кулаком по столу. – Послушай-ка, приятель! Я задаю вопрос, а вы отвечаете мне новым вопросом. Так мы ни к чему не придем. Я хочу знать, где Гейгер, по сугубо личным причинам. Мне никогда не нравилось его занятие и я

никогда его не прикрывал. Так уж случилось, что этот дом принадлежит мне. Но в данный момент я не испытываю от этого счастья. Я понимаю, что все, что вы знаете, еще не раскрыто, иначе дом роился бы сейчас толпами копов, копающихся в этой мусорной яме. Или у вас просто-напросто нет никакой информации на продажу. Что-то мне кажется, что вы сами нуждаетесь в небольшом прикрытии, мой дорогой. Так что выкладывай!

Ему правильно казалось, но я не собирался показывать это. Я достал сигареты и спички, прикурил, бросил спичку в стеклянный глаз «тотема» и сказал:

– Вы правы. Если с Гейгером действительно что-то случилось, я должен сообщить о том, что знаю, полиции. Таким образом вся эта история станет достоянием общественности и мне нечего будет продавать. Поэтому я намереваюсь, с вашего позволения, естественно, попросту убраться отсюда. Лицо его побледнело под загаром. Какое-то мгновение он выглядел как ординарный бандит. Потом рука его дернулась, как будто он хотел взять оружие. В ту же минуту я спросил:

– Кстати, как поживает миссис Марз?

На мгновение мне показалось, что я зашел немного дальше, чем следовало. Трясущейся рукой он сделал судорожное движение к револьверу, мышцы его лица напряглись.

– Уходи, – тихо сказал он. – Мне наплевать, куда ты сейчас пойдешь и что будешь делать. Дам тебе только один хороший совет: не вмешивай меня в свои делишки, не то пожелеешь, что тебя не зовут, к примеру Мэрфи и ты не живешь в Ирландии.

– Я предпочел бы горы, недалеко от Клонмеля, – сказал я. – Говорят, у вас есть друг родом оттуда.

Он склонился над столом. Глаза его стали холодными, как лед, но он не шевельнулся. Я подошел к двери, открыл ее и оглянулся, чтобы взглянуть на него. Он следил за мной взглядом, но его склонившееся серое тело не сделало ни одного движения. В его глазах я прочел ненависть.

Выйдя из дома, я выбрался из лабиринта живой изгороди и направился к своей машине. Сел, повернул руль и стал спускаться с горы. Никто в меня не стрелял. Я проехал несколько кварталов, свернул, выключил мотор и несколько минут сидел спокойно. Никто за мной не следил. Я вернулся в Голивуд.

Глава 14

Было без пяти пять, когда я остановился рядом с главным входом жилого дома на Рэндолл-Плас. Несколько окон уже светилось, радио бормотало что-то в наступающих сумерках. Я поднялся лифтом на пятый этаж и пошел по длинному, покрытому зеленым ковром коридору, со стенами, отделанными панелями из слоновой кости. Прохладный сквозняк тянул из открытой двери холла к запасному ходу. Рядом с дверью номера четыреста пять виднелась маленькая, сделанная из слоновой кости кнопка звонка. Я нажал на нее и ждал, как мне показалось, довольно долго. Наконец дверь бесшумно приоткрылась на ширину стопы. Было что-то подозрительное в том, как она открылась: медленно и словно украдкой. За дверью стоял длинноногий плечистый мужчина с темно-кариими глазами на темном, бесстрастном лице. Похоже было, что он научился контролировать свою мимику уже очень давно. Его волосы казались сделанными из стальной проволоки, растущей откуда-то сзади, благодаря чему его коричневый лоб производил впечатление необычайно высокого и придавал ему, при поверхностном взгляде, вид мыслителя. Его мрачные глаза изучали меня без тени заинтересованности. Длинные коричневые пальцы придерживали край двери. Он молчал.

– Гейгер, – сказал я.

Лицо даже не дрогнуло, выражение его не изменилось. Откуда-то из-за двери он вынул сигарету, сунул ее в рот и выпустил небольшое облачко дыма. Сквозь это ленивое пренебрежительное дуновение до меня донесся холодный медленный голос, бесстрастный как голос крупье в игровом доме.

– Что вы сказали?

– Гейгер. Артур Гвинн Гейгер. Тот, у которого книжки.

Мужчина, казалось, анализировал мои слова. Он взглянул на тлеющий кончик своей сигареты. Его другая рука, которой он придерживал дверь, исчезла из поля зрения. По движению его плеч можно было догадаться, что он производит ею какие-то действия.

– Я не знаю никого с таким именем, – сказал он. – Он что, живет где-то поблизости?

Я улыбнулся. Ему это не понравилось, его глаза холодно блеснули.

– Вас зовут Джо Броуди? – спросил я.

Коричневое лицо окаменело.

– Ну и что? – последовал ответ. – Тебе что-нибудь нужно, братец, или просто развлекаешься?

– Значит, вы Джо Броуди, повторил я. – И вы не знаете никого по имени Гейгер. Очень смешно.

– Да? Возможно. У вас странное чувство мора. Демонстрируйте его где-нибудь в другом месте.

Я оперся на дверь и послал ему обворожительную улыбку.

– У вас есть книжки, Джо. А у меня есть список этих фраеров. Нам надо обговорить это.

Он не сводил глаз с моего лица. В комнате раздался неясный звук, как будто кольцо от занавески стукнуло о металлический прут. Он глянул через плечо внутрь, открыл дверь шире и холодно произнес:

– Почему бы и нет...

Если вам кажется, что из этого что-то получится. – Он отступил с прохода, а я прошел мимо него в комнату.

Это была веселая комната, хорошо обставленная и не перегруженная мебелью. Венецианское окно было открыто на каменный балкон, выходящий в сторону холмов. Рядом с окном я заметил закрытую дверь, а возле входной двери еще одну, прикрытую плюшевой портьерой, подвешенной на латунном стержне.

Посредине, у стены, в которой не было никакой двери, стояла тахта. Я сел на нее. Броуди запер входную дверь и не спеша подошел к высокому письменному столу, обитому гвоздями с плоскими квадратными шляпками. На нем стояла шкатулка из древесины кедра с позолоченными петлями. Он перенес ее к креслу, стоявшему в промежутке между дверьми и сел. Я положил шляпу рядом с собой и стал ждать.

– Так, я слушаю, – начал Броуди. Он открыл коробку сигар и выбросил окурок сигареты в стоявшую рядом пепельницу, потом сунул в рот длинную тонкую сигару. – Не желаете? – спросил он и, не ожидая ответа, бросил одну в мою сторону.

Я подхватил ее на лету. Броуди вынул из коробки с сигарами оружие и наставил его мне прямо в нос. Я посмотрел на то, что он

вытащил из коробки. Это был черный револьвер тридцать восьмого калибра, из тех, которыми обычно пользуется полиция. Пока что у меня не было ни одного контраргумента.

– Чистая работа, правда? – заметил Броуди. – Будьте любезны, встаньте на минутку. Отойдите на два шага вперед. Можете вдохнуть немного воздуха, когда будете идти. – В его голосе звучала та выработанная бесстрастность, которая типична для бандитов из кинофильмов. Все бандиты в фильмах разговаривают именно так.

– Ну, ну, – буркнул я, не двигаясь с места. – Так много револьверов в этом городе и так мало благоразумия. Вы уже второй, кого я встречаю в течение последнего часа и кому кажется, что мир у его ног лишь потому, что он держит в руках пушку. Не глупите, Джо, и положите ее.

Он насупил брови и выставил подбородок в мою сторону. В глазах у него была ненависть.

– Того парня зовут Эдди Марз, – добавил я. – Слышали когда-нибудь о нем?

– Нет. – Он все еще держал оружие, направив его на меня.

– Если он когда-нибудь узнает, где вы провели последнюю дождливую ночь, то ликвидирует вас раз и навсегда, так, как ликвидируется фальшивый чек.

– А что бы я мог значить для Эдди Марза? – холодно спросил Броуди, однако опустил револьвер на колени.

– Сдается мне, что у него связаны с вами какие-то неприятные воспоминания, – сказал я.

Мы смотрели друг на друга. Из-под плюшевой портьеры, прикрывавшей дверь, выглядывал остроконечный носок дамской туфельки.

Броуди заговорил, теперь уже спокойнее:

– Не поймите меня неверно. Я не профессиональный бандит, я просто осторожен. Откуда мне, черт возьми, знать, что у вас на уме на самом деле! С таким же успехом вы могли быть наемным убийцей.

– Однако вы недостаточно осторожны, – прервал я его. – Этот ваш фокус с книгами Гейгера был очень неосторожен.

Броуди глубоко и медленно втянул в себя воздух и бесшумно выпустил его. Облокотился на подлокотники кресла, скрестил длинные ноги и положил револьвер на колени.

– Не думайте, что я не воспользуюсь этой игрушкой, если возникнет необходимость, – сказал он. – Так что вы хотели мне рассказать?

– Позвольте своей приятельнице в остроносых туфлях выйти из-за портьеры, – сказал я. – Она устанет, пытаясь так долго сдерживать дыхание. Не отводя взгляда от моего живота, Броуди позвал:

– Иди сюда, Агнесса!

Портьера откинулась и зеленоглазая, покачивающая бедрами пепельная блондинка из магазина Гейгера присоединилась к нам. Она смотрела на меня с плохо скрываемой ненавистью. Ноздри ее трепетали, глаза были мрачными. Она казалась очень несчастной.

– Я сразу, черт возьми, знала, что вы принесете несчастье, – проворчала она в мой адрес. – Я предупреждала Джо, чтобы был осторожным!

– Прекрати болтовню, – прервал ее Броуди. – Джо умеет быть осторожным. Зажги свет, чтобы было видно, куда стрелять, если придется прихлопнуть этого парня.

Блондинка зажгла большой торшер с квадратным абажуром, опустилась на стул и застыла неподвижно, как будто на ней был слишком тесный пояс для подвязок. Я взял в рот сигару и отгрыз ее кончик. Пока я вытаскивал спички и прикуривал сигару, револьвер Броуди внимательно следил за моими движениями. Я с удовольствием вдохнул дым и сказал:

– Список клиентов, о котором я говорил, зашифрован. Я еще не распутал код, но могу сказать, что там находится около пятисот фамилий. У вас здесь, насколько мне известно, находится двенадцать ящиков книг, по крайней мере это те, о которых я знаю. В них должно быть самое меньшее пятьсот экземпляров. Наверняка намного больше сейчас находится на руках, но примем округленно и весьма приблизительно, что их тоже пятьсот. Актив довольно весомый. Даже если он занижен на пятьдесят процентов, то все равно остается порядочная сумма. Ваша приятельница ориентируется в этом довольно хорошо, в то время как я лишь угадываю. Если за прокат вы будете брать всего один доллар, что, естественно, не является слишком высокой ставкой, поскольку товар этого рода сейчас в цене, то все равно дело принесет вам сумму, которая быстро превысит

первоначальный капитал. А капиталом Гейгера, как я думаю, сейчас владеете вы. Естественно, ради такой суммы стоит застрелить парня.

Блондинка взвизгнула:

– Он сумасшедший, этот яйцеголовый!..

Оскалившись, Броуди яростно прошипел:

– Заткнись! Ради бога, держи язык за зубами!

Блондинка замолчала, кипя скрытым бешенством, смешанным со страхом и переживая муки унижения. Серебряные ногти впились в колени.

– Конечно, это дело не для простачков, – почти ласково продолжал я. – Тут нужен кто-нибудь половчее, вроде вас, Джо. Вы ведь конечно, понимаете, что люди, тратящие деньги на подобного рода эротические возбудители, обычно нервные, как старые дамы, которые не могут найти туалет. Лично я считаю шантаж, как побочное занятие, большой ошибкой. Я за то, чтобы исключить его, заниматься только честной продажей и получать прибыли от проката.

Карие глаза Броуди внимательно следили за моим лицом. Его револьвер все еще проявлял не ослабевающий интерес к моим жизненно важным органам.

– Вы забавный малый, – равнодушно сказал он. – Кто же это, по-вашему, является владельцем этого прекрасного дела?

– Вы, – ответил я. – То есть, почти.

Блондинка громко проглотила слюну и вонзила ногти в ушные раковины. Броуди ничего не сказал, только внимательно смотрел на меня.

– Вот тебе на! – воскликнула блондинка. – Вы сидите тут и рассказываете нам, что Гейгер вел такое дело на одной из главных улиц города? Вы ненормальный!

Я подмигнул ей.

– Конечно рассказываю. Каждый знает, что такой промысел существует. Голливуд создал спрос на подобные вещи. Если такой магазин существует, то именно на главной улице. Это выгодно для любого полицейского. По тем же причинам, по каким полиция признает кварталы с красными фонарями. Ибо прекрасно знает, что у нее все под рукой и что в любую минуту она может наложить на это лапу.

– Боже мой! – взвыла блондинка. – Ты позволяешь этому хаму сидеть здесь и клеветать на меня? И это тогда, когда в руке у тебя револьвер, а у него только сигара во рту?

– Меня это забавляет, – буркнул Броуди. – Парень правильно мыслит. А теперь закрой рот и держи его все время закрытым, чтобы мне не пришлось его захлопнуть. – Он небрежно пригрозил ей револьвером.

Блондинка, отвернувшись к стене, с трудом ловила ртом воздух. Броуди посмотрел на меня и хитровато спросил:

– И как же это я дошел до этого первоклассного дела?

– Вы застрелили Гейгера, чтобы получить это. В последнюю дождливую ночь. Погода была прекрасной для того чтобы пострелять немного. Беда в том, что вы были не одни, когда ликвидировали его. Или вы этого не заметили, что я считаю невозможным, или душа у вас настолько ушла в пятки, что вы ни на что не обращали внимания. Хотя, с другой стороны, у вас хватило самообладания, чтобы вытащить кассету с пленкой из фотоаппарата, а через некоторое время вернуться и спрятать труп Гейгера. Вам было необходимо время, чтобы забрать из магазина все книги, прежде чем полиция обнаружит убийство.

– Замечательно, – презрительно произнес Броуди, и револьвер пошевелился на его коленях. Темное, загорелое лицо стало жестким, как будто изваянным. – Играя в угадайку, вы играете с огнем, мистер. Вам чертовски повезло, что это не я застрелил Гейгера!

– Несмотря на это вас привлекут к ответственности, – заметил я доброжелательным тоном. – Вы могли приказать убить его.

Голос Броуди словно увял.

– Вы думаете, они могут пришить мне это дело?

– Железно.

– Каким образом?

– Есть некто, кто даст именно такие показания. Я вам сказал, что при этом был свидетель. Не будьте наивны, Джо.

Только сейчас Броуди взорвался:

– Эта чертова падаль, помешанная на мужчинах девка! – рявкнул он. – Она на это способна! К черту ее! Именно она способна.

Я уселся поудобнее и улыбнулся ему.

– Прекрасно. Я знал, что ее снимок в костюме Евы именно у вас.

Он не произнес ни слова. Блондинка тоже молчала. Я дал им время, чтобы они могли переварить это. Постепенно лицо Броуди обрело естественный вид. Казалось ему стало легче. Револьвер он положил на край стола, однако держал вблизи от него свою правую руку. Потом стряхнул пепел с сигары на ковер и посмотрел на меня глазами, превратившимися в две узенькие щелочки. – Сдается мне, вы принимаете меня за идиота, – заметил он.

– Скорее, за обыкновенного шантажиста. Отдайте мне снимки.

– Какие снимки?

– Вы ставите не на ту карту, Джо. Невинная поза вам ничего не даст. Или вы лично были в ту ночь там, или получили снимок от кого-то, кто был там. Вы знаете, что та малышка была там, поскольку велели своей приятельнице напугать миссис Риган, что сообщите полиции об убийстве. Чтобы сделать это, вы должны были или видеть все это, или же получить снимок, будучи проинформированным, где и когда он сделан. Так что не выкомаривайтесь и будьте рассудительны.

– Мне нужно немного денег, – сказал Броуди. Он повернул голову, чтобы посмотреть на свое зеленоглазое счастье. Увы, теперь это была уже не зеленоглазая чарующая блондинка. Она была похожа скорее на дохлого пса.

– Никаких денежек, мой дорогой, – сказал я. Он хмуро взглянул на меня из подлобья.

– Как вы вышли на меня?

Вынув бумажник, я показал ему свое удостоверение.

– Я следил за Гейгером по поручению моего клиента. Поэтому и находился вчера ночью неподалеку от его дома. Так что слышал выстрелы и проник внутрь. Я не видел убийцу, но видел все остальное.

– И вы держали рот на замке?

Я положил бумажник в карман.

– Да. По крайней мере до сих пор. Так получу я эти снимки или нет?

– А что с книгами? – спросил Броуди. – Как вы вышли на след?

– Я ехал за ними от магазина Гейгера прямо сюда. У меня даже есть свидетель.

– Тот сукин сын?

– Какой сукин сын?

Он хмуро посмотрел на меня.

– Тот соплик, который работал в магазине. Он смылся, когда грузовик уехал. Агнесса не знает, где он шляется.

– Очень хорошо, – заметил я, улыбнувшись ему. – Это немного беспокоило меня. Кто-нибудь из вас был в доме Гейгера? Перед последней ночью?

– Ни разу, – резко запротестовал Броуди. – Значит, она утверждает, что это я его застрелил, да?

– Когда снимки уже будут у меня в руках, может, мне удастся втолковать ей, что она ошибается. Она была в тот момент не совсем трезвой. Броуди вздохнул.

– Она меня смертельно ненавидит. Я бросил ее. Конечно, она мне заплатила, но все равно я бросил бы ее. Она была слишком извращенной для такого обыкновенного парня, как я. – Он откашлялся. – Ну хорошо, а как насчет какой-нибудь небольшой суммы? Я совсем без денег, а мы с Агнессой должны как-то выкрутиться из беды.

– Но не за деньги моей клиентки.

– Но послушайте...

– Отдайте снимки, Броуди.

– Черт с вами, – сказал он. – Вы выиграли.

Броуди встал и сунул револьвер во внутренний карман. Лево́й рукой он пошарил в кармане плаща. На его лице отразилось ожесточение. Вдруг у двери зазвенел звонок, и все звонил и звонил.

Глава 15

Звонок явно не понравился Броуди. Он крепко сжал губы и сдвинул брови. Его лицо приобрело вульгарное и хитрое выражение.

А звонок все заливался у двери. Признаюсь, что мне это тоже не понравилось. Если бы, случайно, гостями были Эдди Марз и его ребята, я, вероятно, превратился бы в холодный кусок падали лишь потому, что находился в этой комнате. Если бы это была полиция, то в качестве оправдания своего присутствия здесь, я мог бы предъявить лишь исключительно вежливую улыбку. Наоборот, если бы это был кто-нибудь из друзей Броуди, – разумеется, ежели у него имеются таковые, – то они могли бы оказаться намного опаснее его самого.

Звонок не понравился также и блондинке. Она быстро встала и возбужденно замахала рукой. От нервного напряжения ее лицо постарело и подурнело.

Внимательно наблюдая за мной, Броуди открыл ящик стола, достал маленький револьвер с рукоятью из слоновой кости и подал его блондинке. Дрожа всем телом, она подошла к нему и взяла оружие.

– Сядь рядом с ним, – сурово приказал Броуди. – Держи его под прицелом и подальше от двери. Целься в ноги. Если он вздумает шутить, сделай то, что сочтешь нужным. Они нас еще не достали, детка!

– Ох, Джо, – простонала блондинка. Она приблизилась ко мне, села на тахту и наставила револьвер на мое бедро. Истеричный блеск ее глаз мне очень не понравился.

Звонок перестал звонить. Его сменил быстрый нетерпеливый стук. Броуди сунул руку в карман, где находился его кольт, и левой рукой открыл дверь. Кармен Стернвуд втолкнула его обратно в комнату, приставив маленький дамский револьвер прямо к его плотно сжатым губам.

Броуди отступал перед ней шаг за шагом, шевеля губами, с лицом, искаженным паническим страхом. Кармен захлопнула за собой дверь, не обращая ни на меня, ни на Агнессу никакого внимания. Она напирала на Броуди, не спуская с него глаз и высунув кончик языка

между зубами. Броуди вынул руку из кармана и начал делать примирительные жесты.

Агнесса перевела ствол револьвера с меня на Кармен. Я моментально протянул руку, и сжал ее пальцы своими, одновременно нажав большим пальцем на предохранитель. Я облегченно вздохнул. Револьвер был на предохранителе, но я не выпустил его из руки. Между нами произошла короткая молчаливая схватка, на которую ни Кармен, ни Броуди не обратили ни малейшего внимания. Наконец револьвер оказался в моей руке. Агнесса тяжело дышала, дрожа всем телом. Лицо Кармен было словно вырезано из слоновой кости. Дышала она со свистом, а ее голос звучал глухо, когда она сказала:

– Отдай мои снимки, Джо!

Броуди сглотнул слюну и попытался выдавить из себя улыбку.

– Конечно, малышка, конечно.

Он говорил тихим, сдавленным голосом, так же отличающимся от того, каким он разговаривал со мной, как звук мотора мопеда отличается от грохота десятитонного грузовика.

– Ты застрелил Гейгера, – произнесла Кармен. – Я видела это. Отдай мне мои фотографии.

Броуди позеленел.

– Эй, минуточку, Кармен! – воскликнул я.

Светловолосая Агнесса вдруг ожила. Она склонила голову и впиалась зубами в мою правую руку. Я вскрикнул и стряхнул ее с себя.

– Послушай, детка, – скулил Броуди. – Послушай немножечко...

Блондинка плюнула в меня и бросилась на мою правую ногу, пытаясь укусить ее. Я не очень сильно ударил ее по голове рукояткой револьвера и хотел встать. Она сползла по моей ноге вниз и крепко обняла ее руками. Я упал обратно на тахту. Блондинка была сильная. Не знаю, что придавало ей силу, – любовь, страх или все вместе. А может, она просто была физически сильной.

Броуди пытался схватить маленький револьвер, находившийся так близко от его лица. Но промахнулся и лишь зацепил его. Раздался резкий, неожиданный и не очень громкий звук выстрела. Пуля разбила оконное стекло. Броуди взвыл страшным голосом, упал на пол и дернул Кармен за ноги. Она свалилась, как бревно, а ее маленький револьвер отлетел в угол комнаты. Броуди вскочил на колени и сунул руку в кармен.

На этот раз я ударил Агнессу по голове, не заботясь об излишней деликатности, разорвал ее руки, сомкнутые на моей ноге, и встал. Броуди взглянул на меня. Я показал ему револьвер, и он сразу перестал шарить в своем кармане.

– Боже мой! – простонал он. – Ведь вы же не позволите ей застрелить меня.

На меня вдруг напал смех.

Я начал смеяться. Я смеялся, как идиот, не владея собой. Пепельноволосая Агнесса сидела на полу, положив руки на ковер, с широко открытым ртом, а на правый глаз ей свисала металлически поблескивавшая прядь волос. Кармен ворочалась на четвереньках, в ее быстром дыхании все еще слышался тот же свистящий звук. Маленький револьвер поблескивал в углу, а она настойчиво продвигалась к нему.

Я махнул Броуди отобранном револьвером, который держал в руке.

– Вставайте, вы же целы и невредимы, с вами ничего не случилось!

Бросившись к Кармен, я поднял ее револьвер. Она посмотрела на меня и принялась хихикать. Я положил оружие в карман и похлопал ее по спине.

– Вставай, ангелок. Ты похожа на китайского пинчера.

Потом я подошел к Броуди, приставил ему к животу револьвер и вытащил «кольт» из кармана его брюк. Наконец-то у меня оказалось все оружие, какое было выставлено в этом доме напоказ. Набив себе им карманы, я протянул руку к Броуди.

– Давай.

Он кивнул, облизнув губы. В его глазах все еще таился страх. Он вытащил из кармана толстый конверт и подал его мне. В нем был негатив и пять глянцевого фотографий.

– Вы уверены, что это все?

Он снова кивнул. Я сунул конверт во внутренний карман пиджака и отвернулся. Агнесса сидела на тахте и приводила в порядок свою прическу. Полными бешеной ненависти глазами она пожирала Кармен. Кармен уже была на ногах и приближалась ко мне с протянутой рукой, свястяще дыша и хихикая. В уголках ее рта появилась пена, меж приоткрытых губ блестели маленькие белые зубы.

– Могу я их теперь получить? – спросила она с боязливой улыбкой.

– Я спрячу их. А сейчас бегите домой.

– Домой?

Подойдя к двери, я выглянул в коридор. Из холла тянуло прохладным успокоительным сквознячком. Никто из взволнованных соседей не высовывался в дверь. Тихий выстрел из маленького калибра и звон выбитого стекла – эти звуки не производили большого впечатления в наше время. Я придержал дверь и кивнул Кармен. Она подошла ко мне, неуверенно улыбаясь.

– Идите домой и подождите меня там, – сказал я успокаивающим тоном. Она подняла большой палец, кивнула и проскользнула мимо меня. Но прежде чем выйти, коснулась пальцами моей щеки.

– Вы позаботитесь о Кармен, правда? – проворковала она.

– Конечно.

– Вы шикарный мужчина.

– Ох, то, что вы видите, это еще ничего, – сказал я. – На правом бедре у меня вытатуирована танцовщица из Бали.

Глаза Кармен округлились. Она сказала: «Ах вы, озорник!» и погрозила мне пальцем. Потом прошептала:

– Могу я взять свой револьвер?

– Не сейчас. Я принесу его вам попозже.

Она вдруг закинула мне на шею руки и поцеловала в губы.

– Вы мне нравитесь, – сказала она. – Вы очень нравитесь маленькой Кармен.

Быстро, словно перепелка пробежав через холл, она помахала мне рукой с лестницы и исчезла.

Я вернулся в комнату Броуди.

Глава 16

Прежде всего я подошел к окну и осмотрел его. Пуля Кармен разбила маленькое стекло внизу, но не сделала в нем отверстия. Круглое отверстие было в стене. Его легко было заметить опытным глазом. Я заслони́л шторой окно и вынул из кармана оружие Кармен. Револьвер был двадцать второго калибра. В перламутровую рукоять вделана овальная серебряная пластинка с выгравированной на ней надписью: «Кармен от Оуэна». Эта девушка из всех делала преступников.

Сунув револьвер обратно в карман, я сел возле Броуди и посмотрел в ошарашенные коричневые глаза. Прошла минута. Блондинка с помощью карманного зеркальца поправила прическу и макияж. Броуди, неуверенно жестикулируя рукой, в которой держал дымящуюся сигарету, воскликнул:

– Ну что, вы удовлетворены?

– Пока что – да. Почему вы пытались шантажировать миссис Риган, а не генерала?

– Я уже выжал из него один раз. Шесть или семь месяцев назад. Мне казалось, что на этот раз он взбесится и сообщит в полицию.

– Откуда вы знали, что миссис Риган ничего не скажет ему?

С минуту он сосредоточенно размышлял, затягиваясь сигаретой и не сводя с меня глаз. Наконец спросил:

– Вы ее хорошо знаете?

– Я видел ее всего два раза. Очевидно, вы знаете ее гораздо лучше, если решились пойти на этот шантаж.

– Она ведет светскую жизнь, развлекается, как может. Предполагаю, что в ее жизни было немало темных делишек, относительно которых она предпочла бы оставить генерала в неведении. Я уверен, что пять тысяч для нее мелочь. – Не совсем так, – сказал я. – Однако оставим это. Вы сейчас без гроша, да?

– Вот уже который месяц удается добывать лишь по несколько центов и с горем пополам сводить концы с концами.

– Как вы зарабатываете на жизнь?

– Страхование. Работаю в страховом агентстве.

– Ваше положение улучшится, когда вы наладите новое дело. Эти книги у вас дома?

Он ухмыльнулся и замахал рукой. Уверенность в себе постепенно возвращалась к нему.

– Черт возьми, конечно нет! Я отдал их на хранение.

– Вы наняли человека, чтобы он привез их сюда и тотчас вызвали людей из фирмы, занимающейся хранением вещей, чтобы они увезли их отсюда?

– Конечно. Было бы неблагоприятно перевозить их прямо из магазина Гейгера, разве не так?

– Ловко, – заметил я с удивлением. – В вашей квартире больше нет ничего нелегального?

Он с беспокойством посмотрел на меня и быстро замотал головой.

– Очень хорошо, – сказал я и посмотрел на Агнессу. Она кончила подкрашиваться и теперь уставилась в стену отсутствующим взглядом, почти не слыша того, о чем мы говорили. Вид у нее был безучастный и усталый, как это обычно бывает после пережитого сильного нервного напряжения.

Броуди воинственно сверкнул глазами.

– Ну так что?

– Как снимки попали к вам?

Он хмуро взглянул на меня.

– Послушайте: вы получили то, что хотели, и очень дешево. Вы сделали хорошую чистую работу. Теперь летите к своему замечательному клиенту. У меня нет ничего общего с этим. Я ничего не знаю ни о каком снимке, правда, Агнесса?

Блондинка выкатила глаза и посмотрела на него с неясным, но и не слишком лестным выражением.

– Ишь, хитрец, – сказала она и фыркнула. – Со мной это все время происходит. Ни разу на моем пути не попался мужчина, который бы держал фасон от начала до конца. Ни разу.

Я улыбнулся ей.

– Я причинил вам сильную боль?

– Такою же, как и все мужчины, которые мне встречались.

Я снова посмотрел на Броуди. Он нервно мямл в пальцах сигарету. Руки у него слегка дрожали. Только лицо, коричневое лицо игрока, оставалось еще спокойным.

– Нам надо вместе обдумать, что мы будем говорить, – сказал я. – Например, Кармен. Ее здесь вообще не было. Это очень важно. Ее здесь не было. Вы видели привидение.

Броуди иронически засмеялся.

– Если вам так угодно, приятель, ну и, если... – тут он протянул руку и пошевелил пальцами, словно считал деньги.

Я кивнул.

– Посмотрим. Возможно, найдется какая-то скромная компенсация. Но только не рассчитывайте на тысячи. Ни в коем случае. А теперь: откуда у вас этот снимок?

– Какой-то тип подсунул мне его украдкой.

– Ага. Какой-то тип, как раз проходивший по улице, и вы его, конечно же не смогли бы узнать и ни разу в жизни раньше не встречали!

Броуди зевнул.

– Это выпало у него из кармана.

– Уже лучше. У вас есть алиби на эту ночь?

– Я просто был здесь. С Агнессой... Верно Агнесса?

– Опять вы, Джо, начинаете рассказывать мне истории, которые огорчают меня.

Он посмотрел на меня широко раскрытыми глазами, заодно широко раскрыв также и рот. Сигарета, приклеившись, повисла на его нижней губе.

– Вы считаете, что вы большой умник, – сказал я, – но в действительности вы чертовски глупы. Если даже вы не станцуете воздушный твист в тюрьме Квентин, то все равно вас ждет много долгих и нудных лет одиночества – в заключении.

Приклеенная к губе сигарета задрожала. Пепел осыпался на пиджак.

– И подумать только, каким мудрецом вы себя считаете!

– Закрой дверь с той стороны, – неожиданно проворчал Броуди. – С меня хватит. Исчезни. Уматывай.

– Отлично. – Я встал, подошел к дубовому столу, вынул из кармана оба револьвера, уложил их параллельно друг к другу на концах пресс-папье, поднял шляпу, валявшуюся на полу перед тахтой, и пошел к двери.

Броуди пролаял:

– Послушайте!

Я обернулся. Сигарета подпрыгивала в его губах, как куколка на пружине.

– Все в порядке, да? – спросил он.

– Почему бы и нет? Мы живем в свободной стране. Вам необязательно избегать тюрьмы, если вы так стремитесь туда попасть. Разумеется, если вы гражданин Соединенных Штатов. А вы гражданин?

Он молча таращился на меня, катая во рту сигарету. Пепельновласая Агнесса медленно повернула голову и тоже смотрела на меня. В их глазах я читал смесь проницательности, сомнения и бессильной злости. Агнесса резким движением подняла руку с серебряными ногтями, выдернула из головы волос и со злостью разорвала на кусочки.

Вдруг Броуди сдавленным голосом произнес:

– Ни в какую полицию вы не пойдете, приятель. Во всяком случае, пока работаете на Стернвудов. Я слишком много знаю об этой семье. Вы получили снимки, и на этом дело, видимо и кончится. Отчаливайте, наконец, к своему работодателю и продайте ему эту сенсацию!

– Решитесь же наконец, – посоветовал я. – Вы сказали, мне исчезнуть. Я был уже у двери, когда вы меня позвали. Я остановился. Теперь снова должен уйти. Чего вы, собственно, хотите?

– У вас ничего на меня нет, ясно? – сказал Броуди.

– Только два крошечных убийства. Для вас это, конечно, мелочь.

Он подпрыгнул, как говорится, чуть не до потолка. В расширившихся глазах виднелись белки, резко контрастируя с потемневшей радужной оболочкой зрачков. Загар на его лице приобрел зеленоватый оттенок. Светловолосая Агнесса издала приглушенный звериный вой и спрятала голову в подушки, лежавшие на тахте. Я стоял рядом и удивлялся стройности ее бедер.

Броуди облизнул губы.

– Садитесь, приятель. Возможно, у меня еще есть кое-что для вас. Что значит этот темный намек на два убийства?

Я прислонился к двери.

– Где вы были вчера вечером около половины восьмого, Джо?

Губы его гневно шевельнулись, но он опустил глаза вниз.

– Я наблюдал за одним малым, владельцем известного дела. За Гейгером. Хотел проверить, нужен ли ему компаньон. Хотел также выяснить, есть ли у него какие-то серьезные связи. Я установил, что он имеет влиятельных друзей, в противном случае не мог бы вести дело так открыто. Но эти шишки не приходили к нему домой. А только дамы.

– Вы наблюдали не слишком внимательно, – сказал я. – И что дальше?

– В предыдущую ночь я был на улице возле дома Гейгера. Шел сильный дождь, так что я сидел в машине и мало что видел. Одна машина остановилась перед домом Гейгера, а другая немного вверх по улице. Поэтому мне лучше было оставаться на своем месте. Там где я стоял, припарковался большой «бьюик». Через некоторое время, перейдя на другую сторону, я на минуту суеул голову внутрь. «Бьюик» был зарегистрирован на имя Вивиан Риган. Поскольку ничего не случилось, я убрался. Это все, – махнул он рукой, в которой держал сигарету, глазами изучая мое лицо.

– Это правдоподобно, – согласился я. – А вы знаете, где сейчас находится этот «бьюик»?

– Откуда мне знать?

– В гараже шерифа. Примерно в полдень его вытащили неподалеку от рыбацкого мола, с глубины около сорока метров. В машине нашли покойника. Он был сперва оглушен, а потом его машину направили в сторону мола, включив ручной газ.

Броуди тяжело дышал, одной ногой ритмично постукивая по полу.

– Боже! Человеке, вы же не можете пришить мне это дело? – глухо сказал он.

– А почему бы и нет? Ведь вы же сами сказали, что автомобиль стоял возле дома Гейгера. Миссис Риган не пользовалась им вчера вечером. Ее шофер, молодой человек по имени Оуэн Тэйлор, взял его без разрешения. Он поехал побеседовать с Гейгером, так как питал нежные чувства к Кармен, и ему не нравилось то, что вытворял с ней Гейгер. Войдя в дом через заднюю дверь и держа в руке револьвер, он увидел Гейгера в тот момент, когда тот фотографировал нагую Кармен. Револьвер выстрелил, – как это часто бывает с револьверами, – Гейгер упал, а Оуэн убежал, забрав с собой негативы. Вы следили за ним, догнали и отобрали у него пленку. Как же еще вы могли ее заполучить?

Броуди облизнул сухие губы.

– Ну да, но это еще не доказательство, что я его застрелил. Я слышал выстрелы и видел убийцу, как он сбегал по лестнице, как вскочил в «бьюик» и отъехал. Я поехал за ним. Он мчался к Сансет. За Бэверли-Хиллс съехал с шоссе и остановился. Тогда я подъехал и разыграл из себя полицейского. У него был револьвер, но нервы ни к черту, поэтому я его нокаутировал. Обыскал и установил, кто он такой. Взял также и кассету с пленкой, просто так, из чистого любопытства. Я ломал себе голову, что все это значит, когда тот вдруг пришел в себя и выбросил меня из машины. Прежде чем я опомнился, он исчез. Больше я его не видел.

– А откуда вы знали, что был застрелен именно Гейгер? – грубовато спросил я.

Броуди пожал плечами.

– Я так предполагаю, могу и ошибаться. Когда проявил негатив и увидел, кто на нем изображен, я был почти уверен в этом, а когда Гейгер не пришел сегодня утром в свой магазин и не отвечал на телефонные звонки, мне все стало ясно. Тогда я подумал, что это самый удобный случай, чтобы перевезти книги, быстро выбить из Стернвудов немного денег на дорогу и на время исчезнуть.

Я кивнул.

– Это звучит довольно убедительно. Возможно, вы действительно не принимали участие в убийстве. Где вы спрятали труп Гейгера?

Брови его взлетели вверх. Потом он засмеялся.

– Нет, нет, бросьте. Вы думаете, я вернулся бы туда, чтобы заняться телом, зная, что в каждую минуту из-за угла может выехать несколько машин, полных полицейских? О нет, приятель! Не такой уж я дурак.

– Однако кто-то спрятал труп, – сказал я.

Броуди снова пожал плечами. Улыбка не сходила с его лица. Я видел, что он мне не верит. Он все еще смотрел на меня с недоверием, когда вторично за этот вечер раздался звонок у входной двери. Броуди резко вскочил, глаза его стали жесткими. Он посмотрел на лежавшие на столе револьверы.

– Ну вот, опять она, – проворчал он.

– Даже если это она, то на этот раз без оружия, – успокоил я его. – У вас нет других знакомых?

– Хватит с меня одной, – снова проворчал он. – Мне уже надоела эта игра в жмурки.

Подойдя к столу, он взял свой «кольт» и, держа его стволом вниз, направился к двери. Положил левую руку на ручку, нажал, приоткрыл дверь и наклонился к ней, прижав револьвер к бедру.

– Броуди? – спросил какой-то голос.

Броуди ответил что-то, чего я не расслышал.

Глухо прозвучали два выстрела. Они, должно быть, были сделаны в упор. Броуди мягко сполз по двери, с треском захлопнувшейся под тяжестью его тела. Его ноги сдвинули ковер на полу, левая рука бессильно соскользнула с дверной ручки и глухо ударилась об пол, а голова бессильно свесилась набок, уткнувшись в дверь. Он лежал неподвижно, все еще сжимая «кольт» в правой руке.

Я метнулся через комнату и отодвинул тело так, чтобы протиснуться в дверь. Какая-то женщина выглядывала из расположенной напротив квартиры, ее лицо выражало испуг. Рукой с длинными ногтями она указала мне на лестницу. Я стремительно кинулся по коридору, слыша топот шагов впереди, на лестничной клетке. Когда я оказался в холле, дверь как рвз бесшумно закрывалась. Было слышно только, как чьи-то стопы на бегу со стуком ударяют по плитам тротуара. Толкнув дверь прежде, чем она успела закрыться, я оказался на улице.

Высокий человек без шляпы, в кожаной куртке бежал по проезжей части, виляя между припаркованными автомобилями. Он обернулся и передо мной вдруг вспыхнуло пламя. В оштукатуренную стену рядом со мной дважды тяжело бухнуло. Человек побежал дальше, миновал два автомобиля и исчез.

Кто-то появился передо мной и воскликнул:

– Что случилось?

– Какая-то стрельба, – ответил я.

– О боже! – и он мгновенно шарахнулся в холл.

Я быстро направился по тротуару к своей машине, сел и завел мотор, потом медленно поехал вдоль улицы. Все припаркованные по обе стороны машины стояли с заглушенными двигателями. Мне казалось, что я слышу какие-то шаги, но полной уверенности в этом не было. Миновав два квартала, на перекрестке я завернул и поехал назад. В какой-то момент где-то на тротуаре раздался приглушенный свист. Я

остановился рядом со стоявшим у тротуара автомобилем, вылез из машины, проскользнул между двумя другими и спрятался за ними, вынув из кармана маленький револьвер Кармен.

Звук шагов становился все громче, а посвистывание все веселее. Минуту спустя я увидел кожаную куртку, вышел из-за машины и спросил:

– У вас огонек найдется?

Молодой парень повернулся ко мне, сунув правую руку в верхний карман куртки. Глаза его блестели в свете фонарей. Влажные темные глаза миндалевидной формы на бледном привлекательном лице, окаймленном спадающими на лоб черными волосами. Действительно красивый парень. Парень из магазина Гейгера.

Он стоял передо мной и молча глядел на меня, с рукой в кармане, но засунутой в него еще недостаточно глубоко. Я держал маленький револьвер стволом вниз, у ноги.

– Должно быть, вы здорово любили своего драгоценного, – сказал я.

– Отцепись, – мягким голосом предложил он мне. Он стоял спокойно, зажатый между припаркованным автомобилем и высоким, в полтора метра забором.

В верхнем конце улицы завывала полицейская сирена. Он нервно дернул головой, услышав этот звук. Я прижал ствол револьвера к кожаной куртке и спросил:

– Я или копы?

Он дернул головой в сторону, как будто я его ударил.

– Кто вы такой?

– Друг Гейгера.

– Прочь с дороги, сукин сын!

– Этот револьвер очень маленького калибра, детка. Я могу так приложить тебе в пупок, что ты сможешь передвигаться самостоятельно лишь через три месяца. Но выживешь. Так, чтобы быть в состоянии дойти до той новой газовой камеры в Сан-Квентин.

Он грязно выругался и попытался засунуть руку глубже в карман. Я крепче прижал револьвер к его животу. Он глубоко вздохнул, вынул руку из кармана куртки и безжизненно свесил ее. Его широкие плечи вдруг опустились.

– Что тебе надо? – прошептал он.

Я сунул руку в его карман и вытащил револьвер.

– Садись в машину, паренек. – Я шел вплотную за ним, почти касаясь его спины. Мы подошли к машине. – Садись за руль, малыш. Ты поведешь.

Он скользнул на сиденье, я сел рядом с ним.

– Пропусти полицейские машины. А то подумают, что мы тронулись, когда услышали звук сирен. Потом поедем домой.

Сунув револьвер Кармен в карман, я приткнул его парнишке к ребрам. Затем посмотрел в заднее окно. Вой сирен стал уже очень громким. Посередине улицы разбухали два красных огня и слились в одно целое, когда мимо нас пронеслась, завывая сиреной, полицейская машина.

– Двигаем, – велел я.

Юноша вывернул со стоянки и поехал вниз по улице.

– А сейчас едем домой, – распорядился я. – На Лэйверн-террас.

Его красивые губы дрогнули. Он направил машину на запад, в сторону улицы Франклина.

– Ты наивняк, – сказал я. – К тому же легко распознаваемый. Как тебя зовут?

– Кароль Ландгрэн, – ответил он неживым голосом.

– Ты застрелил не того, кого надо. Джо Броуди не убивал твоего любовника.

Он произнес два нецензурных слова, и мы поехали дальше.

Глава 17

Серебряный полумесяц едва рассеивал мрак между кронами деревьев на Лэйверн-террас. Из расположенного у подножия холма дома раздались звуки радио. Молодой человек проскользнул сквозь лабиринт живой изгороди перед домом Гейгера, выключил мотор и остался сидеть, держа руки на баранке и глядя прямо перед собой. Даже малейшие лучи света не пробивались через живую изгородь.

– Есть кто-нибудь дома, сынок?

– Ты сам должен знать, – буркнул он.

– Откуда?

– Иди ты...

– Из-за таких вот разговоров уже не одному пришлось вставлять искусственную челюсть, – заметил я.

Он ухмыльнулся, продемонстрировав несомненно собственные зубы, пнул дверцу и вылез. Засунув руки в карманы, он стоял и смотрел из-за живой изгороди на входную дверь.

– Ну хорошо, – сказал я. – Ведь у тебя есть ключ. Давай войдем.

– Кто тебе сказал, что у меня есть ключ?

– Не делай из меня дурака, сынок. Твой любимчик дал тебе его. У тебя же здесь есть симпатичная и опрятная комнатка. Правда, он выгонял тебя из нее, когда ожидал визита дамы. Он был как Цезарь: мужем для женщин, женой для мужчин. Представь себе, юноша, что я безошибочно узнаю членов этого братства.

Я все еще держал револьвер направленным примерно в его сторону, но несмотря на это он бросился на меня. Мне удалось отпрыгнуть настолько быстро, чтобы не упасть, но все равно я почувствовал удар. Он нанес его изо всех сил, но к счастью гомосексуалисты не обладают железными кулаками, даже если это кажется так.

Я швырнул револьвер парню под ноги и сказал:

– Тебе это надо?

Он молниеносно нагнулся. В этом движении не было ничего женоподобного. Я опустил кулак на его шею, он свалился на бок, пытаясь дотянуться до оружия. Однако оно было недостижимо. Парень

встал на четвереньки, искоса глядя широко раскрытыми глазами. Он кашлял и мотал головой.

– Не хочешь продолжить? – провоцировал я. – Боишься потерять вес?

Он хотел продолжать. Прыгнул, как стрела, выпущенная из лука, и попытался схватить меня за колени. Я отскочил в сторону, поймал его за шею и по всем правилам классического искусства взял в замок. Он пинался, взрывая ногами грязь вокруг себя, но руки его были свободны настолько, что он колотил меня ими куда попало. Я усилил захват, поймал левой рукой запястье его правой, поднял правое бедро и на мгновение мы застыли так неподвижно. Мы были похожи на две подвешенные в туманном свете луны гротескные фигуры, топчущиеся на месте и тяжело дышащие от напряжения. Теперь я держал правое предплечье на его горле и давил на него всей силой обеих рук. Постепенно его ноги начали подгибаться, а дыхание стихать. Он был словно скован. Его левая нога безвольно опустилась на дорожку, колени ослабли. Я продержал его так несколько десятков секунд. Он уткнулся мне в грудь и стал очень тяжелым, так что я с трудом удерживал его. Потом отпустил и он растянулся у моих ног. Подойдя к машине, я вынул из потайного ящичка под приборной доской пару наручников, вывернул ему руки назад и защелкнул наручники. Затем взял его под мышки, поднял и прислонил к живой изгороди так, чтобы его не было видно с улицы, а сам сел за руль и отвел машину на несколько сот метров вверх по улице.

Когда я вернулся, мальчишка все еще был без сознания. Я открыл дверь, затащил его в холл и снова захлопнул дверь. Он начал дышать глубже. Я включил свет, он открыл глаза и заморгал, пытаюсь сосредоточить взгляд на мне.

Я склонился над ним, держась, однако, на безопасном расстоянии от его головы и колен, и сказал:

– Веди себя спокойно, не то получишь еще столько же, а то и больше. Просто лежи спокойно и сдерживай дыхание. Сдерживай так долго, как только сможешь, пока не почувствуешь, что лицо у тебя чернеет, а глаза вылезают из орбит, и что ты должен глотнуть воздуха именно сейчас, да только именно сейчас сидишь, привязанный к стулу в маленькой чистенькой газовой камере тюрьмы Сан-Квентин и борешься изо всех сил, чтобы не делать этого, потому что легкие тебе

наполняет не воздух, а цианистый водород. И это как раз то, что в нашем штате называется гуманной казнью преступника.

– Пошел ты... – со вздохом сказал он, мягким ослабленным голосом.

– Будь спокоен, парень, – посоветовал я. – Ты еще размякнешь. И расскажешь именно то, что мы хотим знать, мало того, не расскажешь ничего из того, что нас не интересует.

– Пошел ты...

– Повтори это еще раз, и я уложу тебя в более долгий сон.

У него задрожали губы. Я оставил его, лежащего на полу со скованными за спиной запястьями, со щекой, прижатой к ковру, со звериной ненавистью в сверкающих глазах. Включил еще одну лампу и зашел в коридор, расположенный позади салона. Спальня Гейгера производила впечатление нетронутой. Я нажал на ручку двери, ведущей в помещение напротив спальни. На этот раз она не была заперта на ключ. В комнате царил неясный полумрак, а воздух был насыщен запахом сандалового дерева. На небольшом латунном подносе на комодке стояло две миски с выгоревшим ладаном. Две высокие черные свечи, в полуметровых подсвечниках, стоявших на стульях с высокими спинками, светили тусклым светом.

Тело Гейгера лежало на кровати. Два сорванных куса китайского вышитого шелка были уложены в форме креста святого Андрея посередине тела и прикрывали окровавленную часть китайского халата. Далее покоились неподвижные, выпрямленные ноги в черной пижаме. На стопах все еще были китайские тапки на толстой войлочной подошве. Руки были скрещены на двух кусках китайского шелка, ладони безжизненно лежали на плечах, пальцы выпрямлены и плотно прижаты друг к другу. Губы сжаты, а усики а ля Чарли Чаплин выглядели гротескно, как будто приклеенные. Широкий нос был пронзительно бледен, глаза закрыты, но не полностью, из-под век на меня отбрасывал слабые блики, словно подмаргивая, стеклянный глаз.

Я не притронулся к нему, даже не подошел ближе. Я и так знал, что он холодный, как лед, и твердый, как доска.

Черные свечи мерцали на сквозняке, тянущем из открытой двери. Черные капли воска стекали на подсвечники. Воздух в комнате был тяжелый и ядовитый. Я вышел, закрыл за собой дверь и вернулся в салон. Парень даже не пошевелился. Я стоял тихо и прислушивался к

вою сирен. Все зависело от того, как быстро Агнесса начнет говорить и что скажет. Если она упомянет имя Гейгера, полиция появится тут в любую минуту. Но может она будет молчать много часов. Может, ей даже удалось убежать из квартиры Броуди.

Я снова посмотрел на юношу.

– Ты не хотел бы сесть, сынок?

Он закрыл глаза и сделал вид, что засыпает. Подойдя к столу, я вынул телефон цвета ягод шелковицы и набрал номер Берни Ольса. Он в шесть ушел домой. Я набрал его домашний номер. Он тотчас поднял трубку.

– Это Марлоу, – сказал я. – Нашли твои ребята сегодня утром у Оуэна Тэйлора револьвер?

Было слышно, как он откашлялся, и слышно было, что он старался овладеть своим голосом, чтобы не выдать удивления.

– Ответ на этот вопрос вы найдете завтра утром в газетах с полицейским отчетом.

– Если его нашли, то в нем были три пустых гильзы, правда?

– Откуда вы, черт возьми, знаете об этом? – спокойно спросил Ольс.

– Приезжайте на Лэйверн-террас, номер 7244. Я покажу вам, во что вошли пули.

– Так просто, да?

– Вот именно, – подтвердил я.

– Выгляньте в окно и вы увидите, как я выезжаю из-за угла, – сказал Ольс. – Надеюсь, что на этот раз вы действовали немного осторожнее, чем обычно, – добавил он.

– Осторожнее – возможно, не самое подходящее слово, – ответил я.

Глава 18

Ольс стоял рядом со мной и смотрел на парня, который сидел на тахте, прислоненный к стене. Ольс наблюдал за ним молча, а его бесцветные, встопорщенные брови округлились.

Парень бархатным голосом произнес свое любимое проклятие.

Ольс вздохнул и посмотрел на меня.

– Ему необязательно признаваться, – сказал я. – У меня есть его револьвер.

– О боже! – вздохнул Ольс. – Жаль, что я не получаю доллар всякий раз, когда кто-нибудь мне подобным образом сообщает о преступлении. Это немного странно, а?

– Не вижу в этом ничего странного.

– А я – да, – констатировал Ольс и отвернулся. – Я звонил Уайльду. Сейчас мы поедем туда и возьмем с собой этого ублюдка. Он может ехать со мной, а вы последуете за нами в качестве охраны, на случай, если бы он попытался треснуть меня по башке.

– Как вам нравится эта спальня рядом?

– Чрезвычайно, – сказал Ольс. – В определенном смысле я доволен, что этот щенок Тэйлор свалился с мола. Невелико было бы удовольствие послать его в газовую камеру за то, что он прикончил эту крысу.

Еще раз войдя в спальню, я задул черные свечи и, оставив их чадить, вышел и закрыл дверь. Когда я снова оказался в салоне, Ольс как раз ставил парня на ноги. Тот глядел на него сузившимися черными глазами, с застывшим бледным и холодным, словно кусок жира лицом.

– Идем, – сказал Ольс, беря его под руку так, словно брезговал им.

Я погасил лампы и вслед за ними вышел из дома. Мы расселись по машинам, и я поехал за Ольсом – два одинаковых сигнальных огня, плывущие вниз, к подножию длинного неровного холма. Я надеялся, что это моя последняя поездка по Лэйверн-террас.

Таггарт Уайльд, окружной прокурор, жил на углу Четвертой улицы и парка Лафайет в белом каменном доме, большом, как трамвайное депо, с красными кирпичными воротами, за которыми

тянулся хорошо ухоженный газон, площадью в несколько акров. Это был один из солидных, старомодных домов, оставшихся в более современном окружении разрастающегося города. Уайльд происходил из старой калифорнийской семьи, жившей в Лос-Анджелесе, вероятно, еще тогда, когда город был всего лишь обычным поселком.

Возле дома стояли два автомобиля: большой черный лимузин и полицейская машина, в которой сидел, развалясь, водитель в мундире и курил сигарету. Ольс подошел к нему, сказал что-то и водитель стал наблюдать за парнем, сидевшим в машине Ольса.

Мы подошли к дому и нажали кнопку звонка у двери. Нам открыл аккуратно подстриженный мужчина и повел через холл и большой темный салон в еще один холл. Он постучал в дверь, широко распахнул ее и придержал, давая нам возможность пройти. Мы оказались в украшенном витражами кабинете, огромное открытое окно которого выходило в темный в этот час сад, с таинственно маячившими очертаниями деревьев. В окно лился запах цветов и влажной земли. На стенах висели темные картины, писанные маслом, стеллажи гнулись от тяжести книг. Здесь стояло также несколько удобных кресел, а над всем этим витал запах хороших, дорогих сигар.

Таггард Уайльд сидел за столом. Полный мужчина среднего возраста со светло-голубыми глазами, производившими впечатление добродушных, хотя в принципе таковыми не были. Перед ним стояла чашка черного кофе, в левой руке он держал чистыми, холеными пальцами тонкую сигару.

Возле стола в голубом кожаном кресле сидел мужчина с резко обозначенными чертами лица и спокойными глазами, худой, как щепка и отталкивающий, как владелец ломбарда. Гладкая кожа на его лице выглядела так, как будто он только что побрился. На нем был безукоризненно отглаженный коричневый костюм, а галстук заколот булавкой с черной жемчужиной. У него были тонкие длинные пальцы интеллектуала. Он казался готовым принять любой вызов.

Ольс пододвинул к столу стул и сел на него.

– Добрый вечер, мистер Кронджейгер. Это Филип Марлоу, частный детектив. Он как раз влип в неплохую историю, – улыбнулся он.

Кронджейг посмотрел на меня, не поздоровавшись. Он бесцеремонно разглядывал меня, как будто смотрел на фотографию.

Наконец еле заметно кивнул.

– Садитесь, Марлоу, – сказал Уайльд. – Я попытаюсь вывести что-нибудь у капитана Кронджейгера, но вы ведь знаете, как это бывает.

Я сел и закурил. Ольс обратился к Кронджейгеру.

– Что вам стало известно об убийстве на Рэндолл-плэйс?

Кронджейгер согнул большой палец так, что что-то щелкнуло у него в суставе, и сказал, не поднимая глаз:

– Один труп, две пули. Два револьвера, из которых не стреляли. Внизу улицы блондинка, пытавшаяся уехать на машине, ей не принадлежавшей. Впрочем, ее собственная стояла рядом. Той же марки. Она вела себя очень истерично, поэтому мои люди арестовали ее. Во время допроса начала говорить. Она была в комнате, когда Броуди получил эти пули. Утверждает, что не видела убийцу.

– Это все? – спросил Ольс.

Кронджейгер приподнял брови.

– Это же случилось едва лишь час назад. Чего вы ожидаете? Фильма с заснятым убийством?

– Возможно, хотя бы силуэта убийцы, – заметил Ольс.

– Высокий молодой парень в кожаной куртке...

Если это можно назвать приметам.

– Он сидит в моей машине, – сказал Ольс. – На нем наручники. Марлоу уже уладил эту малочишку вместо вас. Вот его револьвер. – Ольс вынул из кармана оружие парнишки и положил на угол стола. Кронджейгер посмотрел на револьвер, не прикоснувшись к нему.

Уайльд кашлянул, принял более удобную позу в кресле и поднес к губам сигару. Потом он наклонился вперед, глотнул кофе из стоявшей перед ним чашки, вынул из внутреннего кармана сюртука шелковый платочек, вытер им губы и снова спрятал его в карман.

– С этим связаны еще два убийства, – сказал Ольс, пощипывая кожу на кончике подбородка.

Капитан Кронджейгер замер. Его глаза превратились в два стальных острия.

Ольс продолжал:

– Вы слышали о машине с мертвым парнем внутри, вытащенной из воды сегодня утром?

– Нет, – сказал Кронджейгер. Его лицо все еще имело то же отталкивающее свирепое выражение.

– Убитый был шофером в одной очень богатой семье, – пояснил Ольс. – Их шантажировали из-за делишек одной из дочерей. Прокурор Уайльд порекомендовал этой семье мистера Марлоу. Марлоу здорово рисковал во всем этом деле, мистер Кронджейгер.

– Преклоняюсь перед частными детективами, которые в делах такого рода здорово рискуют, – проворчал Кронджейгер. – Вам не следует представлять все это так чертовски скромно, Ольс.

– В самом деле? – спросил Ольс. – Я вовсе не собираюсь быть таким чертовски скромным. Не так уж часто мне представляется случай быть чертовски скромным перед лицом городской полиции. Вообще-то я трачу слишком много времени на то, чтобы направлять ваши шаги и чтобы ваши подчиненные случайно не поломали себе ноги!

У Кронджейгера побелели ноздри. Он дышал с присвистом, прекрасно слышимым в тихой комнате. Необычно тихо он сказал:

– Вам не следует учить моих людей, что они должны делать, умник.

– О! В этом мы еще убедимся, – ответил Ольс. – Шофер, о котором я говорил, и который затонул у Лидо, прошлой ночью застрелил человека. На вашей территории, капитан. Человека по имени Гейгер, владельца заведения с порнографической литературой, находящегося на одной из главных улиц Голливуда. Гейгер жил вместе с юношей, сидящем в моей машине. Это значит, жил с ним, чтобы уж вам все было ясно.

Кронджейгер серьезно взглянул на Ольса.

– Похоже, все это дело может разрастись в очень неприятный скандал, – сказал он.

– По собственному опыту знаю, что в неприятные скандалы разрастается большинство дел, которые ведет полиция, – проворчал Ольс и обратил в мою сторону свои встопорщенные брови. – Ваше время для сообщения, мистер Марлоу. Расскажите об этом.

Я рассказал.

Однако я упустил два момента, сам не знаю почему. Визит Кармен на квартиру Броуди и слепополуденный визит Эдди Марза в дом

Гейгера. Остальные события я изложил точно так, как они происходили.

Капитан Кронджейгер ни на минуту не спускал с меня взгляда. Но никакое чувство не изменило выражения его лица пока длился мой рассказ. Уайльд тоже молчал. Время от времени он выпускал дымок из своей сигары и подносил к губам чашку кофе. Ольс с интересом смотрел на свой большой палец.

Капитан Кронджейгер откинулся в кресле, закинул ногу на ногу и сжал нервные пальцы на колене. Его худое лицо искривилось в угрюмой гримасе. Он обратился ко мне убийственно вежливо:

– Так, значит, ваш героизм состоял в том, что вы не сообщили полиции об убийстве, случившемся ночью, а затем хранили молчание на протяжении следующего дня, что в результате привело к тому, что малыш Гейгера имел возможность совершить сегодня вечером очередное убийство?

– Так это выглядит, – признал я. – Я был в довольно затруднительном положении и, вероятно, о чем-то забыл, но приходилось думать о том, что прежде всего мне необходимо охранять свою клиентку, а кроме того, нельзя было предвидеть, что парень будет стрелять в Броуди.

– Это может предвидеть исключительно полиция, Марлоу, – иронически заметил Кронджейгер. – Если бы сразу узнали о смерти Гейгера, то книги из его квартиры никогда не оказались бы в квартире Броуди. Сопляк не пошел бы по следу и не застрелил бы его. Кстати, дни Броуди и так были уже сочтены. Так обычно бывает с людьми этого типа. Тем не менее жизнь есть жизнь.

– Согласен, – сказал я. – Но скажите это своим полицейским в следующий раз, когда они застрелят перепуганного мелкого воришку, убегающего по улице с украденной сберкнижечкой.

Уайльд резко ударил обеими руками по крышке стола.

– Хватит, – прервал он. – Почему вы, мистер Марлоу, так уверены, что Тэйлор застрелил Гейгера? Даже если оружие, из которого застрелен Гейгер, находилось в кармане Тэйлора или в его машине, нет уверенности, что именно он был убийцей. Револьвер мог подбросить, скажем Броуди, являвшимся фактическим убийцей.

– Физически такая ситуация возможна, но психологически абсолютно неправдоподобна, – возразил я. – Слишком много

случайных совпадений, для этого нет никаких оснований, если принять во внимание характер Броуди и его девушки или же планы, которые лелеял Броуди. Я разговаривал с ним очень долго. Он был мелким бандитом, но наверняка не убийцей. У него два револьвера, но ни одного из них он не носил с собой. Он искал способ вклиниться в дело Гейгера, о котором знал все благодаря своей девушке. И он рассказал мне, что долгое время следил за Гейгером, чтобы узнать, кто его прикрывает. В это я верю, но верить в то, что он застрелил Гейгера для того, чтобы заполучить его книжки, убежал с компрометирующим снимком, который Гейгер сделал с Кармен Стернвуд, а потом подбросил револьвер в машину Тэйлора и наконец столкнул эту машину в океан – это значит предполагать чертовски большое стечение случайных обстоятельств, слишком обширное, чтобы они могли быть истинными. У Тэйлора был мотив, – ревность, – и была возможность убить Гейгера. Без разрешения своих хозяев он взял принадлежащую им машину. Застрелил Гейгера на глазах у девушки, чего никогда не сделал бы Броуди, даже если бы действительно был убийцей. Не представляю себе, чтобы кто-либо, имеющий с Гейгером чисто торговые дела, мог сделать что-то подобное. Тэйлор, наоборот, – мог. Его заставил сделать это компрометирующий снимок Кармен Стернвуд.

Прокурор Уайльд кашлянул и посмотрел на капитана Кронджейгера долгим взглядом. Кронджейгер издал что-то наподобие фырканья. Уайльд спросил:

– Что это за дело с этим прятаньем трупа? Не вижу в этом никакого смысла.

– Вероятно, это сделал тот малый, – сказал я, – хотя он еще и не сказал ничего по этому поводу. Броуди не переступал порога дома Гейгера после того, как тот был застрелен. Парень, вероятно, вернулся в то время, когда я отвозил домой Кармен. Естественно, он боялся полиции, ведь он же гомосексуалист. И, наверное, считал удачной мысль спрятать труп до тех пор, пока не заберет все свои вещи. Как свидетельствовали следы на ковре, он выволок труп через главный вход и положил его в гараже. Затем упаковал все, что принадлежало ему и вынес это. И только позже, ночью, прежде чем труп окостенел, в парне заговорила совесть, что он не поступил так, как надлежит, по отношению к своему возлюбленному. Тогда он вернулся, затянул его

обратно в квартиру и уложил на кровать. Естественно, все это лишь мои предположения.

Прокурор Уайльд кивнул.

– Сегодня утром он отправился в магазин, как будто ничего не случилось, но наблюдал, что будет дальше. Когда Броуди велел отослать книжки, парень разузнал каково место их назначения. Тогда он пришел к выводу, что этот человек именно из-за книжек убил Гейгера. Возможно, ему было известно гораздо больше о Броуди и о его девушке, чем те ожидали. Как вам кажется, Ольс?

– Мы узнаем это, – ответил Ольс. – Но это все равно не поднимет настроения капитана Кронджейгера. Его угнетает тот факт, что все произошло прошлой ночью, а он узнал об этом только сейчас.

– Думаю, я найду способ справиться с этим, – кисло произнес капитан, бросил на меня быстрый взгляд и тотчас отвел глаза.

Прокурор Уайльд стряхнул пепел с сигары и сказал: – Ну ладно, покажите нам эти экспонаты, Марлоу.

Я опорожнил карманы и выложил на стол свой улов: три векселя, визитку Гейгера, предназначенную для генерала Стернвуда, снимки Кармен, голубой блокнот с зашифрованными фамилиями и адресами. Ключи Гейгера я еще раньше отдал Ольсу.

Прокурор Уайльд осмотрел это все, все время пыхкая сигарой. Ольс тоже прикурил одну из своих коротких сигар и сидел, спокойно пуская клубы дыма под самый потолок. Капитан Кронджейгер облокотился на стол, разглядывая то, что я разложил перед прокурором.

Уайльд постучал пальцем по трем, подписанным Кармен, векселям и сказал:

– Думаю, что это были только пробные шары. Если бы генерал Стернвуд выкупил векселя, это было бы доказательством того, что он опасается чего-то намного худшего. Вот тогда Гейгер и прикрутил бы гайки. Вы знаете, чего боится генерал Стернвуд? – посмотрел он на меня.

Я отрицательно покачал головой.

– Вы рассказали нам все, со всеми подробностями? – спросил прокурор. – Я опустил только несколько моментов, сугубо личных. И хотел бы и в дальнейшем сохранить их в тайне лично для себя.

– Посмотрим, – сказал Кронджейгер и прочувствованно откашлялся.

– Почему? – спокойно спросил прокурор.

– Потому что мой клиент имеет право на защиту перед лицом любой власти, вплоть до суда присяжных. У меня есть лицензия, разрешающая мне работать частным детективом. Мне кажется, определение «частный» имеет какое-то значение. У Голливудской полиции на расследовании два убийства, оба уже раскрыты. В обоих случаях известен убийца и мотив. В руках полиции находится также и орудие убийства. Но шантаж не должен выплыть наружу до тех пор, пока названия определенных организаций замешаны в этом деле.

– Почему? – снова спросил Уайльд.

– Ладно, – сухо сказал Кронджейгер. – Мы в восхищении, что можем почтить частного детектива за его геройские действия.

– Я хотел бы вам что-то показать, – сказал я. – Встал, вышел из дома и взял в машине книгу, отобранную у клиента Гейгера. Водитель в мундире стоял возле машины Ольса. Парень сидел внутри, удобно развалясь на сиденье.

– Он сказал что-нибудь? – спросил я.

– Послал меня кое-куда, – сказал полицейский, сплюнув. – Но я пропустил это мимо ушей. Пусть выговорится.

Я вернулся в дом, положил книжку на стол Уайльда, – развернул бумагу, в которую она была завернута, и раскрыл ее на титульном листе. Капитан звонил по телефону, стоявшему на другом конце стола. Когда я вошел, он положил трубку и сел.

Уайльд просмотрел книгу с каменным лицом, закрыл ее и подсунул капитану. Тот открыл ее, просмотрел две-три страницы и резко захлопнул. На щеках у него выступили большие красные пятна.

– Взгляните на штемпелек с датами на внутренней стороне обложки, – посоветовал я.

Капитан снова открыл книгу и неохотно спросил:

– Ну и что?

– Если будет необходимо, я засвидетельствую под присягой, что эта книга из магазина Гейгера. Блондинка по имени Агнесса тоже признается, какого рода делами занимался магазин. Для любого, у кого хоть немного соображает голова, ясно, что магазин был лишь предлогом, прикрытием для совершенно иного рода деятельности.

Голливудская полиция, позволяющая ему процветать, должна руководствоваться какими-то особыми соображениями. Осмелюсь предположить, что суд присяжных захочет прояснить эти соображения.

Прокурор усмехнулся.

– Суды присяжных действительно иногда ставят такие болезненные вопросы... – сказал он. – Пожалуй, в напрасном усилии понять, почему наши города именно таковы...

Капитан Кронджейгер вдруг вскочил и нахлобучил шляпу.

– Я тут один против троих, – проворчал он. – Я возглавляю Отдел убийств. То, что Гейгер занимался порнографической литературой, меня не касается. Но должен признать, что это дело выставит в плохом свете также и мой отдел, если газеты возьмутся перемывать косточки. Чего вы, собственно, господа, хотите?

Уайдалс посмотрел на Ольса, который спокойно произнес:

– Я хочу передать вам арестованного. Идемте.

Ольс встал. Капитан дико посмотрел на него и вышел из комнаты. Ольс направился вслед за ним. Когда дверь закрылась, прокурор забарабанил пальцами по крышке стола и направил на меня свой светлоголубой взгляд.

– Вы должны понять, что чувствует полицейский, когда вынужден затушевать нечто подобное. Возможно, вам придется дать показания...

Даже с занесением в полицейский протокол. Несмотря на это, я надеюсь, что мне удастся объяснить каждое из этих двух убийств отдельно друг от друга и не вмешивать в дело имени генерала Стернвуда. Вы знаете, почему именно я не оттащил вас за ухо?

– Нет. Я ожидал, что вы оборвете мне оба.

– Сколько вы зарабатываете на всем этом?

– Двадцать пять долларов в день и расходы.

– Или на сегодняшний день, это составило пятьдесят долларов и несколько центов за бензин?

– Что-то около этого.

Прокурор склонил голову на одно плечо и суставом мизинца потер подбородок.

– И за эту сумму вы готовы вызвать на себя гнев половины всех полицейских нашего штата?

– Я делаю это без особого удовольствия, – ответил я. – Но как, черт возьми, я могу поступить иначе? Я взял это дело. А продаю то,

что имею, чтобы зарабатывать на жизнь. По крайней мере, ту толику смелости и сообразительности, которой наградило меня провидение, и готов бороться до конца, не обращая внимания на последствия, чтобы защитить своего клиента. То, что я столько сказал сегодня вечером, не испросив позволения генерала, противоречит моим принципам. Если речь идет о затушевывании дел, то я сам был полицейским, как вам известно, господин прокурор. Это делается повсеместно в каждом большом городе. Полиция обычно очень принципиальна, если так называемый любитель стремится что-то затушевать, а сама делает это через день, чтобы удовлетворить своих друзей или кого-то, имеющего влияние. Я еще не уладил дело окончательно. Все еще веду его. И в дальнейшем тоже буду действовать так, как действовал, естественно, если это будет необходимо.

– Пока капитан Кронджейгер не лишил вас лицензии, – буркнул прокурор. – Вы сказали, что несколько деталей дела, носящих личных характер, сохраните в тайне. Они очень важны?

– Я все еще не закончил своей миссии, – сказал я и посмотрел ему прямо в глаза.

Прокурор Уайльд улыбнулся открытой улыбкой ирландца.

– Я хотел бы кое-что сказать тебе, мой мальчик. Мой отец и генерал Стернвуд были большими друзьями. Я сделал все, что позволяет мне положение, а может быть и больше, чтобы оградить старика от лишних неприятностей. Но рассчитывать на это в будущем невозможно. Две его дочери рано или поздно вляпаются во что-нибудь такое, чего нельзя будет скрыть, особенно эта сладенькая белокурая девица. Их никуда нельзя пускать без надзора. По-моему старик сам виноват во всем этом. Мне кажется, он понятия не имеет, что представляет собой нынешний мир. Есть еще одна вещь, которую я хотел бы с вами обсудить, пользуясь случаем, что мы здесь один на один и можем не соблюдать официальности. Ставлю доллар против канадского цента, генерал опасается, что его зять, бывший контрабандист, каким-то образом замешан во всем этом и, нанимая вас, надеялся получить подтверждение, что это не так. Как вы полагаете?

– То, что я слышал о Ригане, не позволяет думать о нем, как о шантажисте. Ведь у него было теплое гнездышко у Стернвудов, а он, несмотря на это, ушел.

– Насколько теплым было это гнездышко, ни вы, ни я не знаем, – сказал прокурор. – Он принадлежит к тому типу мужчин, которые не любят излишнее тепло. Генерал говорил вам, что разыскивает Ригана?

– Он мне сказал, что хотел бы знать, где Риган и как его дела. Он был очень привязан к нему. Его огорчило то, как он ушел, не сказав ему даже «до свидания».

Прокурор поглубже уселся в кресле и сморщил лоб.

– Вот как, – изменившимся голосом сказал он и протянул руку к предметам, лежавшим на столе, отложил голубой блокнот Гейгера, а остальные вещественные доказательства придвинул ко мне.

– Все эти вещи можете взять назад, – сказал он. – Они меня не интересуют.

Глава 19

Было уже почти одиннадцать, когда я поставил свою машину в гараж и подошел к «Хобарт Армс». Дверь закрывали в десять, поэтому мне пришлось воспользоваться своим ключом. Внутри, в пустом квадратном холле, находился какой-то мужчина, который при виде меня сунул зеленую вечернюю газету за кадку с пальмой, а окурков в кадку. Потом встал, помахал мне шляпой и сказал:

– Шеф хочет с тобой поговорить. Так что оставь своих друзей снаружи, старик.

Я спокойно стоял и смотрел на его приплюснутый нос и похожее на бифштекс ухо.

– Что ему надо?

– Тебе-то что? Держи свой нос подальше от его дел, и тогда все будет о'кей. – Рука его все время вертелась возле внутреннего кармана расстегнутого плаща.

– От меня воняет полицией, – сказал я. – Я слишком устал, чтобы говорить, чтобы есть и чтобы думать. Но если ты считаешь, что я могу идти и слушать приказы Эдди Марза, то постарайся вытащить свою пушку, прежде чем я отстрелю тебе второе ухо.

– Ерунда. У тебя нет револьвера. – Он посмотрел мне прямо в глаза. Его черные косматые брови сошлись на переносице, уголки губ опустились вниз.

– Вчера, дорогой мой Лэнни, вчера. Я не всегда бегаю без оружия. Он замахал левой рукой.

– Ладно, твоя взяла. Мне никто не приказывал стрелять в кого-либо. Ты сам все услышишь от него.

– Чем позже, тем лучше, – сказал я и повернулся, когда этот тип прошел мимо, направляясь к выходу. Он открыл дверь и вышел, не оглянувшись. Я улыбнулся собственной глупости, подошел к лифту и поднялся наверх, в свою квартиру. Достал из кармана револьвер Кармен и усмехнулся ему. Потом старательно почистил его, смазал и, завернув в кусок фланели, запер на ключ в одном из ящичков стола. Сделал себе стакан коктейля и как раз когда пил его, когда зазвонил телефон.

Я сел возле столика, на котором стоял телефон.

– Значит, вы сегодня такой острый, да? – послышался голос Эдди Марза. – Твердый, быстрый, острый и бодаю каждого, кто ко мне приблизится.

Чем могу служить?

– Там полиция, вы знаете где. Вы не впутали меня в это дело, а?

– А почему я не должен был бы это сделать?

– Я добр к тем, кто добр ко мне, приятель. И очень недобр к тем, кто недобр со мной.

– Прислушайтесь хорошенько, и вы услышите, как стучат мои зубы.

Он сухо рассмеялся.

– Так как: впутали или нет?

– Нет. Но чтоб меня черти взяли, если я знаю, почему. Наверное, потому, что дело довольно запутанное и без вашего участия.

– Благодарю. Кто его застрелил?

– Вы прочитаете это завтра утром в газетах... Возможно.

– Мне надо узнать это сейчас.

– А вы всегда получаете то, что вам надо?

– Нет. Так это можно считать ответом, приятель?

– Его застрелил человек, о котором вы никогда не слышали.

Удовлетворитесь этим.

– Если это так, то, возможно, и я когда-нибудь смогу оказать вам услугу.

– В таком случае положите трубку и позвольте мне отправиться в кровать.

Он снова засмеялся.

– Вы ищете Расти Ригана, верно?

– Похоже, так думают многие, но это неправда.

– Если бы вы его искали, я мог бы подсказать вам кое-что. Забегите когда-нибудь ко мне. Все равно когда. Мне будет приятно встретиться с вами.

– Возможно и забегу.

– Так значит до этого «возможно». – В трубке что-то щелкнуло.

Я сидел и держал трубку возле уха, злой и усталый. Потом набрал номер Стернвудов и некоторое время слушал длинные гудки, пока, наконец, не послышался учтивый голос лакея:

– Квартира генерала Стернвуда.

– Говорит Марлоу. Вы меня помните? Мы познакомились сто лет назад или, может, это было вчера?

– Да, мистер Марлоу. Конечно, я помню вас.

– Миссис Риган дома?

– Думаю, да. Может вы хотели бы...

Я прервал его. Потому что вдруг передумал.

– Нет. Не хотел. Просто передайте ей, что снимки у меня. Все до одного. И что все в порядке.

– Да...

Да... – Мне казалось, что голос его слегка дрожит. – Снимки у вас...

Все снимки...

И все в порядке... Да, сэр... Если позволите, примите мою сердечную благодарность.

Через пять минут снова раздался телефонный звонок. Я допил коктейль и почувствовал, что неплохо бы пообедать, о чем до этого как-то совсем забыл. Я вышел, оставив телефон звонить, сколько ему вздумается. Когда я вернулся, он снова звонил. С перерывами он названивал так до полпервого. Погасив свет, я открыл окно, завернул телефон в газету и лег спать. Семья Стернвудов уже стояла у меня поперек горла.

На следующее утро сидя за завтраком, состоявшим из порции бэкона с яичницей, я просмотрел все утренние газеты. События в их изложении были настолько близки к истине, насколько обычно бывают в газетных сообщениях, или так же, как например Марс близок к Сатурну. Ни одно из них не связывало Оуэна Тэйлора, шофера, свалившегося с рыбацкого мола в Лидо, с убийством в экзотической вилле в Лорел-каньон. Ни в одном из них не было никаких упоминаний о семье Стернвудов, Ольсе и обо мне. Капитан Кронджейгер, шеф уголовного отдела голливудского округа, пожинал лавры за раскрытие обоих убийств. А произошли они, вероятно, на почве сведения личных счетов, связанных с темным делом, которым занимался некий Гейгер, пользуясь как прикрытием книжным магазином на Голливудском бульваре. Броуди застрелил Гейгера, а Кароль Ландгрэн из мести застрелил Броуди. Полиция арестовала Ландгрэна, признавшего свою вину. У него была очень плохая

характеристика, некоторые грешки тянулись за ним еще со школьных лет. Полиция задержала также в качестве главного свидетеля Агнессу Лозелль, секретаршу Гейгера.

Это была хорошая журналистская работа. Создавалось впечатление, что Гейгер был застрелен вчера ночью, Броуди часом позже, а капитан Кронджейгер раскрыл оба убийства между двумя затяжками сигаретой. О самоубийстве Тэйлора сообщалось на первой полосе, посвященной мелким происшествиям. Там была помещена фотография машины с зачерненным номерным знаком, стоявшей на палубе баржи. Газеты утверждали, что Оуэн Тэйлор был болезненным парнем, а в последнее время находился в очень угнетенном состоянии. Его родители жили в Дубьюке, туда и отослали тело. Власти не возбудили следствия по этому делу.

Глава 20

Капитан Грегори, шеф отдела по розыску пропавших без вести, положил мою визитку на широкий стол и выровнял ее края параллельно его краям. Некоторое время он смотрел на нее, склонив голову на плечо, наконец откашлялся и, повернувшись на вращающемся кресле загляделся в окно на плоскую крышу здания суда, на расстоянии примерно в полквартиры. Это был могучий мужчина с усталыми глазами и неторопливыми движениями ночного сторожа. Голос его звучал бесцветно и равнодушно.

– Итак, частный детектив, – сказал он, по-прежнему глядя не на меня, а в окно. Струйки дыма поднимались из небрежно поддерживаемой уголками губ почерневшей вересковой трубки.

– Чем могу служить?

– Я работаю на генерала Гая Стернвуда, 3765 Альта Бри Кресцент, Вест-Голливуд.

Капитан Грегори выпустил из уголков губ облачко дыма, не открывая при этом рта.

– А в чем это выражается?

– Не в том, чем занимаетесь и вы, но, все же думаю, вы сможете мне помочь чем-нибудь.

– И чем же?

– Генерал Стернвуд богатый человек, – сказал я. – Он старый друг отца прокурора нашего округа. Если он нанимает себе на целый день посыльного, то не для того, чтобы оскорблять полицию. Это просто роскошь, которую он может спокойно себе позволить.

– Откуда вы взяли, что я занимаюсь чем-то, связанным с генералом Стернвудом?

Я ответил на этот вопрос молчанием. Капитан Грегори медленно и тяжело повернулся на своем кресле и поставил огромные стопы на линолеум, покрывающий пол кабинета. В атмосфере кабинета чувствовался затхлый привкус многолетней рутины. Грегори остановил на мне невыразительный взгляд.

– Не хотелось бы отнимать у вас время, капитан, – сказал я и сантиметров на десять отодвинулся вместе со стулом, на котором

сидел.

Он не шевельнулся. Просто смотрел на меня лишенными выражения, усталыми глазами.

– Вы знаете окружного прокурора?

– Да. Когда-то я работал на него. Очень хорошо знаю также его главного помощника Берни Ольса.

Грегори поднял трубку и пробормотал в нее:

– Дайте мне Ольса из окружной прокуратуры. – Он держал руку на телефоне и ждал. Прошло несколько минут. Дымок поднимался от его трубки. Глаза жестко и неподвижно смотрели прямо перед собой. Телефон зазвонил. Грегори протянул руку за моей визиткой... – Ольс? Эдд Грегори из центрального бюро комиссариата. У меня в бюро некий Филип Марлоу. В его визитке написано, что он частный сыщик. Хочет получить от меня некоторую информацию... Да? А как он выглядит?... Благодарю.

Кончив говорить, он вынул изо рта трубку и толстым карандашом умял в ней табак. Он сделал это серьезно и так торжественно, как будто это было самым важным делом, какое ему предстояло сделать. Потом откинулся в кресле и еще с минуту смотрел на меня.

– Что вы хотите узнать?

– Всего лишь, продвинулось ли дело вперед.

Он подумал, потом спросил:

– Речь идет о Ригане?

– Да.

– Вы его знаете?

– Я никогда его не видел. Только слышал, что это рослый ирландец, ему тридцать с лишним, что когда-то он занимался контрабандой спиртного и что женился на старшей дочери генерала Стернвуда, но это было не очень счастливое супружество. Меня проинформировали также, что он исчез около месяца назад.

– Пусть лучше Стернвуд благодарит за это судьбу, вместо того, чтобы нанимать частные таланты для поисков иголки в стогу сена.

– Генерал очень симпатизирует Ригану. Такое случается в этом мире. Старик калека и, очевидно, чувствует себя очень одиноко. Риган часто составлял ему компанию.

– А как вы думаете, вы можете сделать что-нибудь больше, чем мы?

– Немного, а точнее ничего, если речь идет об отыскании Ригана. Но есть еще одно дело: таинственный шантаж. Я должен быть уверен, что Риган не принимает в нем участия. Это было бы легче, если бы я знал, где он или где его нет.

– Дорогой мой, я охотно помог бы вам, но сам ничего не знаю. Этот человек затер за собой все следы... Так-то.

– Возможно ли это, принимая во внимание совершенство организации, которую вы представляете? – спросил я.

– Да...

И все же это возможно...

По крайней мере на определенное время. Он нажал на кнопку звонка на столе. В боковой двери показалась голова женщины среднего возраста. – Принесите мне дело Ригана.

Дверь закрылась. Мы с капитаном Грегори смотрели друг на друга в полном молчании. Наконец дверь снова открылась и женщина положила на стол зеленую папку. Грегори кивком головы поблагодарил ее, насадил на нос очки в толстой оправе и медленно перелистал документы, находящиеся в папке. Я разминал в пальцах сигарету.

– Он исчез шестнадцатого сентября, – сказал Грегори. – Единственным важным обстоятельством является то, что в тот день у шофера Стернвудов был выходной и никто не заметил Ригана, когда он выезжал на своей машине из гаража. Во всяком случае это было ближе к вечеру. Мы нашли машину через четыре дня в гаражах, на территории, относящейся к аристократическим виллам неподалеку от Сансет-Тауэрс. Владелец гаража сообщил в отдел, расследующий хищения автомобилей, что у него стоит машина, не принадлежащая ни одному из жильцов вилл. Это место называется Каса де Оро. С ним связано одно интересное обстоятельство, о котором я пока что не могу вам рассказать. Мы никак не могли узнать, кто оставил эту машину. Искали отпечатки пальцев, но ничего не нашли. Ничто не указывало на то, что машину использовали для какой-то левой работы, хотя это можно подозревать. Впрочем, дело с этой машиной связано еще кое с чем, о чем я вам сейчас скажу.

– Думаю, это связано с женой Эдди Марза, которая также фигурирует в списках исчезнувших, – сказал я.

Он удивленно посмотрел на меня.

– Ну да. Мы поговорили с жителями вилл и установили, что она жила там. Исчезла она примерно в то же время, что и Риган, но любая идентификация была невозможна. В нашей профессии иногда выпадает такое невероятное счастье, когда какая-нибудь старушка, выглядывающая в окно, увидит пробегающего человека и узнает его потом даже через шесть месяцев. Однако работники отелей никого не могут распознать, даже если им подсунуть отличный снимок.

– Честно говоря именно это и требуется от надежного отельного работника, – сказал я.

– Конечно... Эдди Марз и его жена жили отдельно, но поддерживали дружеские отношения, по крайней мере так утверждает Эдди. Тут может быть несколько вариантов. Риган всегда имел при себе пятнадцать тысяч долларов наличными. Не фальшивку и не «куклу». Это куча денег, но Ригану, видимо, нравилось носить их с собой и время от времени вытаскивать из кармана и просматривать независимо от того, видит это кто-нибудь или нет. Хотя деньги не имели для него особого значения. Его жена утверждает, что он не взял у старика Стернвуда ни цента, удовлетворившись жильем и пропитанием, а также «паккардом», который она ему когда-то подарила. Как по-вашему, похоже это на бывшего контрабандиста, удачно женившегося на богатой женщине?

– Мне это непонятно, – признался я.

– Итак, речь идет о человеке, исчезнувшем с пятнадцатью тысячами долларов, о которых знают все. Что ж, это все-таки порядочные деньги... Поверьте мне, Марлоу, что я был бы счастлив, имея в кармане пятнадцать тысяч долларов. Ведь у меня двое парней, которые учатся. Единственно напрашивается мысль: кто-то хотел обобрать его, но зашел слишком далеко, так что в результате ему пришлось прихлопнуть его, затащить в пустыню и зарыть где-нибудь под кактусом. Но это не кажется мне таким простым. У Ригана было оружие, и он умел с ним обращаться. Кроме того, у него был достаточный опыт в таких делах и не только со времен контрабандистских. Я слышал, что в 1922 году он командовал целой бригадой во время беспорядков в Ирландии. Такой парень не может быть легкой добычей какого-нибудь бандита. То, что его машина стояла в гараже, свидетельствует о том, что тот, кто его застрелил, знал о его романе с женой Эдди Марза.

– У вас есть какое-нибудь фото? – спросил я.

– Его – да, ее – нет. Это довольно странно. Впрочем в этом деле много странных обстоятельств. Пожалуйста – он пододвинул мне через стол глянцевую фотографию. На ней было изображено типичное ирландское лицо, скорее грустное, чем веселое, скорее сосредоточенное, чем дерзкое. Не лицо забияки, но и не того, кто даст себя в обиду. Прямые темные брови, выделяющиеся надбровные дуги, широкий лоб, густые прилизанные волосы, узкий короткий нос и широкий рот. Подбородок четко очерчен, хотя это впечатление смягчалось шириной рта. Это было слегка напряженное лицо человека, быстро принимающего решения и умеющего рисковать. Я вернул снимок. Теперь я знал, что узнаю это лицо, если когда-нибудь увижу его. Капитан Грегори выколотил трубку, снова набил ее табаком и примял его большим пальцем. Потом прикурил, выпустил облако дыма и заговорил:

– Естественно, могли быть люди, знающие, что он был симпатией жены Марза. Эдди мог не знать об этом, но, – что удивительно, – он как раз знал. Впрочем, его это мало трогало. Мы довольно обстоятельно наблюдали за ним в то время. Нет, Эдди не застрелил Ригана из ревности. Если бы это было так, то все обстоятельства слишком явно свидетельствовали бы против него.

– Это зависит от того, насколько он ловок, – сказал я. – Возможно, он ведет двойную игру.

Капитан Грегори возразил движением головы.

– Если он настолько ловок, чтобы содержать этот свой игорный дом, то он и слишком ловок для чего-нибудь такого. Понимаю, что вы имеете в виду. Речь о том, что он мог бы сделать что-нибудь глупое, зная, что никто от него этого не ожидает. Полиция смотрит на это иначе. Мы в то время буквально наступали ему на пятки, так что это даже создавало ему помехи в его делах. Но до сего времени Эдди совершенно чист. Ревность – это не мотив для такого человека, как он. У людей, занимающихся тем, чем занимается Эдди, ум, прекрасно приспособленный к торговле и делам. Они делают то, что выгодно для них, исключая свои собственные чувства. Нет, я решительно исключаю это. Если я ошибаюсь и если вы мне это докажете, то я готов проглотить собственный палец.

– А что вы не исключаете?

– Жены Марза и самого Ригана. Она была блондинка, но не обязательно должна была оставаться ею. Ее машину так и не нашли, значит есть вероятность, что они сбежали вместе. У них была большая фора в сравнении с нами, около четырнадцати дней. Если бы не машина, мы, наверное, вообще не открыли бы дело. Ну что ж, мы, в моем отделе привычны к этому, особенно если речь идет о так называемых «порядочных семьях». И, естественно, все наши действия должны сохраняться в полной тайне. – Он откинулся в кресле и глухо стукнул тяжелой рукой, сжатой в кулак по подлокотнику кресла. – Я не вижу никакой другой возможности, кроме одной – ждать. Мы разослали публикации о розыске, но пока еще слишком рано ожидать каких-нибудь результатов. У Ригана было пятнадцать тысяч, о которых мы знаем. У женщины тоже должно было что-то быть при себе, может быть порядочная сумма в виде драгоценностей. Но однажды они все же растренькают деньги. Тогда Риган сыграет в карты, выставит чек или напишет письмо. Вероятно, они живут под чужими именами, в чужом городе, но живут на том уровне, что и раньше. И поэтому им придется вернуться к прежнему образу жизни.

– Чем занималась девушка, прежде чем вышла замуж за Эдди Марза?

– Пела в кабаре.

– Вы могли бы раздобыть какие-нибудь ее старые рекламные снимки?

– Нет. У Эдди, наверное, есть парочка, но он не признается в этом. Он хочет, чтобы ее оставили в покое. Я не могу его ни к чему принудить. У него есть близкие друзья в городе, иначе он не смог бы делать то, что делает. Все эти примудрости могут вам на что-нибудь пригодиться? – спросил Грегори.

– Вы не найдете ни его, ни ее, – сказал я. – Океан слишком близко.

– То, что я сказал о своем пальце, все еще в силе. Мы найдем его, хотя на это может потребоваться время. Год или два...

– Не знаю, проживет ли еще генерал Стернвуд так долго, – сказал я.

– Мы сделали все, что только могли. Если бы он назначил вознаграждение, или же вложил бы в это дело немного денег, мы смогли бы продвинуться вперед. Городские власти не выделяют мне столько денег, сколько это могло бы стоить. – Капитан направил на

меня взгляд своих больших глаз и сдвинул встопорщенные брови. – Вы в самом деле думаете, что Эдди ликвидировал их обоих?

– Да откуда! – с улыбкой ответил я. – Это была просто шутка. Я, собственно, думаю так же, как и вы, капитан. Риган просто убежал с женщиной, значившей для него много больше, чем другая богатая женщина, с которой ему было плохо. Кстати, пока что она еще вовсе не так богата.

– Это значит, вы ее знаете, да?

– Да. Пока что она ведет разгульный образ жизни, но я думаю, когда это ее утомит, она остепенится.

Он откашлялся в ответ, я поблагодарил его за время, которое он потратил на меня, и за информацию и вышел. Когда я отъезжал от здания полицейского управления, за мной поехал серый «плимут». Я позволил ему на боковой улице приблизиться ко мне. Но он не воспользовался случаем, так что я оторвался от него и поехал по своим делам.

Глава 21

Я старался держаться подальше от семьи Стернвудов. Вошел в свою контору, сел во вращающееся кресло за столом и задумался. Порывистый ветер врывается в окно, заноса с собой сажу от газовых горелок из кухни соседнего отеля. Мне подумалось, что надо было бы выйти и подкрепиться чем-нибудь, что жизнь, собственно, довольно бесцветна, что можно было бы выпить коктейль, но это скорее всего ничему не прибавит красок, тем более, что употребление коктейлей в одиночестве и в эту пору наверняка не доставит мне удовольствия. Пока я так размышлял, позвонил Норрис. Со свойственной ему необыкновенной учтивостью он сказал, что генерал чувствует себя плохо после того, что прочитали ему из газет, и считает, что моя работа подошла к концу.

– Конечно, если речь идет о Гейгере, – сказал я. – Кроме того, вам, очевидно, известно, что его застрелил не я.

– Генерал вовсе так не думает, мистер Марлоу.

– Знает ли генерал что-нибудь о снимках, о которых так беспокоилась миссис Риган?

– Нет, сэр, наверняка нет.

– Вам известно, что вручил мне генерал?

– Да, мистер. Три векселя и одно письмо.

– Верно. Я верну это. Что же касается фотографий, то будет лучше, если я их просто уничтожу.

– Конечно, сэр. Миссис Риган много раз пыталась дозвониться до вас вчера вечером...

– Меня не было. Я уходил, чтобы напиться.

– Да, мистер. Я уверен, что это было необходимо. Генерал поручил мне переслать вам чек на пятьсот долларов. Это вас удовлетворяет?

– О, это более чем щедро, – ответил я.

– Думаю, дело можно считать закрытым?

– Полностью. И так крепко, как подвал с часовой миной внутри.

– Весьма благодарен, сэр. Поверьте, мы вам очень обязаны. Если генерал почувствует себя лучше...

То, может, завтра утром...

Ему будет действительно приятно, если он сможет лично поблагодарить вас.

– Отлично, – произнес я. – Конечно, я приду. И не откажусь от брэнди с шампанским.

– Я позабочусь о том, чтобы оно было как следует охлаждено, – пообещал старый лакей, и в его голосе проскользнуло что-то вроде удовлетворения.

Итак, дело было улажено. Мы сказали друг другу до свидания и одновременно положили трубки. Сквозь открытое окно доносился аромат кофе из ближайшего бара, но у меня сейчас пропал аппетит. Я достал из стола бутылку, угостил сам себя и предался чувству опустошенности.

Надо было подитожить все дело. Расти Риган оставил кучу денег и красивую жену, чтобы отправиться в неведомое с блондинкой сомнительного поведения, которая к тому же, была женой ни более, ни менее такого авантюриста, как Эдди Марз. Риган исчез, не оставив следов и на это могло быть много причин. Генерал был слишком горд или слишком осторожен, чтобы во время первого же моего визита сказать мне, что Розыскной отдел полиции штата уже занимается этим делом. Розыскной отдел забрел в тупик и явно считал, что не стоит всем этим делом морочить себе голову; Риган сделал то, что сделал, и это было абсолютнейшим образом его личным делом. Я считал, как и капитан Грегори, что Эдди Марз наверняка не решился бы в двойное убийство только из-за того, что кто-то увел у него из-под носа светловолосую Венеру, с которой он к тому же не жил. Может, это его даже немного расстроило, но бизнес есть бизнес, а кроме того, у того, кто живет в районе Голливуд, голова и так здорово забита, чтобы еще переживать из-за блондинки, сошедшей с пути истинного. Конечно, если бы этот побег был связан с большой суммой денег, все выглядело бы иначе. Но для Эдди Марза пятнадцать тысяч – это не большая сумма. Он не был мелким вымогателем, вроде Броуди.

Гейгер мертв и теперь Кармен придется подыскать себе какого-нибудь другого фата, который доставлял бы ей экзотические удовольствия и наркотики и напивался вместе с ней. Не думаю, чтобы у нее были с этим чересчур большие трудности. Она может просто остановиться на несколько минут на углу любой улицы, состроив при

этом ту свою невинную гримаску. Я надеялся, что следующий шантажист обойдется с ней мягче, что он скорее удовлетворится более мелкими суммами, получаемыми длительное время, чем пойдет на риск одноразового, крупного шантажа.

Миссис Риган знала Эдди Марза очень хорошо и без всяких проблем могла занять у него деньги. Это было совершенно естественно, если она так часто играла в рулетку и так часто проигрывала. Каждый владелец игорного клуба всегда займет деньги своему хорошему клиенту, если тот окажется в нужде. Кроме того, Эдди Марз и миссис Риган объединяло еще одно дело: исчезнувший Риган. Он был ее мужем, женщина, с которой он бежал, была его женой. Кароль Ландгрэн, молоденький убийца с ограниченным словарным запасом, на длительное время был безопасен, даже если в результате судебного приговора не попадет в газовую камеру. Впрочем, он мог бы избежать этого лишь в том случае, если бы подал просьбу о помиловании – ибо у него не хватит средств на хорошего адвоката. Агнесса Лозелль находилась в данное время за решеткой, тщательно охраняемая как главный свидетель обвинения. Если Кароль Ландгрэн подаст просьбу о помиловании или признает свою вину, Агнесса Лозелль уже будет не нужна. Суд и власти не станут заниматься магазином Гейгера, а кроме этого дела ее не в чем больше обвинить. Размышляя таким образом, я оказался в тупике. Я утаил одно убийство и не сообщил властям в течении двадцати четырех часов о том, что случилось. К счастью у меня пока еще не отобрали лицензию частного детектива, а в моем кармане покоился чек на пятьсот долларов. Самым правильным сейчас будет, если я выпью еще один стаканчик, чтобы вымести из своей головы весь этот мусор.

Вместо этого я сделал нечто другое. Позвонил Эдди Марзу и сообщил ему, что вечером прибуду в Лас-Олиндес, чтобы поговорить с ним. Вот что представлял собой мой здравый смысл.

Около девяти часов я поехал в Лас-Олиндес. Октябрьская луна стояла высоко в мглистом небе. Клуб находился на окраине города, в неоднородном по стилю сельском дворике, некогда летней резиденции человека по имени де Казенс. Потом здесь располагался отель. Сейчас это было темное, огромное, некрасивое здание, окруженное кипарисами, обязанное им своим названием. Дом имел большие балконы с кариатидами, порталы, тут и там располагались башенки,

окна были застеклены витражами с резьбой по стеклу, за задним флигелем виднелись большие пустые конюшни, а в целом от всего этого веяло ностальгической атмосферой разложения.

Эдди Марз оставил внешний вид дома без изменений. Я припарковал машину на улице под мигающим фонарем на столбе и по влажной гравийной дорожке направился к главному входу. Портье в густо обшитом серебром сюртуке впустил меня в большой пустой, слабо освещенный зал, откуда величественная дубовая лестница вела вверх на первый этаж. Я отдал портье шляпу и плащ и стал ждать, прислушиваясь к музыке и гомону голосов, доносящихся из-за толстой двойной двери. Казалось, они долетают откуда-то с очень далекого расстояния, почти из другого мира. По лестнице как раз спускался блондин, который был с Эдди Марзом и экс-боксером в квартире Гейгера. Он бледно улыбнулся и провел меня через устланный ковром холл в кабинет шефа.

Я вошел в большую квадратную комнату с окном, расположенным в глубокой нише и огромным каменным камином, в котором лениво пылали ветви можжевельника. Стены были покрыты панелями из древесины греческого ореха. В воздухе ощущался холодный запах моря.

Матовый стол Эдди Марза совершенно не соответствовал внутреннему виду этого помещения, как впрочем, не соответствовали ему и любые другие вещи, происходившие из нашего столетия. На полу лежал светлокориичневый ковер, в углу стоял радиоприемник в ящике, а на нем самовар и стоявший на медном подносе чайный сервиз из китайского фарфора. Я попытался определить, для чего это может предназначаться. В другом конце кабинета находилась дверь, снабженная замком с часовым механизмом, какие применяются в несгораемых шкафах, на нем был заметен диск с цифрами и буквами.

Эдди искренне улыбнулся мне, приветствовал пожатием руки и указал на закрытую дверь.

– Если кто-нибудь захочет меня ограбить, это будет не так просто, -оживленно пояснил он. – Местная полиция заглядывает сюда ко мне каждое утро, когда я открываю ее. Такой у нас с ними уговор.

– Вы упоминали, что у вас имеется кое-что для меня, – сказал я. – Что это такое?

– Зачем вы так спешите? Садитесь и выпейте чего-нибудь.

– Вообще-то я вовсе не спешу, – заметил я. – Но у нас, наверное, нет другой темы для разговора, кроме деловой.

– Уверен, вам это понравится, – заявил Эдди. Он наполнил два бокала и поставил один рядом с красным кожаным креслом, а сам остался за столом, скрестив ноги и засунув руку в боковой карман голубого смокинга. В вечернем костюме он выглядел немного грубее, чем в костюме из серой фланели, но все еще был похож на заядлого любителя верховой езды. Мы выпили и понимающе кивнули друг другу.

– Вы были уже здесь когда-нибудь? – спросил Марз.

– Во времена сухого закона. Я не так уж сильно увлекаюсь азартными играми.

– Если нет денег.. – улыбнулся он. – Вы должны заглянуть сегодня в игорный зал. Там присутствует ваша знакомая. Играет очень высоко. Я слышал, что ей сопутствует счастье. Это Вивиан Риган.

Я поставил бокал и угостился сигарой с монограммой Эдди.

– Честно говоря, мне очень понравилось ваше вчерашнее поведение, – сказал Эдди. – Сначала я был взбешен, но позже понял побуждения, которыми вы руководствовались. Чувствую, что мы прекрасно поладили бы – вы и я. Сколько я вам должен?

– За что?

– Вы все еще так осторожны? Небольшая утечка информации из центрального комиссариата. Иначе нельзя было бы вести дело. Я получаю все новости из первых рук, еще теплыми, и абсолютно не в том виде, в каком они позже появляются в газетах, – он продемонстрировал мне большие белые зубы. – Да? А что вы узнали? – спросил я.

– Вы не хотите денег?

– Я понял так, что у вас есть для меня какая-то информация.

– Информация? Касательно чего?

– У вас очень короткая память. Речь идет о Ригане.

– Ах да, – махнул он рукой и его ногти блеснули в тусклом свете прикрытой абажуром лампы, бросавшей неяркий круг света на потолок. – Я слышал, что вы уже получили эту информацию. А с меня причитается. Я привык платить за хорошее отношение к себе.

– Я приехал сюда не за деньгами. За свою работу я получаю. С вашей точки зрения не так уж много, но мне хватает. И у меня есть

правило: никогда не работать на двух клиентов одновременно. Ригана прихлопнули, случайно, не вы?

– Нет. А вы думали – я?

– Вы вполне способны на это.

Он засмеялся.

– Шутите?

Я тоже засмеялся.

– Конечно. Ригана я ни разу не видел, но его фотографию – да. Вашим людям он не по зубам. Кстати, раз уж мы заговорили о ваших людях, не посылайте ко мне своих балбесов с револьверами. А то я могу разозлиться и отправить кого-нибудь из них на тот свет.

Эдди Марз посмотрел на огонь камина сквозь стекло бокала, поставил его на край стола и вытер губы тонким батистовым платком.

– Говорите-то вы красиво. Но не слишком ли много берете на себя? Риган в самом деле вас ничуть не интересуется, да?

– Нет. Никто не поручал мне искать его. Но я знаю кое-кого, кому интересно знать, где он.

– Ей на это плевать, – сказал Марз.

– Я имею в виду ее отца.

Марз снова вытер губы и посмотрел на платок так, словно ожидал увидеть на нем кровь. Затем сдвинул густые, седые брови и потрогал пальцем опаленный солнцем красный нос.

– Гейгер пытался шантажировать генерала, – продолжал я. – Генерал мне не сказал, но, как я догадываюсь, он боится, не замешан ли в это Риган. Эдди Марз рассмеялся.

– Гейгер проделывал это чуть не с каждым. Это была его навязчивая идея. Он брал с людей долговые расписки...

Самые настоящие. Но никогда не отважился бы потребовать их оплаты через суд. Он вежливо вручал их клиенту, сопровождая цветастыми фразами, а сам оставался с пустыми руками. Если оказывалось, что кто-то пугался, он начинал обрабатывать его, если нет – отступался.

– Вот как, – заметил я. – Отступался. Вот и доработался. Откуда вы все это знаете?

Марз нетерпеливо пожал плечами.

– Бог ты мой, я был бы счастлив, если бы не знал и половины того, что мне доносят. Слишком много знаний о людях – вот самый

большой недостаток моей профессии. И так, что касается Гейгера, то это уже позади. Дело сделано.

– Сделано и оплачено.

– Очень жаль. Было бы неплохо, если бы старый стернвуд нанял за подходящую плату такого бравого малого как вы, чтобы удержать своих дочерей дома хотя бы два вечера в неделю.

– Зачем?

Эдди скривился.

– Они как несчастье, вошедшее в поговорку. Взять хотя бы ту брюнетку. Это настоящее стихийное бедствие для моего клуба. Когда проигрывает, она играет как безумная. В результате сидит тут с полным бумажником расписок, которые никто у меня не выкупит даже по самой низкой цене. Ведь у нее нет собственных денег, кроме карманных, которые она получает от генерала, и никому неизвестно, что он написал в завещании. Когда же она выигрывает, то забирает мои собственные настоящие денежки и уносит их в свой красивый домик.

– Но ведь на следующую ночь она снова приносит их назад, – заметил я. – Лишь часть из них. Но если принять во внимание более длительный срок, то проигрываю я, а не она.

Он посмотрел на меня серьезно, как будто для меня это в самом деле имело какое-то значение. Я удивлялся, почему он счел необходимым рассказать мне все это. Я зевнул и допил содержимое своего бокала.

– Пойду-ка я в игорный зал и взгляну на это ваше предприятие. – Я поднялся с кресла.

– Хорошо, проходите, пожалуйста, – сказал Эдди, показывая на дверь, находящуюся рядом с сейфом. – Здесь вы пройдете в зал.

– Я предпочел бы вход, предназначенный для обычных людей.

– Ладно, как хотите. Во всяком случае мы остаемся друзьями?

– Конечно, – согласился я, и мы пожали друг другу руки.

– Быть может в будущем я и в самом деле смогу оказать вам услугу. На этот раз вы обо всем узнали от капитана Грегори.

– Это означает, что вы и его тоже купили?

– Не так все плохо. Мы просто друзья.

Некоторое время я смотрел на него, потом подошел к двери, через которую вошел сюда. Открыв ее, повернулся и спросил:

– Скажите, вы посылали серый «плимут» следить за мной?

Его глаза расширились. Похоже он был взволнован.

– Черт возьми, нет! Зачем бы мне это понадобилось?

– Я тоже не смог это объяснить, – сказал я и вышел. У меня создалось впечатление, что его удивление было слишком искренним, чтобы быть поддельным. Мне даже показалось, что он немного встревожился. Но я никак не мог понять, что могло быть причиной тому.

Глава 22

Было примерно полонинадцатого. Маленький мексиканский оркестр явно утомился, играя негромкие румбы, которые никто не танцевал. Один из музыкантов вытирал кончики пальцев так, словно они причиняли ему боль, в то же время вставляя в рот сигарету тем же, почти болезненным движением. Четверо других одновременно, словно по чьему-то знаку, наклонялись, доставали из-под стульев стаканчики, делали глоток из них, облизывали губы и поблескивали глазами. Текила – вот что это должно было означать. Но скорее всего они пили минеральную воду. Это представление было таким же ненужным, как и сама музыка. Все равно на них никто не смотрел.

Зал, очевидно, некогда предназначался для танцев. Эдди Марз переделал его лишь настолько, насколько требовало дело. Никакой хромировки, никаких преломляющихся лучей, исходящих из-под угловых карнизов, никаких фигурок выплавленных из стекла, никаких кресел кричащих цветов, ничего из типичной для Голливуда псевдосовременной техники обустройства помещений. Свет лился из тяжелых хрустальных люстр, стены были покрыты красной камчатной тканью, немного полинявшей от времени и почерневшей от пыли, но прекрасно сочетавшейся с паркетом пола, который виден был, впрочем, лишь частично перед возвышением для мексиканского оркестра. Остальное покрывал дорогой ковер того же красного цвета. Паркет был сделан из двенадцати сортов твердой древесины – начиная с бирманского тикового дерева с переходом к нескольким оттенкам дуба и кончая похожим на красное розовым деревом. Все это складывалось в сложный утонченный узор.

Это все еще было красивое помещение, только занимались в нем сейчас рулеткой вместо ритмичных старомодных танцев.

У стены напротив выхода стояли три стола, соединенные латунным ограждением, которое одновременно отделяло крупье от игравших. Играли на всех трех столах, но люди толпились возле среднего. Я узнал черную головку Вивиан Риган. Подойдя к бару в углу зала, я взял бокал рома. Бармен стоял напротив меня по другую

сторону стойки и наблюдал за группой хорошо обетых людей у среднего стола.

– Сегодня она выиграла кучу денег, – сказал он. – Та высокая черноволосая коза.

– А кто она такая? – спросил я.

– Не знаю, как ее зовут, но она приходит сюда очень часто.

– К черту, вы просто не хотите знать, как ее зовут, – возразил я.

– Я здесь только работаю, мистер, – ответил он, не обидевшись. – Она совсем одна. Кавалер, с которым она пришла, напился и его пришлось отнести в машину.

– Я отвезу ее домой, – сказал я.

– Вы отвезете дьяволицу, – предостерег бармен. – Мне приготовить коктейль или вы предпочитаете чистый ром?

– Предпочитаю чистый, если вообще его предпочитаю, – сказал я.

Компания, окружавшая средний стол, расступилась. Двое мужчин в вечерних костюмах направились к выходу. Я заметил Вивиан и ее голые плечи. На ней было платье с глубоким вырезом из темно-зеленого бархата. Она была слишком оголена даже для игорного заведения. Толпа сомкнулась снова и я опять ничего не видел, кроме ее черной головы. Оба мужчины свернули от двери к бару и заказали два стакана виски с содовой. Один из них был явно возбужден и вытер лицо платочком далеко не первой свежести. Двойные атласные полосы на его брюках своей шириной напоминали автостраду с многорядным движением.

– Ну и ну! В жизни не видел ничего подобного, – возбужденно сказал он. – Восемь выигрышей по очереди и все на «красное». Вот это игра, парень, вот это игра!

– У меня прямо мороз по коже пошел. Она ставит все тысячи за один раз. Она просто не может проиграть!

Они уткнули носы в стаканы с напитком, одним махом опрокинули их и отправились восвояси.

– Много они понимают, эти любители, – сказал бармен, растягивая гласные. – Великолепная игра, ха! В Гаване я видел когда-то одну старую бабу с лошадиным лицом...

Гул голосов у соседнего стола вдруг усилился и пробившийся сквозь него спокойный голос с иностранным акцентом произнес:

– Потерпите минутку, мадам. Этот стол не может покрыть вашу ставку. Банк сорван. Мистер Марз сейчас подойдет.

Я поставил бокал на стойку и направился к столу. Маленький мексиканский оркестр начал громко играть танго. Но никто не танцевал и не собирался это делать. Я протиснулся через скопление людей в послеобеденных, вечерних и даже спортивных костюмах прямо к среднему столу. Это там была остановлена игра. Двое крупье стояли рядом, уставившись взглядом в одну точку. Они глазели на Вивиан Риган.

Ее длинные ресницы трепетали, а лицо имело неестественно бледный цвет. Она сидела в середине стола, прямо напротив колеса рулетки. Перед ней лежала куча денег и фишек. Действительно порядочная кучка денег. Она говорила крупье холодным и надменным, хотя и взволнованным голосом:

– Что за убогое заведение, хотелось бы мне знать! Беритесь за работу и крутите это колесо, вы...Жалкие воришки. Я собираюсь поставить еще раз, и на все. Обычно вы очень скорые, когда сгребаете денежки, зато когда дело доходит до выплаты, так вы медлительны до тошноты!

Крупье улыбнулся холодной и вежливой улыбкой человека, видевшего уже тысячи выигрывающих и миллионы проигрывающих. Вел он себя безупречно, был полон превосходства и абсолютно спокоен. Он серьезно произнес:

– Этот стол сейчас не может принять вашу ставку, миссис. У вас свыше шестнадцати тысяч долларов.

– Ведь это же ваши деньги, – издевалась Вивиан. – Разве вы не хотите их вернуть?

Стоявший рядом с ней мужчина хотел ей что-то растолковать. Она резко повернулась к нему и произнесла пару таких слов, что он покраснел и быстро отступил. В глубине зала, в той его части, которая была отделена латунным ограждением, открылась дверь. Из нее вышел Эдди Марз с приклеенной к лицу безразличной улыбкой и с руками в карманах смокинга. Он производил впечатление человека, очень довольного собой. Подойдя к среднему столу, он остановился и спросил спокойно, но менее вежливо, чем его крупье:

– Что-нибудь случилось, миссис Риган?

Она мгновенно повернулась к нему. Я увидел как челюсти ее сжались так сильно, словно она уже больше не могла вынести внутреннего напряжения. На его вопрос она не ответила.

– Если вы больше не желаете играть, – серьезным голосом сказал Эдди Марз, – то позвольте послать кого-нибудь с вами, чтобы он провел вас до дома.

Стиснутые челюсти Вивиан побелели, щеки зарумянились. Она громко засмеялась и со злостью сказала:

– Еще одна игра, Эдди. Все на «красное». Я люблю красный цвет, цвет крови.

Эдди Марз бледно улыбнулся, кивнул и сунул руку во внутренний карман смокинга. Вынув большой бумажник из крокодильей кожи с монограммой и позолоченными краями он небрежно бросил его на стол.

– Примите заклад на какую-нибудь сумму. Если никто из присутствующих не возражает, колесо рулетки будет вращаться исключительно для вас, – он склонил голову в сторону Вивиан.

Никто, естественно, не возражал. Вивиан Риган наклонилась и раздраженно обеими руками передвинула все, что выиграла на красный цвет.

Крупье не спеша склонился над столом, сосчитал ее деньги и фишки и уложил их ровными кучками, а несколько лишних фишек и банкнот отодвинул своей лопаткой на край стола. Затем открыл бумажник Эдди Марза и вынул из него две пачки кредиток достоинством в тысячу долларов. Он разорвал одну, отсчитал шесть бумажек, приложил их к нераспечатанной пачке, а остальное спрятал назад в бумажник, бросив его на стол с такой небрежностью, словно это был простой коробок спичек. Эдди Марз не стал брать бумажник. Впрочем, никто вообще не двигался, кроме крупье, который левой рукой запустил рулетку, а правой профессионально легко бросил на середину диска шарик из слоновой кости.

Губы Вивиан медленно раскрылись, зубы заблестели в сиянии светильников. Шарик лениво катился по кругу, перескакивая цвета и номера. Прошла вечность, прежде чем он с сухим стуком остановился. Диск замедлил вращение, неся на себе уже неподвижный шарик. Крупье стоял, скрестив руки и не разнял их, пока диск рулетки не застыл совершенно неподвижно.

– Красное выигрывает, – произнес он официально, голосом, полным профессионального спокойствия.

Маленький шарик из слоновой кости лежал в секторе красного цвета, обозначенного номером двадцать пять, в секторе, удаленном всего на два поля от нуля. Вивиан Риган откинула голову назад и торжествующе засмеялась. Крупье поднял лопатку, передвинул пачку тысячедолларовых банкнот по столу и, присоединив их к поставленной сумме, отодвинул все вместе за пределы игорного поля.

Эдди Марз улыбнулся, сунул бумажник в карман, повернулся и покинул зал. Несколько дюжин людей, глядевших на все это, буквально затаив дыхание, вздохнули и направились в сторону бара. Я пошел вместе с ними и добрался до другого конца зала прежде чем, Вивиан Риган успела собрать выигранное и встать со стула. Я вышел в большой тихий холл и взял у девушки в гардеробе пальто и шляпу. Затем положил на маленький поднос четверть доллара чаевых и пошел к выходу. Тут же возле меня появился портье и спросил, вызвать ли такси.

– Нет, я хочу прогуляться, – ответил я.

Кариатиды, поддерживающие балконы, были мокрые от тумана, превращавшегося на листьях кипарисов в тяжелые капли воды. Ничего не было видно на расстоянии уже нескольких метров. Я спустился по ступенькам веранды и пошел по неясно видневшейся между деревьями дорожке, пока не услышал донесшийся сквозь туман шум волн, лизавших скалы морского побережья. Нигде не видно было ни малейшего проблеска света. Я мог различить перед собой какую-нибудь дюжину кипарисов, следующая дюжина виднелась уже неясно, а остальные исчезали в тумане. Свернув влево, я вернулся к главной дороге, ведущей к стоянке и уже начав различать контуры дома, остановился. Прямо передо мной кто-то закашлял.

Я бесшумно ступал по мягкой влажной траве. Человек кашлянул еще раз, потом сдержал кашель, прижав к губам платок или край рукава. Я подошел к нему еще ближе, затем обошел его неясную тень на дорожке. Инстинкт заставил меня спрятаться за деревом и присесть. Человек повернул голову. Его лицо в темноте должно было бы маячить передо мной белым пятном. Но это было не так. Я увидел темное пятно. На нем была маска.

Я ждал в укрытии.

Глава 23

Послышались приближавшиеся по невидимой дорожке легкие женские шаги. Мужчина, стоявший передо мной, наклонился вперед. Создавалось впечатление, что он будто опирался на туман. Женщину не было видно, но наконец я заметил неясные очертания фигуры. Мужчина быстро направился к ней. Два нечетких силуэта маячили в тумане, производя впечатление, что они его составляющее. С минуту стояла напряженная тишина. Наконец раздался мужской голос:

– Это револьвер, мышка. Только спокойно! Туман разносит любой звук. Отдай сумочку!

Женщина не издала ни единого звука. Я сделал шаг вперед и увидел туман, клубящийся над полями шляпы мужчины. Женщина стояла неподвижно. Ее дыхание сделалось слегка хриплым, оно напоминало мне звук напильника, трущегося по мягкому дереву.

– Крикни, – предложил мужчина. – Только крикни, и я тебя прихлопну.

Она не крикнула, даже не пошевелилась. А он сделал какое-то движение и сухо хихикнул.

– Послышался глухой щелчок открывающегося замка, мужчина отвернулся и прошел возле дерева, за которым я стоял. Отойдя на два-три шага, он снова хихикнул. Этот смех оживил мою память. Я вытащил из кармана трубку и сжал ее в руке, как револьвер.

– Как поживаешь, Лэнни, – тихо позвал я.

Мужчина остановился, словно пораженный громом и начал поднимать руки вверх.

– Не делай этого, Лэнни. Я ведь тебе не велел. Не двигайся, нето я тебя застрелю.

Мы стояли не двигаясь. Я, женщина на дорожке и Лэнни.

– Положи сумочку на землю, под ноги, Лэнни, – приказал я. – Медленно и осторожно.

Он наклонился. Я подскочил к нему и схватил его за шиворот в тот момент, когда он еще был в наклонном положении. Он выпрямился, тяжело дыша. В руках у него ничего не было.

– Ну, вот, – сказал я, вынимая у него из кармана револьвер. – В последнее время кто-нибудь постоянно дарит мне револьверы. Я уже так нагружен ими, что хожу согнувшись. А теперь убирайся!

Наше дыхание смешалось, а глаза приобрели выражение глаз двух котов, встретившихся на крыше. Я отошел назад.

– Лети к себе, Лэнни! И без обид. Не рассказывай об этом никому и я тоже не расскажу. Идет?

– Идет, – глухо ответил он.

Его поглотил туман. Некоторое время еще слышны были его шаги, потом все стихло. Я поднял сумочку, заглянул внутрь и направился к дорожке. Женщина все еще неподвижно стояла там, рукой без перчатки придерживая у шеи воротничок серой шубки, а на пальце у нее слабо поблескивал перстень. Она была без шляпы. Ее черные волосы, с пробором посередине, сливались с темнотой. Глаза тоже.

– Чистая работа, Марлоу. Значит, вы выступаете в роли моей личной охраны? – в ее голосе звучали хрипловатые нотки.

– Похоже на то, – ответил я. – Вот ваша сумка.

Она взяла ее.

– У вас здесь есть машина?

– Я приехала сюда с мужчиной, – улыбнулась она. – Но что делаете тут вы?

– Эдди Марз хотел поговорить со мной.

– Не знала, что вы с ним знакомы. Что он хотел от вас?

– Это я вам могу сказать. Он думал, что я ищу кое-кого, кто, по его мнению, сбежал с его женой.

– А вы ищете?

– Нет.

– В таком случае, зачем же вы приехали?

– Чтобы проверить, почему он думает, что я ищу кое-кого, кто, по его мнению, сбежал с его женой.

– Ну и проверили?

– Нет.

– Вы выдаете информацию как диктор – по капле, – сказала она. – Пожалуй, меня это не касается...

Даже если этот человек был моим мужем. Впрочем, я думала, что это дело вас не интересует.

– Люди постоянно напоминают мне о нем.

Она со злостью закусил губы. Казалось, инцидент с мужчиной в маске вообще не произвел на нее впечатления.

– Что ж, можете провести меня до гаража, – обронила она. – Я должна взглянуть на свой эскорт.

Мы пошли вдоль дорожки, обошли угол дома, миновали освещенный фасад и за следующим углом оказались на залитом светом дворике перед конюшнями. Как и в прошлые времена, он был вымощен булыжником и имел уклон в сторону находившегося посередине зарешеченного стока. Блестели машины, сторож в коричневой ливрее встал с табуретки и подошел к нам.

– Мой парень все еще не проспался? – вежливо спросила Вивиан.

– Боюсь, что да, миссис. Я укрыл его одеялом и открыл окно. Думаю, все в порядке. Он просто отдыхает.

Мы подошли к большому «кадиллаку». Сторож открыл заднюю дверцу. На широком заднем сиденьи лежал по уши заботливо укутанный в плед мужчина. Он спал с открытым ртом и храпел. Это был блондин крупного телосложения и было похоже, что выпить он может порядочно.

– Позвольте представить вам Ларри Кобба, – сказала Вивиан. – Мистер Кобб, мистер Марлоу.

Я кашлянул.

– Мистер Кобб – это и есть мой эскорт, – пояснила она. – Милейший парень, этот Кобб. Он исполняет все мои капризы. Вам надо увидеть его, когда он трезвый. Мне тоже. Вообще кому-нибудь надо увидеть его наконец, трезвым. Думаю, это стоило бы увековечить. Этот момент остался бы в истории навсегда, этот краткий, но незабываемый проблеск: трезвого Ларри Кобба.

– Ха! – сказал я.

– Я подумывала даже о том, чтобы выйти за него замуж, – продолжала Вивиан высоким напряженным голосом, словно лишь сейчас ощутила шок, вызванный нападением на нее. – Я была в депрессии и мне в голову не приходило ничего более забавного. У всех нас бывают такие периоды. Слишком много денег, знаете ли. Яхта, дом на Лонг-Айсленд, летняя резиденция в Нью-порте, весенняя на Бермудах... Повсюду какие-то виллы, тут и там, по всему свету, предназначенные, вероятно, лишь для того, чтобы поставить в них

бутылку хорошего виски. А для Ларри Кобба хорошее виски весьма доступно.

– Ха! – снова отозвался я. – Есть у него какой-нибудь шофер, который отвез бы его домой?

– Не говорите «ха!». Это слишком вульгарно, – она посмотрела на меня, нахмутив брови. Сторож в ливрее ожесточенно жевал нижнюю губу. – Конечно, у него целый отряд шоферов. Вероятно, они каждое утро дефилируют перед гаражом: пуговицы сверкают, мундиры надраены, перчатки безупречно белы... Такой элегантности могут позавидовать и воспитанники военной академии в Вест-Пойнт.

– Ну хорошо, где же в таком случае, черт возьми, этот шофер? – вышел я из терпения.

– Сегодня вечером он приехал сам, – вмешался охранник в ливрее, словно оправдываясь. – Я могу позвонить ему домой и попросить прислать кого-нибудь, кто забрал бы его.

Вивиан повернулась к нему и одарила его такой улыбкой, словно он только что вручил ей бриллиантовую диадему.

– Это было бы прекрасно, – сказала она. – Вы можете это сделать? Я в самом деле не хотела бы, чтобы мистер Кобб умер вот так...

С открытым ртом. Кто-нибудь может подумать, что он умер от жажды.

– Так не подумаешь, если принюхаться к нему, миссис, – сказал человек в ливрее.

Она открыла сумочку,хватила горсть банкнот и подала ему.

– Я уверена, что вы займетесь им.

– Господи! – охнул сторож, вытаращив глаза. – Конечно, миссис, я все устрою.

– Меня зовут Риган, – сладким голосом представилась она. – Я миссис Риган. Вероятно, вы еще увидите меня тут. Вы работаете здесь недавно?

– Да, миссис, – его руки, в которых он комкал деньги, судорожно сжимались и разжимались.

– Вам наверняка понравится здесь, – сказала она и взяла меня под руку. – Поедем на вашей машине, Марлоу.

– Она стоит снаружи, на улице.

– Это не помеха, Марлоу, я обожаю небольшие прогулки в тумане. Встречаются такие интересные люди.

– Не говорите глупости, – невежливо отрезал я.

Она крепко сжала мою руку и вдруг начала дрожать. И судорожно держалась за меня все время, пока мы шли к машине. Когда мы, наконец, оказались в ней, она перестала трястись. Я поехал вниз по петлявшей среди деревьев дороге. Дорога вела к Казенс-бульвару, главной улице Лас-Олиндес. Мы ехали под старыми, мерцающими фонарями, пока не въехали в город. Теперь мы проезжали здания и словно вымершие магазины, миновали бензоколонку с лампой у входа и наконец увидели открытую аптеку.

– Будет неплохо, если вы что-нибудь выпьете, – сказал я.

Она махнула подбородком. Белая точка в углу машины. Я свернул, притормозил, и припарковался.

– Чашечка кофе с каплей коньяка должна поставить вас на ноги.

– Мне хочется сейчас нахлестаться, как сотне грузчиков. Обожаю это.

Я открыл ей дверцу, она выбралась из машины и прошла так близко возле меня, что ее волосы скользнули по моей щеке. Мы зашли в аптеку. У стойки я купил бутылку ржаной и понес ее к столику, за который мы сели.

– Два кофе, – попросил я. – Черного, крепкого и сваренного еще в этом году.

– Водку здесь пить нельзя, – сказал аптекарь. Одетый в полинявший рабочий халат, он был худ, как щепка, с почти вежливым взглядом и не походил на слишком волевого человека.

Вивиан Риган достала из сумочки пачку сигарет, вытряхнула из нее несколько штук решительным мужским движением и протянула их мне.

– Правила запрещают пить здесь водку, – повторил аптекарь.

Я закурил сигарету Вивиан и себе, не обращая на него внимания. Он взял две чашки кофе и поставил их перед нами. Потом снова посмотрел на бутылку ржаной, проворчал что-то сквозь зубы и наконец устало сказал:

– Ну ладно, я не буду смотреть, когда вы будете наливать. – Он подошел к окну и повернулся к нам спиной.

– У меня сердце уходит в пятки, – сообщил я, откручивая пробку и вливая большую порцию в кофе. – Предписания и законы в нашем штате значат чрезвычайно много. В период сухого закона заведение

Эдди Марза был ночным клубом. И каждую ночь двое полицейских сидели в холле и наблюдали за тем, чтобы клиенты не приносили своего собственного виски, а покупали его тут же, в баре.

Аптекарь вдруг отвернулся от окна, зашел за стойку и уселся на табурет. Мы выпили наше крепленое кофе. Я взглянул на отраженное в зеркале лицо Вивиан. Оно было напряженным, бледным и диким.

Губы у нее были красные и потрескавшиеся.

– Не делайте такую несчастную мину, – сказал я. – На каком крючке держит вас Эдди Марз?

Она посмотрела на мое отражение в зеркале.

– Я порядочно забрала у него сегодня во время игры. Начинала с пятью тысячами, которые заняла у него вчера и которые сегодня мне были уже не нужны.

– Это могло его немного разозлить. Как вы думаете, это он послал за вами того головореза?

– Головореза?

– Ну, того типа с револьвером?

– В таком случае вас тоже можно назвать головорезом?

– Ясно, – засмеялся я. – Только, если быть точным, головорезы обычно стоят не на стороне справедливости.

– Я часто задумываюсь, есть ли вообще какая-то плохая сторона...

– Мы уклонились от темы. На каком крючке держит вас Эдди Марз?

– Вы подразумеваете: чем он мог бы меня шантажировать или оказывать на меня давление?

– Да.

Она надула губы.

– Вы могли бы быть остроумнее, Марлоу. Намного остроумнее.

– Как чувствует себя генерал? Ага, я не претендую на остроумие в данном случае.

– Не очень хорошо. Сегодня ему пришлось лежать. Перестаньте, наконец, меня выспрашивать!

– Я вспоминаю минуты, когда сам просил вас о том же. Много ли знает генерал?

– Наверное, знает все.

– Ему рассказал Норрис?

– Нет. Уайльд, окружной прокурор. Он приходил проведать его. Вы сожгли снимки?

– Конечно. Вы заботитесь о своей маленькой сестре, верно? По крайней мере иногда.

– Думаю, она единственное существо, о котором я забочусь.

Естественно, определенным способом я забочусь также и о своем отце. Держу его подальше от всего этого.

– Он питаетне слишком много иллюзий, – сказал я, – но мне кажется, что у него все еще есть своя гордость.

– Мы кровь от его крови. В этом, собственно, и заключается суть дела. – Она посмотрела на меня в зеркало глубокими, ничего не видящими глазами. – Не хотелось бы мне, чтобы в минуты смерти он проклинал собственную кровь. Это всегда была дикая кровь, но не безумная.

– А сейчас?

– Думаю, вы считаете нашу самую аморальной.

– Но не вас. Вы только играете определенную роль во всем этом.

Она опустила глаза. Я выпил кофе и прикурил две сигареты.

– Итак, вы застрелили несколько человек, – сказала она спокойно.

-Значит, вы убийца.

– Я? С какой стати?

– Газеты и полиция все это красиво изобразили, но я ничуть не верю в то, что прочитала.

– Ага, вы думаете, что надо записать на мой счет Гейгера...

Или Броуди...

Или обоих.

Она не ответила.

– Мне это было ни к чему, – сказал я. – Возможно даже, я так и сделал бы и, наверное, не отвечал бы за это. Любой из них, не колеблясь ни минуты, нафаршировал бы мой живот свинцом.

– То есть в глубине души вы убийца, как и всякий коп.

– Не говорите глупостей!

– Вы один из тех ужасных хладнокровных типов, которые испытывают столько же жалости к другим, сколько мясник к свинье, которую режет. Я поняла это сразу, как только увидела вас.

– У вас достаточно подозрительных друзей, чтобы знать, что для них типично.

- По сравнению с вами все они – ангелы.
- Спасибо, мадам. Вы тоже не мед.
- Давайте уедем из этого паршивого городка?

Я заплатил, сунул в карман плаща бутылку «ржаной» и мы вышли. Аптекарь следил за мной злым взглядом.

Мы выехали из Лас-Олиндес. По пути мы проезжали мимо отсыревших приморских поселков. Кое-где светили желтые окна домов, но по большей части было темно. От моря даже сквозь туман доносился запах водорослей. Шины мелодично посвистывали на мокром асфальте бульваров. Весь мир был промокшей пустыней.

Мы уже подъезжали к Дель-Рей, когда она впервые заговорила со мной с тех пор как мы покинули аптеку. Голос ее звучал приглушенно, как будто что-то глубоко волновало ее.

– Сверните вниз к курортному клубк в Дель-Рей. Мне хотелось бы еще раз взглянуть на море. Это недалеко отсюда, первая улица налево.

На перекрестке пульсировал желтый свет. Я свернул и стал съезжать по дороге с крутой насыпью с одной и трамвайными путями с другой стороны. Где-то чуть ниже маячили разбросанные огни пригородной железной дороги, а еще дальше просвечивали на фоне туманного неба прибрежные фонари. Туман явно поднимался. Мы проехали через рельсы, исчезавшие где-то под обрывом. Потом доехали, наконец, до неогражденной и неблагоустроенной части пляжа. По обе стороны стояли припаркованные автомобили, повернутые к морю и не освещенные. Огни клуба были удалены на пару сот метров.

Притормозив у тротуара, я остановился, погасил свет и застыл, молча держа руки на баранке. За поредевшим туманом море волновалось и пенилось, почти не издавая шума, как мысль, пытающаяся облечься в слова.

– Придвиньтесь, – хрипло сказала она.

Я подвинулся на середину сиденья. Она легонько склонилась ко мне, как будто хотела выглянуть в окно. Потом упала прямо в мои объятия, не издав ни звука и чуть не ударившись головой о баранку. Глаза у нее были закрыты, а лицо изменилось. Спустя минуту я увидел, что эти глаза открыты и блестят в темноте.

– Обними меня крепче, зверь, – сказала она.

Вначале я ослабил объятия. Ее волосы касались моего лица, но это не доставляло мне удовольствия. Я притянул ее к себе и медленно приблизил лицо к лицу. Ее веки мерно трепетали, словно крылья чайки.

Я поцеловал ее быстро и крепко. Затем последовал долгий, непрерывающийся поцелуй. Губы ее раскрылись под моими, тело дрожало в моих объятиях.

– Убийца, – шепнула она мягко. Ее дыхание сливалось с моим.

Я прижал ее к себе так, что мне чуть не передалась дрожь ее тела. Спустя некоторое время она отклонила голову настолько, чтобы спросить:

– Где ты живешь?

– Хобарт Армс, улица Франклина.

– Я не знаю этого района.

– Хочешь узнать его?

– Да, – прошептала она.

– На каком крючке держит тебя Эдди Марз?

Тело ее застыло в моих объятиях, дыхание сделалось хриплым. Она откинула голову и взглянула на меня большими расширившимися глазами.

– Так значит, это тебе было нужно, – сказала она тихим, угасшим голосом.

– Да, мне нужно было это. Можно действительно потерять голову, целуя тебя, но твой отец нанял меня не затем, чтобы я спал с тобой.

– Ты сукин сын, – тихо сказала она, не двигаясь с места.

Я рассмеялся прямо ей в лицо, потом сказал:

– Пусть тебе не кажется, что я просто кусок льда. Я не слепой и не лишен других чувств. В моих жилах течет кровь, так же, как и в жилах других мужчин. Слишком легко тебя можно получить, чертовски легко. На каком крючке держит тебя Эдди Марз?

– Если спросишь меня еще раз, я начну кричать!

– Не сдерживайся, ори!

Резким движением она отодвинулась от меня и осталась сидеть неподвижно возле окна.

– Бывало, людей убивали за более глупые вещи, Марлоу.

– Бывало, людей убивали ни за что. Беседуя с вами первый раз, я сказал, что я детектив. Обдумай хорошенько это своей прелестной

головкой! Я работаю детективом, а не играю в детектива!

Вивиан порылась в сумке, вынула платочек и отвернулась от меня. Слышно было, как она рвет батист зубами – медленно и размеренно.

– Почему вам кажется, что он держит меня на каком-то крючке? -прошептала она наконец голосом, приглушенным платком.

– Он позволяет вам выиграть кучу денег, после чего посылает за вами наемника с револьвером, чтобы отобрать их. А вы даже не особенно удивлены. Вы даже не говорите мне спасибо за то, что я спас вас. Ведь этот инцидент был обыкновенной комедией. А если бы я хотел польстить себе, то сказал бы, что сыграна она специально для меня.

– Вы считаете, что он может выигрывать и проигрывать когда захочет?

– Безусловно. При равномерных ставках четыре раза на пять игр.

– Должна ли я сказать, что ваша наглость отвратительна, мистер сыщик? – Вы ничего не должны. Мне уже заплатили.

Она выбросила в окно порванный на кусочки платок.

– Вы восхитительно ведете себя с женщинами!

– Я с большим удовольствием целовал вас.

– Но при этом ни на мгновение не потеряли головы. Это слишком унижительно. Кого мне за это поблагодарить – вас или отца?

– Я в самом деле с удовольствием целовал вас.

Голос Вивиан вдруг зазвучал холодно.

– Увезите меня отсюда, – процедила она, – будьте любезны. Я мечтаю о том, чтобы оказаться дома.

– Вы не желаете относиться ко мне как сестра к брату?

– Если бы у меня была бритва, я перерезала бы вам горло...

Чтобы проверить, что вытечет из раны!

– Зеленая жидкость, как из гусеницы, миссис Риган.

Я завел мотор, развернулся и вскоре мы пересекли железную дорогу, въехали на автостраду, а затем в город. Вивиан не разговаривала со мной. Она сидела неподвижно всю дорогу. Наконец я проехал через ворота и по осевшей подъездной дорожке подъехал к дому. Резким движением она открыла дверь и выскочила из машины прежде чем я успел как следует затормозить. Она по-прежнему молчала. Я смотрел на ее спину, пока она нажимала кнопку звонка. Дверь открылась и на пороге показался Норрис. Она разъяренно

протиснулась возле него и исчезла внутри дома. Дверь с треском захлопнулась, а я сидел и глазел на нее.

Потом развернулся и поехал домой.

Глава 24

На этот раз холл был пуст. За пальмами, растущими в больших деревянных кадках, меня не ждал ни один наемник с револьвером, чтобы отдать мне какие-то приказы. Поднявшись на лифте на свой этаж, я направился в сторону приглушенного дверью голоса, звучавшего по радио. Мне необходимо было что-нибудь выпить и я спешил, чтобы побыстрее сделать себе коктейль. Войдя в комнату, я не стал включать свет, а прошел прямо в маленькую кухню, но вдруг почувствовал, что что-то не так. В воздухе витал какой-то запах. Занавески на окнах были задернуты и сквозь них с улицы сочился слабый свет. Я остановился, прислушиваясь. Запах, витающий в воздухе, был тяжелым дурманящим запахом духов.

Однако ничего не было слышно, ни малейшего шороха. Наконец мои глаза привыкли к темноте и тогда я увидел на полу перед собой что-то, чего там не должно было быть. Я отступил, нащупал большим пальцем выключатель и зажег свет.

Кровать-диван была разложена и из нее доносилось чье-то хихиканье. Светловолосая голова была погружена в мою подушку, виднелись два голых плеча, а две принадлежавшие им руки, сплелись под головой. Кармен Стернвуд лежала в моей собственной кровати и смеялась. Волна светлых волос покоилась на подушке, как будто специально уложенная с этой целью опытными руками. Серо-голубые глаза глядели на меня со свойственным им выражением - были пусты как два темных отверстия револьверных стволов. Она смеялась. Ее маленькие острые зубы блестели.

– Правда, я красивая?

– Как пьяный негр в воскресную ночь, – жестко ответил я.

Я подошел к торшеру, зажег его и погасил верхний свет. Затем вернулся назад и склонился над шахматной доской, стоявшей на маленьком столике. Это была задача «мат в шесть ходов». Я не мог решить ее, как, впрочем, и много других своих проблем. Взяв офицера, я передвинул его на другое поле, затем снял шляпу и пальто и бросил их, не глядя куда.

С кровати до меня доносилось тихое хихиканье, похожее на попискивание крыс за деревянными панелями старого дома.

– Держу пари ты не угадаешь, как я сюда вошла.

– Держу пари, что угадаю. – Я взял сигарету и хмуро взглянул на нее. – Ты проникла в замочную скважину, как святой Петр.

– А кто это такой?

– Малый, с которым я играл однажды в бильярд.

Она хихикнула.

– Ну ты и чудака.

Я хотел посоветовать ей, чтобы она не забывала про свой большой палец, но она меня опередила. Напоминать ей это не было нужды. Она вытащила из-под головы правую руку и начала сосать палец, глядя на меня круглыми бесстыжими глазами.

– Я совсем голая, – сообщила она, видя, что я кончил курить и гляжу на нее.

– Боже мой, – сказал я. – Это вертелось у меня на кончике языка. Еще чуть-чуть и я сказал бы: «Держу пари, что ты совсем голая. А я в постели обычно ношу галоши, чтобы не поскользнуться на скользком полу, когда проснусь в плохом настроении».

– Ты хорошенький, – сказала она, игриво вертя головой как маленький котенок. Затем вынула левую руку из-под головы, взялась за край одеяла и после драматической паузы – откинула его. Действительно, она была в том, в чем ее мать родила. Она лежала в кровати голая и в свете настольной лампы поблескивала, как жемчужина. Обе Стернвудовские девчонки многое приносили мне в жертву.

Я смахнул крошку табака с нижней губы.

– Это прекрасно. Жаль только, что я уже видел это однажды. Помнишь? Я тот парень, с которым ты все время сталкиваешься, когда на тебе ничего нет.

Она хихикнула и снова прикрылась одеялом.

– Итак, скажи, пожалуйста, как ты сюда вошла? – спросил я.

– Меня впустил администратор. Я показала ему твою визитку, которую стащила у Вивиан. Я сказала ему, что ты меня вызвал и я должна подождать тебя. Конечно я...

Я была очень таинственной.

– Отлично, – сказал я. – Администраторы тоже проявляют иногда мягкость. А теперь, раз уж я знаю, как ты вошла, может, скажешь мне еще и то, как собираешься выйти отсюда?

Она засмеялась.

– О, пока еще не собираюсь. Еще долго нет... Мне здесь очень гравится, да и ты хорошенький...

– Послушай, – я наставил на нее сигарету. – Не заставляй меня еще раз одевать тебя. Я устал. Конечно, я ценю все, что ты мне предлагаешь. Однако это больше, чем я могу принять. Догхауз Рэйли никогда не смог бы так использовать своего друга. А я твой друг и не могу использовать тебя даже вопреки себе самому. Мы должны остаться друзьями, а этот путь не ведет к дружбе. Теперь ты могла бы одеться, как маленькая послушная девочка?

Она отрицательно завертела головой.

– Послушай, – продолжал я, – ты же совсем ничего не чувствуешь ко мне. Просто хочешь показать, какой непослушной ты можешь быть. Но тебе не нужно доказывать мне. Я давно знаю это. Ведь я же тот парень, который нашел тебя...

– Погаси свет, – засмеялась она.

Я бросил сигарету на пол и затоптал ее. Потом вынул из кармана платок и вытер потные ладони. И сделал еще одну попытку.

– Поверь, это не из-за соседей, – сказал я. – Им нет до этого дела. В таких домах, как этот, всегда можно встретить ветренных женщин... Одной больше, одной меньше – какая разница. Дом от этого не рухнет. Но для меня это дело профессиональной чести. Ты знаешь, что значит профессиональная честь? Я работаю на твоего отца. Это очень большой человек, очень слабый и нуждающийся в помощи. И он мне полностью доверяет, без всяких оговорок. Кармен, очень прошу тебя, оденься!

– Тебя зовут не Догхауз Рэйли, – заявила она. – Тебя зовут Филип Марлоу. Ты меня не обманешь.

Я снова посмотрел на шахматную доску и понял, что неправильно поставил коня, и передвинул его на прежнее место.

Конные рыцари в принципе не входят в расчет в этой игре. Это игра не для рыцарей. Я снова посмотрел на Кармен. Теперь она лежала тихо. Бледное лицо на фоне подушек, большие потемневшие глаза, пустые, как колодцы во время засухи. Одна из ее маленьких рук

нервно комкала одеяло. Я понял, что неопределенный проблеск сомнения шевельнулся в ее душе. Полностью она еще не осознавала этого. Это слишком трудно для женщины, особенно для очень хорошенькой, осознать, что ее тело не всегда прельщает.

– Пойду в кухню, приготовлю себе коктейль, – сказал я. – Может, ты тоже выпьешь один?

– Ага. – Темные, таинственные глаза, полные смятения, глядели на меня серьезно, в них росло сомнение, вползало неотвратно, как кот, подкрадывающийся в высокой траве к птенцу.

– Если оденешься к тому времени, когда я вернусь, получишь стаканчик, хорошо?

Сжатые зубы Кармен разошлись и изо рта у нее вырвалось очень странное шипение. Она ничего не ответила. Я прошел в кухню, смешал виски с содовой и налил в два стаканчика. Увы, у меня не было настоящих возбуждающих напитков, таких как нитроглицерин или дистиллированная слюна тигра. Она не шевельнулась, когда я вернулся. Шипение прекратилось. Глаза ее снова были мертвы, губы начали улыбаться мне. Вдруг она вскочила, сбросила с себя одеяло и протянула руку.

– Дай мне!

– Когда оденешься, Кармен. Не дам, пока ты не оденешься.

Я поставил стаканы на шахматный столик, сел и закурил новую сигарету. – Одевайся, Кармен. Я не буду смотреть.

Я смотрел в другую сторону. И вдруг снова услышал то странное шипение, резкое и громкое. Это заставило меня взглянуть на нее. Она сидела нагая, упираясь руками в матрац. Рот ее был широко раскрыт, а лицо похоже на маску из слоновой кости. Звук, вырывавшийся из ее рта, не имел ничего общего с этим застывшим лицом. В глубине ее глаз, – хотя они и были пусты, как всегда, – таилось что-то такое, чего я никогда еще до сих пор не видел в женских глазах.

Наконец ее губы шевельнулись медленно и осторожно, как будто были искусственные и приводились в движение с помощью проводков.

Она грязно обозвала меня.

Меня это не тронуло. Мне было безразлично, как она меня назовет...

Или как назовет меня кто угодно другой. Но эта комната была местом, где я жил. Она была тем, во что я мог вложить понятие «мой

дом». В этой комнате было все, что принадлежало мне, что было как-то связано со мной, все мое прошлое. Это было не так уж много – радиоприемник, шахматы, несколько книжек, картин, старые письма и разные прочие пустяки. Собственно, ничего особенного. Но с этим были связаны мои воспоминания.

Дольше я не мог терпеть ее в этой комнате. Грубое ругательство просто помогло мне осознать это.

– Даю тебе три минуты, – спокойно сказал я. – На одевание и уход отсюда. Если не уйдешь за это время, я вышвырну тебя силой... Так, как стоишь сейчас, голую. А вслед за тобой пошлю твои вещи. Так что поспеши! Зубы ее стучали, а шипение становилось все более громким и все более звериным. Она спустила ноги на пол и взяла одежду, лежавшую на стуле рядом с кроватью. Она одевалась, а я смотрел на нее. Одевалась она неловкими, –для женщины, – негнуцимися пальцами, но несмотря на это быстро. Через две минуты она уже была готова. Я следил за временем.

Она стояла рядом с кроватью, прижимая к шубке зеленую сумочку. На голове у нее была красивая зеленая шляпа, сдвинутая на одну сторону. Она стояла так еще некоторое время по-прежнему шипя на меня, все с тем же лицом похожим на маску из слоновой кости, с глазами, все еще пустыми, со все еще таившимся в их глубине безумием. Наконец она подошла к двери, открыла ее и вышла, не произнеся ни слова и не оглянувшись.

Было слышно, как лифт пришел в движение и опускался вниз.

Я подошел к окну, отдернул занавески и открыл его настежь. В комнату поплыл вечерний воздух, приторно-сладковатый, перенасыщенный уличными запахами большого города и выхлопными газами. Я взял коктейль и стал медленно пить. Внизу хлопнула входная дверь, по пустому тротуару застучали каблуки. Где-то неподалеку взревел мотор, и машина, быстро набирая скорость, унеслась в ночь.

Я повернулся и взглянул на кровать. Подушка еще сохраняла форму ее маленькой головы, а на простыне виднелся отпечаток ее деликатного развращенного тела.

Я поставил стакан и яростно расшвырял постель.

Глава 25

В это утро снова шел дождь – мелкий касой дождь, создававший над городом хрустальную завесу. Чувствуя себя разбитым и уставшим, я встал, подошел к окну и выглянул в него. Глубокое отвращение к семье Стернвудов овладело мной. Я прошел на кухню и выпил там две чашки черного кофе. Голова у человека может трещать не только с похмелья. У меня она трещала от женщин. Меня тошнило от них.

Я побрился, причесался, оделся, сошел вниз и выглянул на улицу. По другую сторону дороги в каких-нибудь двухстах метрах стоял серый «плимут». Тот самый, который следовал вчера за мной и о котором я спрашивал у Эдди Марза. Возможно, в нем сидел какой-нибудь полицейский, который как раз располагал свободным временем и хотел развлечься, выслеживая мою персону. Возможно, это был какой-то коллега-детектив, получивший указание сунуть нос не в свое дело и обещание, что ему за это кое-что перепадет. Или это был, – возможно, – священник с Бермуд, которому не понравилась моя ночная жизнь.

Я отступил назад, спустился на лифте в гараж, сел в машину и проехал мимо серого «плимута». В нем сидел одинокий невзрачный человек. Он нажал на стартер в ту минуту, когда я проезжал мимо. Все указывало на то, что ему легче работается в дождь. На этот раз он буквально висел у меня на заднем бампере, но ни разу не подъехал настолько близко, чтобы я мог перекрыть ему дорогу. Я проехал вдоль бульвара и остановился неподалеку от моей конторы. Вышел из машины и направился к входным воротам, высоко подняв воротник и низко надвинув шляпу на глаза. Но это не уберегло меня от дождя. Серый автомобиль остановился напротив, возле пожарного крана. Я подошел к перекрестку, перешел на другую сторону улицы и продефилировал возле автомобиля. «Плимут» не двигался с места и из него никто не показывался. Я дернул дверцу.

Небольшого роста мужчина со сметливыми глазами сидел за рулем, вжавшись в угол. Я стоял и смотрел на него, чувствуя спиной удары дождевых капель. Его глаза поблескивали сквозь облака дыма, руки нервно постукивали по баранке.

– Никак не можете решиться? – спросил я.

Он сглотнул слюну, сигарета задрожала в его сжатых губах.

– Мне кажется, я вас не знаю, – произнес он тихим, как будто испуганным голосом.

– Марлоу. К вашим услугам. Человек, за которым вы несколько дней пытаетесь следить.

– Ни за кем я не слежу.

– Зато эта телега – да. А может она вам не подчиняется? А впрочем, делайте все, что вам нравится. Сейчас я иду завтракать в кафе напротив. На завтрак будет апельсиновый сок, яичница с ветчиной, булочки, мед, три или четыре чашки кофе. Ага! И зубочистка. Потом поеду в свою контору, находящуюся на седьмом этаже, в здании, напротив которого мы стоим. Если вас по-прежнему что-то будет тревожить, решитесь и приходите выплеснуть это из себя. А я тем временем пойду и смажу свой пулемет.

Я оставил его в машине, моргающего глазами.

Спустя двадцать минут меня посетила уборщица и мне представилась возможность распечатать толстый конверт, адресованный на мое имя красивым старомодным почерком. В нем была короткая официальная записка и чек на пятьсот долларов, выписанный на Филипа Марлоу и подписанный за генерала Гая Бризея Стернвуда Винсентом Норрисом. День начинался действительно чудесно. Я как раз заполнял бланк для банка, когда звук звонка дал мне понять, что кто-то решил посетить меня. В комнату вошел маленький человечек из «плимута».

– Ну, наконец-то, – сказал я. – Входите и снимайте плащ.

Он осторожно, пока я придерживал дверь, проскользнул мимо меня, так, словно опасался, что я вот-вот дам ему пинка. Мы уселись друг против друга по обе стороны стола. Рост его был действительно невелик, примерно метр пятьдесят. У него были зоркие блестящие глаза, которым он пытался придать строгое выражение, но они выглядели так же строго, как устрица с открытой раковиной. На нем был двубортный темно-серый костюм, слишком широкий в плечах и со слишком широкими лацканами, и галстук с мокрыми пятнами от дождя.

– Может, вы меня знаете, – начал он. – Меня зовут Гарри Джонс.

Я сказал, что не знаю его и пододвинул к нему портсигар с сигаретами. Его маленькие изящные пальчики молниеносно схватили одну из них, словно форель, заглатывающая муху. Он прикурил ее от стоявшей на столе зажигалки и помахал рукой, разгоняя дым.

– Я не какой-нибудь там молокосос, – проинформировал он. – Знаю этих парней и им подобных! Я немного занимался контрабандой спиртного. Это клевое дело, старик. Едешь себе, бывало, на машине с револьвером на коленях и полным патронташем на поясе. Иногда нам случалось прихлопнуть по дороге парочку конов. Замечательное дело.

– Потрясающе, – сказал я.

Он уселся на стуле поудобнее и выпустил вверх облачко дыма уголком маленьких сжатых губ.

– Может, вы мне не верите?

– Может, да, а может нет. Возможно также, что я еще не успел забить себе голову мыслями о том, правду вы говорите или нет. Но с какой целью вы рассказали все это? Чего вы ожидаете от меня?

– Ничего, – едко ответил он.

– Вы уже несколько дней следите за мной, – продолжал я. – Как мальчишка, желающий подцепить девушку и не осмеливающийся на это. Может, вы страховой агент? А может вы знаете парня по имени Джо Броуди? Есть много разных «может» по той простой причине, что в моей профессии всегда по уши всяких дел.

Он вытаращил глаза, а нижняя челюсть у него отвисла чуть не до колена.

– Господи! Откуда вы знаете все это?

– Я ясновидящий, – сказал я. – Так что выкладывайте все без утайки. Не могу же я ждать целый день.

Блестящие глаза почти исчезли под прищуренными веками. Воцарилась тишина. Дождь тарахтел по крыше «Мэншн-Хауз» под моими окнами. Человек, сидевший напротив меня, наконец поднял веки, его глаза снова заблестели, и он задумчиво произнес:

– Конечно, я хотел разузнать что-нибудь о вас, чтобы знать, что делать. У меня есть кое-что на продажу...

Это дешево, сотни за две. Почему вы связываете меня с Броуди?

Я распечатал письмо и прочитал его. Оно касалось прохождения полуторогодового курса дактилоскопии и приобретения разных других

профессиональных навыков. Я бросил его в корзину и снова посмотрел на маленького человека.

– Не обращайтесь внимания, я просто размышлял. Вы не полицейский. Вы также не член банды Эдди Марза. Я спрашивал его об этом прошлой ночью. А больше я не знаю никого, кроме друзей Джо Броуди, кто мог бы так интересоваться моей персоной.

– Боже мой! – сказал он и облизнул нижнюю губу. Лицо его стало белым, как бумага, когда я упомянул Эдди Марза. Он раскрыл рот, и сигарета, неизвестно каким образом повисла в его уголке, словно приросла. – Вы подтруниваете надо мной, – сказал он с улыбкой, какую можно встретить только в кресле у стоматолога.

– Конечно подтруниваю, – подтвердил я и распечатал другое письмо. Мне предлагали предоставлять информацию прямо из логова льва, иначе говоря из Вашингтона: все, что происходит в кулуарах, вплоть до мелочей. – Надеюсь Агнессу уже выпустили? – спросил я.

– Да. Это она меня сюда послала. Вас это интересует?

– Естественно – такая сладкая блондинка.

– Бросьте. Вы кое-на что намекнули...

В ту ночь, когда прихлопнули Броуди. Мол Броуди, знал что-то важное о Стернвудах, иначе не рискнул бы посылать им те фотографии.

– Ага. Значит, он что-то знал. Что именно?

– То, что стоит двести долларов.

Я бросил в корзину еще несколько реклам и прикурил еще одну сигарету. – Нам надо исчезнуть из города, – продолжал он. – Агнесса очень хорошая девушка. Вы не можете вменить ей в вину Гейгера и его книжки. Вы же знаете, что женщинам ныне приходится не очень легко, верно?

– Она для вас слишком велика, – заметил я. – Она вас расплющит и задушит, если окажется сверху.

– Глуповатая шутка, – произнес он с таким чувством собственного достоинства, что я удивленно уставился на него.

– Вы правы, – согласился я. – В последнее время я вращался в плохом обществе. Давайте покончим с разговорами и перейдем к делу. Что вы можете предложить за эти деньги?

– А вы заплатите?

– А что мне это даст?

– Что если это поможет вам отыскать Расти Ригана?

– Я не ищу Расти Ригана.

– Слова. Так вы хотите услышать это или нет?

– Итак, мой дорогой, облегчите душу. Я заплачу за все, что мне пригодится. За две сотни в нашей профессии покупается куча информации!

– Эдди Марз велел застрелить Ригана, – сказал он и расселся на стуле так, словно его только что выбрали вице-президентом.

Я указал рукой на дверь и произнес:

– Не собираюсь спорить с вами, надо экономить кислород. Ступайте восвояси.

Он наклонился над столом и сжал зубы. Из-за перегородки доносился монотонный стук пишущей машинки – строчка за строчкой, страница за страницей.

– Я вовсе не шучу, – запротестовал он.

– Кончайте! Не мешайте работать, я очень занят.

– Никуда я не пойду, – резко сказал он. – Я пришел сюда, чтобы сказать то, что надо, и я сделал это. Я лично знал Расти. Не очень хорошо, но все же достаточно для того, чтобы спросить при встрече: «Как поживаешь?» И он отвечал мне или же нет – в зависимости от настроения. Он был симпатичным парнем. Я его любил. Он увлекался певицей из кабаре -Моной Грант. Позже она сменила фамилию на Марз. Расти страдал и женился на богатой даме, которая бегала по ночным ресторанам, как будто дома у нее не было своей кровати. Вы очень хорошо ее знаете. Высокая, черноволосая, могла бы выиграть не один конкурс красоты, но принадлежит к тому типу женщин, которые являются проклятием для любого мужчины. Истеричка. Расти с ней не ладил, а с деньгами ее отца должен был ладить, да? Ведь вы так думаете, да? Но Риган был очень странным типом. Он всегда думал не так, как другие, всегда искал что-нибудь другое, и едва сознавал, где находится в данный момент. Мне кажется, ему вообще было плевать на деньги. А если так говорю я, приятель, то это комплимент.

Маленький человечек вовсе не был так глуп. Мелкий, скользкий комбинатор. Никто и не заподозрил бы, что у него могут быть такие мысли, и, более того, что он умеет их выражать.

– Вот он и сбежал, – сказал я.

– Может быть, хотел сбежать. С той женщиной, Моной. Она не жила с Эдди Марзом, потому что ненавидела все эти его делишки, особенно нелегальные, такие как шантаж, угон автомобилей, ограбления, укрывание тех, кто бежал с Востока, где их разыскивали, и так далее. Ходят слухи, что однажды ночью Риган предостерег Марза, что если тот впутает Мону во что-нибудь противозаконное, то будет иметь дело с ним.

– Большая часть того, что вы мне рассказываете, содержится в отчетах, – заметил я. – За это вы не можете требовать у меня деньги, Гарри.

– Я как раз перехожу к тому, чего нет в отчетах. Риган тогда начал вести себя как безумный. Я каждый день встречал его в ресторане Варди, он сидел там, уставившись в стену, и пил ирландское виски. Говорил очень мало. Иногда поручал мне заключить какое-нибудь пари, то там, то тут. В принципе я из-за этого туда и приходил.

– Мне казалось, он работал в страховой компании?

– Это была только маскировка. Хотя думаю, что он мог бы продать и страховой полис, если бы возникла необходимость. Так вот, примерно с половины сентября я ни разу не встретил Ригана, но поначалу не обратил на это внимания. Знаете, как это бывает: есть человек, значит его видишь, а когда его нет, не видишь и забываешь, пока что-нибудь не напомнит о нем. Я начал задумываться, услышав однажды, как кто-то шутя рассказывал, что жена Эдди Марза сбежала с Расти Риганом, и что Эдди, вместо того, чтобы переживать, ведет себя так, будто это он одурачил кого-то. Я рассказал об этом Джо Броуди, ну а Джо Броуди был очень изворотлив.

– Как сам черт, – подтвердил я.

– Конечно не так, как копы, но все же. У него не было денег. Вот он и начал вынюхивать, не удастся ли ему напасть на след тех двух воркующих голубков. Тогда он мог бы получить двойную сумму: от Эдди Марза и от жены Ригана. Джо немного знал эту семейку.

– Это «немного» составило пять тысяч, – сказал я. – И он хотел вытянуть из них еще столько же.

– В самом деле? – Гарри Джонс был явно удивлен. – Агнесса должна была сказать мне об этом. Но уж таковы женщины. Всегда что-нибудь скрывают. Итак, мы вместе с Джо внимательно следили за газетами, но ничего не нашли в них, поэтому сделали вывод, что

старик Стернвуд хочет все это затушевать. Потом я встретил как-то у Варди Лаша Кэнино. Вы его знаете?

Я отрицательно покачал головой.

– Это такой бесчестный и крутой тип, какими некоторые воображают сами себя. Он время от времени работал на Эдди Марза, то есть, когда у Эдди возникали трудности и ему был нужен головорез с револьвером. Кэнино умел застрелить человека просто так, между двумя рюмками водки. Когда Марз в нем не нуждается, он держится в стороне. И не живет в Лос-Анджелесе. Конечно, это может что-то значить, а может и нет. Возможно, они напали на след Ригана, и Марз лишь ожидал, вот так, с улыбкой на лице, подходящего случая. Но могло быть совершенно иначе. Я ввел в курс дела Джо, и Джо стал следить за Кэнино. А он умел следить. Я на это не гожусь. Это я вам рассказываю пока что бесплатно. Ну вот, Джо проследил Кэнино до самого особняка Стернвудов. Кэнино припарковал машину возле особняка, а через некоторое время к нему подъехала другая машина с какой-то женщиной. Они поговорили, и Джо показалось, что женщина что-то передала Кэнино, вроде бы деньги. Потом женщина уехала. Это была жена Ригана. Хорошо – значит, она знает Кэнино, а Кэнино – Марза. Джо теперь был совершенно уверен, что Кэнино что-то знает о Ригане и пытается на свой страх и риск выжать из нее некую сумму. Увы, Кэнино исчез, а Джо потерял его след. Конец первого акта.

– Как выглядит Кэнино?

– Низенький, плотный шатен с коричневыми глазами, носит всегда коричневые костюмы и шляпу. Даже плащ-дождевик у него коричневый. Ездит он тоже на коричневом автомобиле. Коричневое – это цвет мистера Кэнино.

– Перейдем ко второму акту, – предложил я.

– Без денег – конец представления.

– Пока что для меня это не стоит двух сотен. Миссис Риган вышла замуж за контрабандиста спиртным, с которым познакомилась в пивной. Впрочем, она знала много людей этого сорта. Прекрасно знала также и Эдди Марза. Если она подумала, что с Риганом что-то случилось, то Эдди как раз и был тот человек, к которому она могла обратиться, а Кэнино мог быть тем человеком, которому Эдди поручил это дело. Это все, что вы знаете?

– Потратите ли вы двести долларов, чтобы узнать, где находится жена Эдди Марза? – спокойно спросил маленький человечек.

На этот раз он попал в десятку. Я оперся о подлокотник стула так резко, что он чуть не треснул.

– Даже, если она находится там одна, – продолжал Гарри Джонс тихим, слегка зловещим голосом. – Даже если не убежала с Риганом, а ее прячут на расстоянии около сорока миль от Лос-Анджелеса, для того, чтобы полиция думала, что она исчезла вместе с ним? Заплатили бы вы за это двести долларов, мистер частный детектив?

Я облизал губы. Они были сухие и солоноватые.

– Мне кажется, заплатил бы, – сказал я. – Где?

– Ее отыскала Агнесса, – хмуро пояснил Гарри. – Случайно Агнесса видела, как она ехала, и ей удалось проследовать за ней до самого дома. Агнесса расскажет вам, где он находится...

Когда деньги будут у нее в руках.

Я строго посмотрел на него.

– Вы могли бы рассказать это бесплатно полиции, Гарри. У них сейчас есть несколько очень способных исповедников. А если они вас случайно прикончат, останется еще Агнесса.

– Если вы дадите им шанс сделать это, то убедитесь, что меня не так легко сломать, – пригрозил он.

– Агнесса действительно обладает чем-то, чего я не заметил, – сказал я.

– Она прохвостка. Я тоже прохвост. Все мы прохвосты. Поэтому и продаем себя друг другу за пару монет. Ладно. Попробуйте меня купить. Он взял сигарету из лежавшего на столе портсигара, бережно вставил ее в рот, потом зажег спичку точно так, как это привык делать я – чиркнув ею о каблук. Размеренно выдыхая дым, он прищурившись глядел на меня. Смешной, гордый малый, которого я мог бы раздавить одним пальцем. Маленький человечек, заблудившийся в мире больших людей. Но было в нем что-то такое, что нравилось мне.

– Я не из кого здесь не пытался выжимать деньги, – произнес он. – Я пришел поговорить о двух сотнях. Цена эта окончательная. Пришел, так как думал, что получу их. А может и нет. В обоих случаях это должна быть чистая работа. А вы начинаете пугать меня полицией. Стыдитесь, дорогой.

– Вы получите деньги за эту информацию, – сказал я. – Но сначала я должен сам взять деньги в банке.

Он встал и кивнул.

– Если так то ладно. Но лучше, когда стемнеет. Это опасное дело, если я попробую встать на пути таких людей, как Эдди Марз. Но надо ведь как-то жить. Было бы лучше, если бы вы пришли в мое бюро, на западном бульваре, номер 428. Вы принесете деньги, а я отведу вас к Агнессе.

– А вы можете назвать мне адрес Агнессы? Ведь я ее знаю.

– Нет. Я обещал ей, – заявил он без всяких увиливаний. Затем застегнул плащ, надел шляпу, еще раз кивнул, направился к двери и вышел. Его шаги стихли в коридоре.

Я спустился в банк, чтобы перевести на свой счет пятьсот долларов генерала и снять две сотни на текущие расходы. Потом вернулся наверх и уселся во вращающееся кресло, чтобы обдумать то, что наговорил мне Гарри Джонс. Это звучало слишком гладко и похоже было скорее на искусственную простоту выдумки, чем на запутанную реальную действительность. Капитан Грегори наверняка был в состоянии отыскать Мону Марз, если бы она находилась так близко, где-то на его территории.

Я размышлял обо всем этом большую часть дня. Никто не посетил мое бюро. И никто не звонил мне. А дождь все еще шел.

Глава 26

В семь дождь перестал идти, сделав краткую передышку, но стоки все еще были переполнены. В Санта-Моника вода стояла вровень с тротуарами и тонкими струйками переливалась через бордюры. Полицейский, регулировщик движения, в блестящих резиновых сапогах, таком же плаще и фуражке, брел через водяные потоки, покинув укрытие под намокшими брезентовыми тентами. Скользя каблуками ботинок по мокрому тротуару, я свернул в узкий холл «Фаулвайдер-билдинг». Далеко сзади, за открытым лифтом, когда-то покрашенным под бронзу, горела единственная лампа без плафона. На изношенном резиновом коврик стояла тусклая плевательница, в которую, очевидно, никто никогда не попадал. На стене горчичного цвета висела витрина с искусственными челюстями под стеклом. Номера с фамилиями и номера без фамилий. Или много свободных комнат, или же много жильцов, желающих остаться неизвестными. Безболезненно работающие дантисты, подозрительные детективные агентства, умирающие предприятия, прибившиеся сюда в агонии, заочные школы, обещавшие научить, как стать техником-электронщиком или писателем-драматургом, или же кем-то еще в этом роде, если, конечно, полиция не расправится с ними раньше. Скверное здание. Дом, в котором застарелый запах сигаретных окурков – это еще не самый неприятный запах.

В лифте на табуретке с протертой подушкой дремал старец. Рот его был открыт, покрытые мелкими жилками виски блестели в слабом свете. Он был в голубом форменном пиджаке и, похоже, чувствовал себя в нем так же хорошо, как лошади в стойле конюшни. Кроме того, на нем были серые брюки, белые шерстяные носки и черные детские полуботинки. Он спал на табуретке, вызывая жалость, и ждал клиентов. Я на цыпочках прошел мимо него и, уловив едва заметное дуновение, нашел дверь к пожарной лестнице и открыл ее. Лестничная площадка не убиралась несколько месяцев. На ней спали и питались бродяги, оставляя хлебные корки и куски грязных газет, спички и выпотрошенные кошельки. В грязном углу, между стенами,

исписанными каракулями, лежал кружок белесой резинки и судя по всему никто и не собирался убирать ее оттуда.

Приятное зданьице.

Тяжело дыша, я взобрался на четвертый этаж. И его холл украшала грязная урна, стоявшая на изношенном коврикe, и такие же горчичного цвета стены, такая же атмосфера подозрительных занятий. Табличка с надписью «Л.Д.Уолгрин – страхование» висела на темной двери из непрозрачного стекла, дальше находилась другая темная дверь и наконец третья, за которой горел свет. На ней была табличка «Вход».

Над освещенной дверью было открытое маленькое вентиляционное отверстие. Я услышал резкий птичий голос Гарри Джонса.

– Кэнино? Конечно, я уже видел вас где-то, мистер Кэнино... Наверняка.

Я похолодел. Потом послышался другой голос. В нем проскальзывали рокошующие нотки, что-то вроде звука маленькой дрели, работающей за стеной. – Думаю, у тебя была возможность... – я почувствовал в голосе легкую угрозу.

Стул подвинулся по линолеуму, приблизились шаги и отверстие вдруг захлопнулось. За стеклом сгустилась тень, которая быстро расплылась и пропала.

Я отступил к первой двери, снабженной табличкой с фамилией Уолгрина, и осторожно попробовал открыть ее. Она была заперта на ключ, но к косяку прилегала неплотно – старая дверь, поставленная много лет назад, из сырой древесины и теперь слегка разошедшаяся. Я достал бумажник и вынул из-под обложки водительского удостоверения тонкую, твердую, целлулоидную пластинку под которой хранил водительские права. Потом надел перчатки, слегка, почти ласково, уперся в дверь, засунул полоску целлулоида глубоко между дверью и косяком и продвинул ее до широкой щели, видневшейся у замка. Раздался сухой щелчок, похожий на звук лопающегося льда. Я проскользнул внутрь и замер, как сонная рыба в воде. Ничего не случилось.

Я запер дверь так же осторожно, как и открыл.

Передо мной был светлый проем незанавешенного окна, рядом стоял стол, а на нем прикрытая чехлом пишущая машинка. Затем я

заметил дверь, соединяющую эту комнату с соседней. Она не была заперта на ключ, так что я вошел во вторую из трех комнат бюро. Дождь неожиданно забарабанил в стекла закрытых окон. Воспользовавшись этим, я прошел через комнату. В щель следующей двери пробивалась тонкая полоска света. Пока что все шло хорошо. Словно крадущийся кот я потихоньку пошел вдоль стены и добрался до той стороны двери, где были петли. Потом заглянул в щель, но ничего не увидел. Рокочущий голос произносил теперь более вежливо:

– Конечно, один малый может сидеть в своей тачке и следить за другим, если ему так хочется. Но ты пошел к этому сыщику. Это твоя ошибка. Эдди этого не любит. Сыщик сказал Эдди, что какой-то тип выслеживает его на сером «плимуте». Эдди, естественно, захотел узнать, в чем дело.

Гарри Джонс тихонько засмеялся.

– А зачем ему это нужно?

– Не твое дело.

– Ты же знаешь, зачем я пошел к этому сыщику. Я тебе это уже говорил. Речь шла о девушке Джо Броуди. Она должна исчезнуть. И рассчитывает на то, что сыщик даст ей немного денег. У меня нет ни цента.

Рокочущий голос спокойно спросил:

– Денег? За что? Сыщики не дают деньги за красивые глазки.

– Этот, может легко достать их. Он знает богатых людей. – Гарри Джонс засмеялся тихим, уверенным голосом.

– Перестань пороть ерунду, малыш! – в рокочущем голосе что-то закрипело, словно песок попал в шарикоподшипник.

– Хорошо. Ты знаешь того сукиного сына, которого прихлопнул Броуди. А тот его сумасшедший сопляк в свою очередь прихлопнул Броуди. Это была чистая работа, но на беду в тот вечер там был Марлоу.

– Старая история, малыш. Он уже рассказал об этом полиции.

– Ну да, но он сказал не все. Броуди пытался подзаработать на снимках младшей Стернвуд. Марлоу узнал об этом. Когда они спорили по этому поводу, в комнату Броуди вошла младшая Стернвуд с револьвером в руке. Она выстрелила в Броуди, но не попала, только разбила окно. Сыщик ни слова не сказал об этом полиции. Агнесса

тоже нет. Вот она и рассчитывает, что получит от него за это немного денег.

– И все это не имеет ничего общего с Эдди?

– А с какой стати?

– Где сейчас Агнесса?

– Это не ваше дело.

– Ты скажешь, скажешь, малыш. Не здесь, так в другом месте, где все ребята обретают желание говорить.

– Она теперь моя девушка, Кэнино. А я не собираюсь втягивать в эту грязь свою девушку. Независимо ни от чьих желаний.

Наступила тишина. Я ясно слышал как капли дождя барабанили в окно. Через щель в двери просачивался сигаретный дым. У меня запершило в горле, потянуло на кашель. Я достал платок и прижал его к губам. Рокочущий голос продолжал все так же спокойно:

– Насколько мне известно, эта маленькая светловолосая девка была для Гейгера дойной коровой. Я должен обсудить это с Эдди. На сколько ты наколол этого сыщика?

– Двести.

– Ты их получил?

Гарри Джон засмеялся.

– Я увижусь с ним завтра. Надеюсь, что получу.

– Где Агнесса?

– Слушай...

– Где Агнесса?

Молчание.

– Взгляни на это, малыш.

Я не шевельнулся. У меня не было оружия. Мне не обязательно было видеть сквозь дверь, чтобы знать, что рокочущий голос предлагал Гарри Джонсу взглянуть именно на оружие. Но я не думал, что Кэнино сделает нечто большее со своим револьвером, кроме как продемонстрирует его. Я ждал.

– Гляжу, – произнес Гарри Джонс таким голосом, будто с трудом цедил слова сквозь сжатые зубы. – И не вижу ничего такого, чего я не видел бы раньше. И не один раз. Давай, жми на курок и тогда увидишь, что это тебе даст.

– Во всяком случае тебе это даст дубовую одежду, малыш.

Молчание.

– Где Агнесса?

Гарри Джонс вздохнул.

– Ну хорошо, – сказал он устало. – Она в доме номер двадцать восемь на Корт-стрит. Комната 301. Что делать, я поступаю как обыкновенный трус. Согласен. Но ради чего я должен был бы свернуть себе на этом шею?

– Нет смысла. Ты рассудительный малый. Сейчас вместе поедем к ней и поболтаем. Если она подтвердит все то, что ты рассказал – тогда порядок. Можешь доить этого своего сыщика, сколько хочешь, мы не будем мешать. Ты не сердись, малыш?

– Нет, – сказал Гарри Джонс. – Не сержусь, Кэнино.

– Отлично. Это надо обмыть. У тебя есть стаканы?

Рокочущий голос был фальшив, как искусственные ресницы кинозвезды и скользкий, как арбузное семечко. Послышался звук выдвигаемого ящика стола, что-то звякнуло. Скрипнул стул. Потом зашаркали по полу подошвы ног и забулькала наливаемая жидкость.

– Чтоб у наших детей были зеленые волосы, – раздался рокот. Послышался короткий резкий кашель, потом звук рвоты. Затем стук, словно кто-то бросил толстый стакан на пол. Я невольно сжал пальцы на плаще.

– Ведь не заболел же ты после одного глотка, парень... Или все же? -вежливо заметил рокочущий голос.

Гарри Джонс не ответил. Несколько секунд слышно было его тяжелое дыхание, потом все поглотила тишина. И снова заскрипел стул.

– До свидания, малыш, – сказал Кэнино.

Шаги, щелчок выключателя – и свет исчез в дверной щели. Открылась и тихо закрылась какая-то дверь, шаги удалялись, неспешные, уверенные.

Я навалился на дверь, открыл ее и посмотрел в темноту, размытую слабым, падавшим из окна сиянием. Слегка поблескивал край стола.

Неподвижная фигура неясно виднелась на стуле у стола. В воздухе витал тонкий удушливый запах, похожий на запах духов. Я подошел к двери, выходящей в коридор, и прислушался. Лифт уже останавливался внизу.

Я нашел выключатель и повернул его. Загорелся висящий под потолком запыленный шар. Гарри Джонс смотрел на меня из-за стола

открытыми глазами, лицо его было искривлено ужасной судорогой, кожа посинела, маленькая черная голова свесилась набок. Он сидел, опираясь на спинку стула. Издалека доносились слабые голоса трамвайных звонков. На столе стояла откупоренная коричневая бутылка виски. стакан Гарри Джонса был на столе, второй стакан исчез.

Я наклонился над бутылкой и слегка вдохнул, одними легкими. Кроме запаха алкоголя чувствовался еще и другой, слабо пробивающийся запах, запах горького миндаля. Гарри Джонс, умирая, вырвал себе на плащ. Цианистый калий.

Осторожно обойдя стол, я взял в руки телефонный справочник, лежавший на подоконнике. Потом положил его, отодвинул от трупа телефон и набрал номер справочного. Ответил чей-то голос.

– Сообщите мне, пожалуйста, номер телефона в комнате номер триста один на Корт-стрит, 28.

– Ожидайте. – Голос донесся до меня как бы рожденный запахом горького миндаля. – Номер телефона, который вы просили: Вентворт 2528.

Я поблагодарил и набрал этот номер. Длинный гудок прозвучал три раза, прежде чем кто-то поднял трубку. Через микрофон ворвался грохот радио, потом кто-то убавил звук. Послышался низкий мужской голос.

– Алло.

– Агнесса дома?

– Нет здесь никакой Агнессы, дружище. Какой номер вы набрали?

Я повторил полученный из справочного номер.

– Номер правильный, но с девушкой что-то не в порядке. Вот незадача, да? – говоривший рассмеялся.

Я положил трубку, снова взял телефонный справочник и нашел номер администрации в доме Агнессы. Своим мысленным взором я видел Кэнино, сквозь дождь спешащего на очередную встречу со смертью.

– Управляющий Скифф. Я вас слушаю.

– Уоллес из регистрационного отдела полиции. У вас прописана девушка по имени Агнесса Лозелль?

– Как вы сказали ее зовут?

Я повторил.

– Если вы сообщите мне свой номер, я вам позвоню...

– Бросьте ломать комедию, – проворчал я. – У меня нет времени.

Живет или не живет?

– Нет, не живет, – голос стал жестче.

– Там есть такая высокая блондинка с зелеными глазами, в этих ваших прокатных комнатах?

– Это никакие...

– Кончайте, – рявкнул я голосом разозлившегося полицейского. – Если вы хотите, я пошлю к вам сержанта, чтобы он как следует перетряхнул все ваше логово. Знаю я эти ваши дома, дорогуша. Особенно те, что с секретными номерами телефонов.

– Я хочу вам помочь, – сказал управляющий. Не сердитесь. Конечно, у нас тут есть несколько блондинок. А где их нет. Но я не проверял цвет их глаз. Ваша блондинка одна?

– Одна или с низеньким парнем, не более метра пятидесяти ростом, пронизательные черные глаза, в двубортном сером костюме, серой шляпе и сером твидовом плаще. По нашим сведениям она занимает апартамент триста первый, но там на мой звонок ответил какой-то весельчак.

– Это и понятно. В этом номере живет пара торговцев автомобилями.

– Спасибо, я приеду поглядеть.

– Не можете ли вы сделать это незаметно? Приехать прямо ко мне?

– Благодарю вас, мистер Скифф, – сказал я и положил трубку.

Я вытер вспотевший лоб. Подошел к стене и остановился, ударив в нее руками. Потом повернулся, чтобы взглянуть на малыша Гарри Джонсона, сидящего на стуле с изменившимся лицом.

– Значит, ты пустил его по ложному следу, Гарри, – громко сказал я. Мне казалось, что я говорю не своим голосом. – Ты обманул его и выпил свою порцию цианистого калия бесстрашно, как рыцарь. Ты умер от яда, как крыса, но для меня ты вовсе не крыса, Гарри.

Мне необходимо было обыскать его. Это была отвратительная работа. Я не нашел в его карманах ничего, связанного с Агнессой, вообще ничего, что могло бы пригодиться. Я и не надеялся, что найду что-нибудь такое, но надо было убедиться. Мистер Кэнино мог

вернуться. Мистер Кэнино принадлежал к тем самоуверенным джентльменам, которые не боятся вернуться на место преступления.

Я выключил свет и уже хотел открыть дверь, как вдруг зазвонил телефон. Я вернулся, включил свет и взял трубку.

– Да.

Раздался женский голос. Ее голос.

– Мне нужен Гарри.

– Сейчас его здесь нет, Агнесса.

Она немного помолчала, затем медленно спросила:

– Кто говорит?

– Марлоу. Заноза в вашем глазу.

– Где Гарри? – резко спросила она.

– Я пришел сюда, чтобы заплатить ему две сотни за одно сообщение. Предложение все еще в силе. Эти деньги у меня. Где вы сейчас находитесь?

– Он вам не сказал?

– Нет.

– Может будет лучше, если вы спросите у него. Где он?

– Я не могу спросить у него. Вы знаете некоего Кэнино?

Послышался ее вздох, такой отчетливый, словно она находилась здесь же, рядом со мной.

– Вам нужны эти две сотни или же нет?

– Я... Они мне очень нужны, мистер.

– Тогда ладно. Скажите, куда мне их привезти.

– Я... – ее голос замер, а через мгновение зазвучал еще громче, словно ею овладела паника: – Где Гарри?

– Испугался и убежал. Скажите, куда я должен прийти. Мне все равно -куда. Эти деньги у меня при себе.

– Я не верю, что Гарри убежал. Это ловушка.

– Глупости! Я давно мог заставить Гарри дать мне ваш адрес. Но у меня не было для этого особых причин. Зачем мне ставить вам ловушку? Кэнино отыскал Гарри. У него что-то было к нему, и Гарри улизнул. Я хочу покоя, вы тоже хотите покоя и Гарри хотел того же. Вот и все.

Гарри уже нашел покой. И никто не нарушит больше его покоя.

– Уж не думаете ли вы, что я работаю на Эдди Марза, ангел мой? – спросил я.

– Н-не-ет... Думаю, нет. Я могу встретиться с вами через полчаса. У входа на стоянку, возле Буллокс-Уилшир, восточное крыло.

– Прекрасно, договорились.

Я положил трубку на рычаг. Волна запаха горького миндаля, смешанная с вонью рвоты, снова нахлынула на меня. Маленький мертвый человек молча сидел на стуле, не боясь уже ничего, не ожидая никаких перемен.

Я вышел из бюро. В грязном коридоре никого не было, ни за одной дверью из листового стекла не горел свет. Я спустился по противопожарной лестнице на первый этаж и посмотрел оттуда на освещенный верх лифта. Затем нажал на кнопку вызова. Кабина медленно и со скрежетом двинулась. Я сбежал вниз по лестнице. Когда я покидал здание, кабина лифта остановилась на первом этаже.

Снова лило как из ведра, тяжелые капли били в лицо. Одна из них попала на язык, и я вдруг понял, что рот у меня открыт, да так широко, что в челюстях ощущалась боль. Совершенно неосознанно, помимо своей воли я скопировал посмертную гримасу, исказившую лицо Гарри Джонса.

Глава 27

– Дайте мне деньги.

Ее голос пробивался сквозь рокот мотора серого «плимута» и звуки барабнящего по крыше дождя. Вдалеке, над зеленоватой массой зданий, виднелась фиолетовая световая дымка, – светлое пятно в темноте над промокшим городом. Она протянула руку, затянутую в черную перчатку. Я вложил в нее банкноты. Она пересчитала их в слабом свете, льющемся от приборной панели. Раздался щелчок замка – сумочка открылась, потом опять щелчок – сумочка закрылась. Женщина испустила глубокий, медленный вздох и наклонилась ко мне.

– Я уезжаю, коп. Это деньги на дорогу. Одному богу известно, как они мне были нужны. Что с Гарри?

– Я же сказал, что он сбежал. Кэнино следил за ним. Забудьте о нем. Я вам заплатил и жду сведений.

– Вы их получите. На прошлой неделе мы с Джо ехали по Футхилл-бульвар. Было уже поздно, и мы включили свет, так как толчея была порядочная. Мы проехали мимо коричневого автомобиля. Я увидела за рулем женщину. Рядом с ней сидел низенький брюнет. А женщина была блондинкой. Я ее уже видела раньше. Это была жена Эдди Марза, а мужчина был Кэнино. Их нельзя не узнать, если уже видел хоть раз. Джо следил за ними, держась впереди их машины. Такой способ слежки был его профессией. Кэнино ехал в качестве охранника, он вывозил ее на свежий воздух. Примерно в миле к востоку от Реалито дорога поворачивает к холмам. На юге находятся апельсиновые плантации, а на севере фабрика, производящая цианистый калий и разные другие ядохимикаты. Возле шоссе расположен небольшой гараж и магазин, торгующий лаками и красками, владельцем которого является некий Арт Хак. По всей видимости гараж служит тайным местом, где прячут краденые автомобили. За гаражом стоит большой дом. Вокруг пустынно, а фабрика ядохимикатов находится на расстоянии в добрых пару миль. Там, в том доме, ее и прячут. Джо повернул, но мы видели, как их автомобиль поехал в сторону мастерской. Мы подождали полчаса, наблюдая за проезжавшими мимо нас машинами. Коричневый

автомобиль больше не появился. Когда стемнело, Джо подкрался туда, чтобы посмотреть поближе. Дом был освещен, слышно юбло, как играет радио, а возле дома стоял только один автомобиль: коричневый. Мы убедились, что наши догадки верны.

Она замолчала. Я прислушался к шелесту шин на мокрой дороге.

– С тех пор они могли сменить район, – сказал я, – но что ж, вы продали мне то, что у вас было для продажи. Вы уверены, что узнали ее?

– Если вы увидите ее хоть раз, то не забудете ее лица. Ну, прощай, сыщик и пожелай мне счастья. До сих пор мне не везло.

– Большого счастья, – сказал я и направился через улицу к своей машине.

Серый «плимут» тронулся и, увеличив скорость, исчез за углом. Звук мотора стих вдаль, а вместе с ним исчезла и пепельноволосая Агнесса, стремящаяся к новой жизни. Убиты трое мужчин – Гейгер, Броуди и Гарри Джонс, а Агнесса неслась сквозь дождь с моими двумя сотнями в сумочке, целая и невредимая, и вне всяких подозрений. Я завел мотор и поехал в центр, чтобы подкрепиться. Там я угостил себя хорошим обедом. Мне еще предстояло совершить сорокамильную вылазку под проливным дождем.

Я поехал на север по направлению к Пасадене. Выехав за город, я оказался среди апельсиновых плантаций. Дождь создавал густую завесу над дорогой. «Дворники» не успевали устранять потоки воды со стекол машины. Меня с шумом обгоняли автомобили, разбрызгивавшие струи воды.

Автострада пролегла через маленький городок, состоящий из больших магазинов и большого железнодорожного разъезда. Апельсиновые посадки редели, дорога поднималась вверх, воздух охладился, а черневшие на севере холмы становились все ближе. С их вершин дул пронизывающий ветер. Наконец я увидел слабо просвечивавшие сквозь темноту два больших желтых фонаря и светящуюся неоновую надпись: «Добро пожаловать в Реалито». Деревянные дома были разбросаны далеко от главной улицы, потом вдруг появился комплекс каких-то магазинов, свет за туманными стеклами бара, несколько автомобилей, стоявших перед кинотеатром, темное здание банка и группа людей, глядевших сквозь дождь в его окна, как будто это было что-то достойное внимания.

Миновав все это я продолжал свой путь и скоро опять оказался в чистом поле.

Примерно через милю за пределами городка дорога сворачивала. Дождь ослепил меня, так что я взял поворот слишком круто. Машина резко стукнулась о бетонную предохранительную полосу. Переднее колесо со свистом спустило. Я не успел затормозить и пробил также правую заднюю шину.

Пришлось остановиться на обочине. Я вылез из машины и зажег электрический фонарик. Два спущенных колеса. А запасное у меня было только одно. Из передней шины торчала головка большого гвоздя. Вся обочина была усыпана гвоздями. Кто-то смел их с дороги, но, к сожалению, недостаточно далеко. Погасив фонарь, я стоял, вдыхая влажный воздух и глядя на желтый свет, горевший в стороне от автострады. Казалось, он пробивается сквозь стеклянную крышу. Стелянная крыша могла быть только крышей мастерской, владельца которой звали Арт Хак, а рядом с гаражом должен был быть дом. Я уткнул подбородок в воротник плаща и сделал шаг вперед. Но потом вернулся, вынул бумаги из ящика в машине, сунул их в карман и нагнулся к рулю. У меня был там тайник, прямо под педалью газа, точно в том месте, где во время езды находилась моя правая стопа. В нем лежали два револьвера. Один принадлежал доверенному слуге Эдди Марза, Лэнни, – другой – мне. Я взял револьвер Лэнни. Он был лучше пристрелян, чем мой. Сунув его во внутренний карман пиджака, стволом вниз, я направился в сторону гаража.

Он находился на расстоянии ста метров от шоссе и был повернут к нему глухой стеной. Я на мгновение включил фонарик и прочел: «Арт Хак. Ремонт и покраска автомобилей». Радостная улыбка появилась на моих губах, но вдруг передо мной возникло лицо Гарри Джонса, и улыбка исчезла. Я кашлянул. Дверь гаража была закрыта, сквозь щель просачивался свет.

Я обошел гараж и увидел деревянный дом. Светились лишь два окна с фасадной стороны, остальные были темные. Дом находился на значительном расстоянии от дороги и его прикрывали деревья. Возле входа стояла машина без стояночных огней и без номерных знаков, но она могла быть коричневой и принадлежать Кэнино.

Время от времени он, вероятно, позволял ей подышать свежим воздухом, вероятно, сопровождая ее при этом и держа наготове

оружие. Женщина, на которой должен был бы жениться Расти Риган и которую Эдди Марз не смог удержать, женщина, которая вовсе не убежала с Расти Риганом.

Я потащился назад к гаражу и забарабанил в деревянную дверь концом фонарика. Наступила гнетущая тишина. Свет внутри погас. Я стоял, дрожа и облизывая с губ дождь. Потом снова забарабанил в дверь. Из-за нее послышался грубоватый голос.

– Что надо?

– Откройте, пожалуйста. По дороге у меня лопнули две шины, а запаска только одна. Мне нужна помощь.

– Очень жаль, мистер. Мастерская закрыта. Реалито отсюда не более мили. Попробуйте там.

Мне это не понравилось. Я сильно заколотил в дверь. Раздался другой голос, рокочущий как маленькое, работающее где-то за стеной динамо. Я обожал этот голос.

– Он не отвяжется. Открой ему, Арт.

Заскрипел засов и одна створка двери открылась внутрь. Свет моего фонаря на мгновение осветил худое лицо. Что-то блеснуло и последовал удар, выбивший фонарь из рук. На меня был наставлен револьвер. Я наклонился и поднял фонарик.

– Выключи это, парень, – произнес грубоватый голос. – Вот так фраера и зарабатывают себе шишки.

Я погасил фонарик и выпрямился. В гараже кто-то включил свет. Он осветил высокого мужчину в комбинезоне. Тот отошел от двери, по-прежнему держа меня на прицеле.

– Войди и закрой дверь, незнакомец. Посмотрим, что с тобой делать.

Я вошел в гараж, закрыл дверь и посмотрел на худощавого мужчину, не глядя на другого, стоявшего в тени возле станка. Воздух в гараже имел сладковатый привкус, дышать было тяжело. Везде чувствовался запах быстросохнущего лака.

– У вас что, не все дома? – выругал меня долговязый. – Сегодня в Реалито ограбили банк.

– Прошу извинить. – Мне вспомнились люди, под проливным дождем глазевшие на банк. – Я не знал об этом. Я здесь проездом.

– Факт остается фактом, – произнес он. – Люди говорят, что это были двое сопляков и они прячутся, где-то в горах.

– Идеальная ночь для ограбления, – заметил я. – Думаю, это они разбросали гвозди. Пара из них воткнулись мне в шины. Похоже, вам придется поработать.

– Тебе еще никто не давал в зубы? – спросил тощий.

– Никто в вашем весе.

Рокочущий голос произнес из темноты.

– Кончай с этими угрозами, Арт. У этого человека неприятности. В конце-концов у тебя авторемонтная мастерская, верно?

– Спасибо, – сказал я, не взглянув на него даже сейчас.

– Ладно, – согласился мужчина в комбинезоне и спрятал револьвер в карман.

Вонь лака напоминала мне нездоровый запах эфира. В конце помещения под слабо светившей лампой стоял обновленный лимузин, на его крыле лежал револьвер.

Только теперь я посмотрел на мужчину, стоявшего возле станка. Он был низкий, мускулистый и плечистый, с холодным, жестким лицом и холодными темными глазами. На нем был коричневый пиджак, порядком промокший от дождя, на голове коричневая шляпа, лихо сдвинутая на затылок. Спиной он опирался на станок и смотрел на меня бесстрастно, как на кусок мороженого мяса. Возможно, он вообще не умел смотреть на людей иначе.

Он медленно опустил темные глаза и осмотрел свои ногти, один за другим, с таким вниманием, как будто показывал рекламный фильм о том, как надо делать настоящий маникюр.

– Два колеса? – Он говорил, не выпуская сигареты изо рта. – Вот не повезло. Я думал, эти гвозди уже убрали.

– Меня немного забросило на повороте.

– Так вы говорите, что проезжали мимо?

– Я путешествую. Еду в Лос-анджелес. Это далеко отсюда?

– Сорок миль. Но в такую погоду кажется больше. Откуда вы едете?

– Из Санта-Розы.

– Долгий путь. Через Тахо и Лоун-Пайн?

– Нет. Через Рено и Карсон-сити.

– Все равно далеко. – Мимолетная фальшивая усмешка скользнула по его губам.

– Это противоречит каким-нибудь законам? – спросил я.

– Что? Ну что вы! Не думайте, что мы чересчур любопытны, это все из-за того ограбления банка... Возьми ключ и почини ему шины, Арт.

– Я занят, – заворчал долговязый. – У меня еще много работы. Надо закончить лакировку. Кроме того, идет дождь, ты не заметил?

Мужчина, одетый в коричневое, вежливо произнес:

– Сейчас слишком сыро для лакирования. Берись за работу, Арт.

– Переднее и заднее колесо с правой стороны. Если у вас много работы, то поставьте мое запасное.

– Залатаешь оба, Арт, – сказал мужчина, одетый в коричневое.

– Послушай... – шумно начал Арт.

Человек в коричневом повел глазами и, прищурившись внимательно посмотрел на него. Он не произнес ни слова. Арт согнулся как будто его ударила мощная воздушная струя, подошел к стене, снял прорезиненный плащ, надел его на комбинезон и натянул на голову зюйвестку. Потом взял монтировку и домкрат.

Вышел он молча, оставив дверь открытой. В нее ворвался дождевой вихрь. Человек в коричневой одежде закрыл дверь и быстро отошел к станку, опершись на него точно в том же месте, что и перед этим. Мы были одни. Он не знал, кто я. Скользнув по мне взглядом, он бросил окуроч на цементный пол и затоптал его, не глядя вниз.

– Ручаюсь, вам надо глотнуть чего-нибудь покрепче, – сказал он. – В такую погоду неплохо промочить горло.

Он взял стоявшую сзади бутылку и поставил ее на край станка вместе с двумя стаканами. Потом наполнил их до половины и подал один мне. Двигаясь как манекен, я подошел и взял его у него из рук. На лице у меня все еще были следы дождя. Воздух в гараже был наполнен тяжелым запахом лака.

– Этот Арт, – пояснил мужчина в коричневом, – такой же, как и все механики. У него всегда полно работы на вчера. Вы путешествуете по делу?

Я осторожно понюхал стакан. Запах был нормальный. Я поглядел, как мужчина отпил глоток из своего, и только тогда выпил сам – медленно растягивая удовольствие и наслаждаясь спиртным. Нет, в нем не было цианистого калия. Опорожнив стакан, я поставил его и отошел.

– Да, частично это путешествие по делам, – сказал я и подошел к наполовину отлакированному лимузину. Дождь барабанил по плоской крыше мастерской. Арт, должно быть, проклинал все на свете.

Человек в коричневом посмотрел на большой автомобиль.

– Честно говоря, над ним пришлось порядочно поработать, – осторожно произнес он своим рокошущим голосом, теперь немного смягченным алкоголем. – Но владелец богатый человек, а его шофер нуждался в деньгах. Вы же знаете, как это бывает.

Губы у меня горели. Разговаривать не хотелось. Я закурил. Если б мои шины были уже готовы!

Минуты тянулись. Мужчина в коричневой одежде и я были парой мимолетных знакомых, только смерть Гарри Джонса стояла между нами. Пока что мужчина в коричневом не знал об этом.

Раздались шаги и дверь гаража раскрылась от толчка. Свет вырвал из темноты дождевые струи, отбрасывавшие серебристые искры. Арт резким движением вкатил два колеса, пинком закрыл дверь и со злостью посмотрел на меня.

– Ну и прелестное же местечко вы нашли себе для стоянки, – проворчал он.

Мужчина в коричневом рассмеялся, вынул из кармана рулончик монет и начал подбрасывать его в руке.

– Не болтай так много, – сухо посоветовал он. – Латай эти камеры.

– Я же латаю, верно?

– Не устраивай вокруг этого столько шума.

– Ха! – Арт снял прорезиненный плащ и зюйдвестку и бросил их в угол. Затем поднял колесо, поставил его на металлическую плиту и раздраженно принялся за работу. Он демонтировал шину, вытащил камеру и заклеил ее холодным способом. С ухмылкой отошел к стене за моей спиной, взял шланг для подачи воздуха и немного надул камеру.

Я стоял и смотрел, как рулончик монет подпрыгивает на руке Кэнино. Прошла минута напряженного ожидания. Я повернул голову, наблюдая за тем, как долговязый механик подбросил надутую камеру и подхватил ее расставленными по сторонам руками. Кисло осмотрел ее, взглянул на большую жестяную ванну с грязной водой, стоявшую в углу, и крикнул.

Должно быть, они здорово сыгрались между собой. Я не заметил никакого сигнала, никакого обмена взглядами. Долговязый держал круглую камеру высоко в воздухе и пристально смотрел на нее. Потом вдруг совершил полуоборот, сделал длинный шаг вперед и через голову надел камеру мне на плечи, так что резиновый круг плотно стянул меня.

Долговязый прыгнул мне за спину и повис на камере. Под его весом она стягивала мне грудь и придерживала предплечья прижатыми к телу. Я мог двигать руками, но не мог достать из кармана револьвер.

Человек в коричневой одежде подошел ко мне почти пританцовывая. Его рука сомкнулась на рулоне с мелочью. Он подошел ко мне бесшумно, с каменным выражением лица. Я наклонился вперед, пытаюсь поднять Арта, сзади стягивавшего на мне камеру.

Кулак с рулоном мелочи пронесся между моими вскинутыми руками, как камень сквозь облако пыли. В глазах у меня засверкали тысячи искр, но сознания я еще не потерял. Он повторил удар. Я уже ничего не почувствовал. Ослепительный свет в моей голове вспыхнул еще ярче и превратился в пронзительную боль. Некоторое время я находился в темноте, где что-то кружилось, словно бактерии под микроскопом. Потом была уже только тьма и пустота, шум ветра и треск огромных падающих деревьев.

Глава 28

Это была женщина, сидевшая близко возле торшера и освещенная его светом. Какой-то другой, резкий свет падал мне на лицо, так что я прикрыл глаза и смотрел на нее сквозь опущенные ресницы. Волосы ее блестели так, что казалось, будто у нее на голове серебряная ваза из-под фруктов. Она была в зеленом, ручной вязки, платье с белым широким воротничком. На полу возле ее ног стояла блестящая сумка с металлическими уголками. Женщина курила сигарету. Высокий, наполненный янтарной жидкостью бокал поблескивал возле ее локтя.

Я осторожно чуть-чуть поднял голову. Она болела, но не сильнее, чем можно было ожидать. Я был связан, как индюк, которого засовывают в духовку. Руки за спиной и в наручниках, от наручников тянулась веревка, стягивавшая ноги. Конец веревки был прикреплен к тяжелой тахте. Я сориентировался во всем этом сразу же, как только попытался двигаться. Тогда, не делая резких движений, я широко открыл глаза и сказал:

– Добрый день.

Женщина послала мне взгляд, словно из-под облаков, повернувшись ко мне маленькой щечкой. Глаза у нее были как два голубых горных озера. Где-то вверху все еще шел дождь, до меня доходил его отдаленный шум, а может, это было что-то другое, не дождь.

– Как вы себя чувствуете? – спокойный серебристый голос, прекрасно гармонирующий с серебристым цветом ее волос. В нем проскальзывало что-то металлически мягкое словно звоночек у двери кукольного домика. Я понял, что поглупел, если думаю об этом.

– Отлично, – ответил я ей. – Только кто-то сбросил мне на голову огромную цистерну.

– А чего вы ожидали, мистер Марлоу? Букета орхидей?

– Только соснового сундука, – ответил я. – Не беспокойтесь, пожалуйста, о фонаре из бронзы или серебра и не бросайте мой прах в голубые воды Атлантики. Я предпочитаю червей. Вы знаете, что червяки двуполые и что один червяк может полюбить другого?

– Вы бредите, – сказала она, серьезно глядя на меня.

– Вас не очень затруднит, если вы отодвинете эту лампу немного в сторону?

Она встала и подошла к стене за тахтой. Свет погас. Я почувствовал большое облегчение.

– Не думаю, что вы так уж опасны, – произнесла она.

Она была высокая, но не как жердь. Очень худощавая, но не как засушенная курица. Она снова села на стул, на котором сидела перед этим.

– Значит, вы знаете, как меня зовут?

– Вы прекрасно спали, так что времени было достаточно, чтобы просмотреть содержимое ваших карманов. Собственно, они сделали все, только забыли забальзамировать вас. Итак, вы детектив...

– И это все, в чем могут меня упрекнуть ваши друзья?

Она не ответила. Дым ее сигареты медленно поднимался вверх. Она разогнала его рукой. У нее были красивые руки, а не просто кости, покрытые кожей, как это бывает у современных женщин. Она искоса глянула сквозь облачко дыма на запястье.

– Который час? – спросил я.

– Семнадцать минут одиннадцатого. У вас свидание?

– Это было бы не так уж удивительно. Мы находимся в доме, расположенном возле гаража Арта Хака?

– Да.

– А что делают ребята? Копают могилу?

– Ушли куда-то.

– Вы думаете, что они оставили нас одних?

Она медленно повернула ко мне голову и с улыбкой повторила.

– Не похоже, что вы были очень уж опасны.

– Я думал, вы здесь такая же узница, как я.

Пожалуй, она не удивилась. Скорее это ее слегка развеселило.

– Почему вы так думаете?

– Я знаю, кто вы.

Голубые глаза блеснули так резко, что в них вспыхнули искорки, холодные и колючие, как блеск кинжала. Она сжала губы, но тон ее голоса не изменился.

– Тогда боюсь, вам придется плохо. А я ненавижу убийства.

– И это говорите вы, жена Эдди Марза? Стыдитесь!

Ей это не понравилось. Она посмотрела на меня внимательнее.

– Если вы не можете снять мои браслеты, чего впрочем, я не советовал бы вам делать, то могли бы, по крайней мере, уделить мне немного этого напитка, которым вы пренебрегаете.

Она взяла бокал. Пузырьки поднялись вверх и исчезли, как несбыточные надежды. Она склонилась надо мной, ее дыхание было нежным, как глаза лани. Я сделал глоток, немного жидкости потекло у меня по шее. Она отодвинула бокал от моих губ. Кровь быстрее заструилась в моих жилах. Она снова наклонилась надо мной.

– Ваше лицо похоже на поле битвы, – сказала она.

– Придется с этим пока что примириться, но пройдет немного времени и я снова буду выглядеть так же, как и раньше.

Она вдруг повернула голову, прислушиваясь. В мгновение ока ее лицо побледнело. Слышен был только шум бьющего в стену дождя. Она прошла через комнату, стала боком ко мне, глядя в пол, и спокойно спросила:

– Зачем вы сюда пришли и зачем рисковали головой? Эдди не причинил вам никакого зла. Вы прекрасно знаете, что если бы я не скрывалась, полиция была бы уверена, что Эдди убил Ригана.

– А он это и сделал, – сказал я.

Она не шевельнулась, не изменила положения тела ни на миллиметр, лишь втянула в себя воздух с прерывистым хрипом. Я оглядел комнату. Две двери, расположенных на одной и той же стене, одна из них приоткрыта. Красный ковер, голубые занавески на окнах, обои в ярко-зеленую елочку. Мебель, производящая впечатление, что кто-то как попало сложил ее в кучу.

– Эдди не сделал ему ничего плохого, – мягко сказала она. – Я уже несколько месяцев не видела Расти. Эдди не такой.

– Вы ушли от него, от его стола и ложа. Ваши соседи узнали на снимке Расти.

– Это ложь, – холодно заявила она.

Я попытался вспомнить, сказал ли мне это капитан Грегори или кто другой, но в голове у меня царил полнейший хаос. У меня не было уверенности.

– А кроме того, это не ваше дело, – добавила она.

– Конечно, мое. Меня наняли для того, чтобы выяснить это дело.

– Эдди не такой.

– Ага, он совсем другой в отличие от остальных его собратьев по профессии.

– Пока будут люди, любящие играть, будут существовать и места, где они смогут играть.

– Вы сами себя обманываете, – сказал я. – Стоит один раз нарушить закон, и навсегда остаешься по другую сторону баррикады. Вы думаете, что он занимается только азартными играми. Я же думаю, что он массово распространяет порнографию, занимается шантажем, торгует краденными автомобилями, является убийцей, поручающим грязную работу другим, и дает взятки коррумпированным полицейским. Он делает лишь то, что ему в данный момент выгодно, и то, из чего можно выжать деньги. Не рассказывайте мне, пожалуйста о грабителях-джентльменах. Такие существуют только в кино!

– Он не убийца! – ее ноздри трепетали.

– Лично – нет. Ведь у него есть Кэнино. Кэнино сегодня вечером по его приказу убил человека, беззащитного маленького парня, который хотел кое-кому помочь бежать. Я видел это почти своими глазами.

Она устало засмеялась.

– Прекрасно, – продолжал я. – Можете не верить этому. Если Эдди такой замечательный человек, я охотно поговорю с ним, но чтобы в это время где-нибудь поблизости не было Кэнино. Вы же отлично знаете, что сделал бы Кэнино: повыбивал бы мне все зубы, а потом заехал бы ногой в живот, если бы я еще смог что-нибудь произнести.

Она откинула голову и стояла, задумавшись, будто принимая какое-то решение.

– Мне казалось, что платиновый цвет волос уже не в моде, – продолжал я лишь затем, чтобы в комнате не царила тишина, лишь затем, чтобы она слышала мой голос.

– Ну и глупый же вы! Ведь это же парик. Пока не отрастут мои собственные. – Она сняла его. Волосы у нее были коротко острижены, как у мальчика. Она снова надела парик на голову.

– Кто это с вами сделал?

Она испуганно взглянула на меня.

– Я сама это сделала. А зачем?

– Вот именно. Зачем?

– Только затем, чтобы доказать Эдди, что я готова исполнить его просьбу: спрятаться. Затем, чтобы ему не надо было стеречь меня. Я не хотела разочаровывать его. Потому, что я люблю его.

– Боже милостивый! – простонал я. – И именно потому я нахожусь с вами здесь, в этой комнате!

Она повернула ладони вверх и осмотрела их. Затем вдруг встала и вышла. Вернулась она с кухонным ножом. Наклонилась надо мной и принялась за работу.

– Ключ от наручников у Кэнино, – прошептала она. – Больше ничем я не могу вам помочь. – Она выпрямилась, тяжело дыша, и разрежала все узлы. – А вы молодец. У вас есть чувство юмора. Вы остриете на каждом слове...

И это в вашем положении...

– Так я и думал, что Эдди не убийца.

Она быстро отвернулась от меня, села на свой стул рядом с торшером и спрятала лицо в ладонях. Я спустил ноги на пол и встал. Одеревенелый, я качался взад и вперед. Нерв с левой стороны лица трепетал каждым волокном. Я сделал шаг. Итак, я еще мог ходить. И смог бы, вероятно, даже бежать, если бы возникла необходимость.

– Мне кажется вы хотите, чтобы я ушел, – сказал я.

Она кивнула, не поднимая головы.

– Было бы лучше, если бы вы пошли со мной, разумеется, если вам дорога жизнь.

– Не теряйте времени. Кэнино может вернуться в любую минуту.

– Прикурите мне, пожалуйста, сигарету.

Я стоял близко к ней и касался ногами ее колен. Она стремительно вскочила. Наши глаза находились на расстоянии каких-то сантиметров друг от друга.

– Эй, серебрянная головушка, – мягко сказал я.

Она обошла стул и взяла со стола пачку сигарет. Вытащила одну и вложила ее мне в рот жестким движением. Ее рука дрожала. Она щелкнула маленькой зажигалкой в кожаном футляре и поднесла огонек к сигарете. Я глубоко затянулся, глядя в два голубых озера. Она все еще стояла близко от меня.

– Меня привел к вам малыш по имени Гарри Джонс. Малыш, посещавший коктейль-бары, чтобы собирать информацию о заездах и конных состязаниях. Он собирал также и другую информацию. Эта

маленькая птичка пронюхала, кто такой Кэнино. Каким-то образом он и его подруга разузнали, где вы находитесь. Он пришел ко мне, чтобы продать мне эту информацию, поскольку знал, – а откуда знал – это уже другой сказ, – что я работаю для генерала Стернвуда. Я заполучил информацию, но Кэнино заполучил маленькую птичку.

Теперь это мертвая птичка с растрепанными перышками, со свешенной головкой и каплей крови на зобике. Кэнино отравил его. Но Эдди Марз никогда ничего подобного не сделал бы, а среброволосая? Он никогда никого не убивал. Он только отдает приказы.

– Убирайся! – хрипло воскликнула она. – Быстро убирайтесь отсюда. – Ее рука сжалась на зеленой зажигалке. Пальцы напряглись, суставы побелели как снег.

– Кэнино не знает, что я знаю об этом, – сказал я. – Он только подозревает, что я здесь что-то вынюхиваю.

Вдруг она засмеялась, но это был почти мучительный смех. Его спазмы сотрясали ее, как ветер дерево. Было, должно быть, в том, что я сказал, что-то новое, необязательно поражающее, но во всяком случае не соответствующее известным ей фактам. Я начал опасаться, что для нее это слишком и что она никогда не перестанет смеяться.

– Как это все смешно, – задыхаясь с трудом произнесла она. – Страшно смешно, потому что понимаете...

Я все еще люблю его. Женщина... – и она снова разразилась смехом.

Я напряженно прислушивался, кровь пульсировала у меня в висках. Все еще этот дождь.

– Идем, – сказал я. – Быстрее.

Она отступила на несколько шагов. На ее лице появилось решительное выражение.

– Иди отсюда, ты... Ну уходите же. Пешком вы сможете дойти до Реалито. За час или два. И держите язык за зубами. Это самое большее, что вы можете сделать для меня.

– Идем, – повторил я. – У вас есть какое-нибудь оружие, серебряная головушка?

– Вы же знаете, что я никуда не пойду. Очень хорошо знаете. Умоляю, уходите отсюда быстрее, умоляю!

Я подошел совсем близко, почти коснулся ее.

– Вы хотите остаться здесь, позволив мне бежать? Вы хотите дожидаться здесь, пока не вернется убийца, и сказать ему: мне очень жаль? Субчику, для которого человек значит столько же, сколько муха? Вот уж нет. Вы пойдете со мной, серебряная головушка.

– Нет.

– Допустим, – убеждал я, – что это ваш красивый муж убил Расти Ригана. Или допустим, что это сделал Кэнино без ведома Эдди. Просто допустим. Сколько вы еще проживете после того, как поможете мне бежать?

– Я не боюсь Кэнино. Я все еще жена его шефа.

– У Эдди полные портки страха, – рявкнул я. – Когда-нибудь в будущем Кэнино прихлопнет его, как кот канарейку, и глазом не моргнет. Как странно, что такая женщина, как вы, до безумия любит такого обыкновенного труса!

– Прочь отсюда! – она чуть не бросилась на меня.

– Ладно, – я отвернулся от нее и вышел через открытую дверь в темную прихожую.

Она пробежала мимо меня, широко распахнула входную дверь дома и всмотрелась во влажную тьму. Прислушалась, а затем отодвинулась, давая мне возможность выйти.

– До свидания, – сказала она, почти не дыша. – Желаю вам успехов во всем. Вы правы во многом, кроме одной вещи. Эдди не убивал Расти Ригана. Вероятно, вы найдете Расти живого и здорового, естественно, тогда, когда ему станет выгодно, чтобы его нашли.

Я прислонился к ней и всем телом прижал ее к стене, а губами коснулся лица. И начал говорить, не меняя положения.

– Не зачем спешить, серебряная головушка. Это все было спланировано до мельчайших подробностей и подготовлено самым тщательным образом, может быть, даже состоялась генеральная репетиция с точностью до секунды. Как в радиопрограмме. Так что мне вовсе не обязательно спешить. Поцелуй меня, серебрянная головушка.

Ее лицо под моими губами было холодное, как лед. Она подняла руки, обняла мою голову и крепко поцеловала меня в губы. Ее губы тоже были, как лед.

Я вышел. Дверь бесшумно закрылась за мной. Дождевые капли били мне в лицо, но они были не так холодны, как ее губы.

Глава 29

В гараже было темно. Я прошел наискосок по подъездной дорожке и по газону. По шоссе сплошным потоком текла вода, придорожные канавы были пепепополнены ею. Я был без шляпы. Вероятно, потерял ее в гараже во время драки. Естественно, Кэнино не потрудился надеть мне ее на голову. Он считал, что она будет мне уже не нужна. Я представил, как он быстро едет один сквозь потоки дождя после того, как поставил украденную машину в безопасное место и высадил долговязого надувшегося Арта. Она любила Эдди Марза и спряталась, чтобы защитить его. Кэнино нашел бы ее на том же месте, спокойно сидящей на стуле под торшером, с бокалом виски, которое она даже не попробовала, и со мной, привязанным к тахте. Вероятно, он отнес бы ее вещи в машину и тщательно проверил, не остались ли после нее в доме какие-нибудь следы. Потом велел бы ей выйти и подождать. Она могла бы вообще не услышать выстрела. Глушители очень эффективны на небольшом расстоянии. Вероятно, он сказал бы ей, что оставил меня связанного и что через определенное время мне удастся освободиться самостоятельно. Так он представил бы все это, считая ее глупой гусыней. Очаровательный мистер Кэнино.

Дождевик на мне был распахнут, и я не мог застегнуть его, пока был в наручниках. Его полы били меня по ногам, словно крылья огромной усталой птицы. Я вышел на шоссе. Машины с шумом проезжали мимо в водяных потоках, освещаемых фарами. Я нашел свой автомобиль там, где оставил его. Оба колеса были отремонтированы и поставлены на место, так что в любую минуту можно было садиться и ехать. Они подумали обо всем. Я сел в машину, растянулся на сиденьи, боком втиснувшись под руль, и отогнул резиновый коврик, прикрывавший тайник. Взял оставленный там второй револьвер, прикрыл его плащом и направился назад к дому. Мир вокруг был маленьким, темным, ограниченным и мрачным – наш личный маленький мир, Кэнино и мой. На полпути меня чуть не осветили фары его автомобиля, круто свернувшего с шоссе на боковую дорогу. Я прыгнул в кювет и пригнулся, нахлебавшись при этом воды. Автомобиль пронесся мимо, не останавливаясь. Подняв голову, я

услышал скрипучий звук шин; автомобиль сворачивал с полевой дороги на подъездную дорожку возле дома. Наконец шум мотора стих, фары погасли, хлопнула дверца. Звука открываемой двери я не услышал, но сквозь редкие деревья прорвалась короткая вспышка, как будто кто-то зажег в холле свет.

Я снова выбрался на мокрую траву и побрел по ней. Автомобиль стоял между мной и домом, револьвер я держал сбоку, засунув его под плащ, насколько это было возможно. Свет внутри автомобиля не горел, он был пустой и теплый. В радиаторе приятно булькала вода. Через стекло дверцы я заглянул внутрь. Ключ торчал в замке зажигания. Кэнино был очень уверен в себе. Я обошел автомобиль, осторожно ступая по щебенке, подошел к окну и прислушался. Не слышно было никаких голосов, только бесконечное быстрое тук-тук дождевых капель, стучащих в металлических коленцах водосточных труб.

Я все время прислушивался. Никаких громких голосов, все тихо и культурно. Вероятно, Кэнино заворчал на нее этим своим рокочущим голосом, а она ответила, что позволила мне бежать и что я обещал забыть обо всем и тоже дать им возможность скрыться. Естественно, Кэнино поверил мне так же, как и я ему. Так что долго они в доме не останутся. И он возьмет ее с собой. Поэтому не оставалось ничего другого, как подождать, пока они выйдут.

Но кто знает, сколько придется ждать? Я взял револьвер в левую руку, наклонился, набрал горсть щебенки с дорожки и швырнул ее на сетку от насекомых. С наручниками это вышло у меня не очень ловко, и все же, хотя в стекло над сеткой попало всего несколько камешков, но и они загрохотали, как волна, ударившая в плотину.

Я побежал назад к машине. В доме по-прежнему царил темнота. Вот и все, чего я достиг. Я сел на подножку и стал ждать. Ничего не вышло. Кэнино слишком осторожен.

Через некоторое время я встал и задом сел в машину. Нащупал ключ в замке зажигания и повернул его. Ногой попытался найти кнопку стартера, но неудачно. Она оказалась на приборной доске. Прогретый мотор завелся сразу же. Он работал тихо и размеренно. Я вылез из машины и залег возле задних колес.

Мне было холодно, и я дрожал всем телом, но знал, что таким образом выманю Кэнино из дома. Без машины тут было не обойтись. Одно из неосвещенных окон медленно, сантиметр за сантиметром,

приоткрылось -только легкие блики на стекле выдавали это движение. Из окна внезапно вырвалось пламя и раздались три оглушительных выстрела. В машине со звоном посыпалось стекло. Я вскрикнул, словно смертельно раненый. Мой крик перешел в предсмертный стон. Стон сменился тихим хрипом, приглушенным текущей кровью. Хрип закончился последним прерывистым вздохом. Хорошая работа. Мне это понравилось. Кэнино тоже, даже очень. Я услышал его смех. Громкий, шумный смех, вовсе не рокошующий.

С минуту царил тишина, слышался лишь стук дождевых капель по обшивке машины и рокот ее мотора. Наконец открылась дверь – черная дыра в темноте. Какая-то фигура с чем-то белым, обмотанным вокруг шеи, осторожно вышла наружу. Это был ее воротничок. Она спустилась по ступенькам веранды, двигаясь словно деревянная кукла. Слабо поблескивал в темноте ее серебрянный парик. Кэнино, пригнувшись шел сзади, прикрываясь ею. Это зрелище было настолько трагично, что скорее казалось смешным.

Она спустилась вниз. Теперь уже было видно ее бледное неподвижное лицо. Направлялась она к машине. Прикрытие для симпатичного мистера Кэнино на случай, если бы я еще был в состоянии плюнуть ему в глаза. Я услышал ее безжизненный голос, пробивающийся сквозь шелест дождя:

– Я ничего не вижу, Лаш. Окна запотели.

Он заворчал, и тело женщины дернулось, как будто кто-то ткнул ей в спину револьвером. Она приблизилась к неосвещенному автомобилю. Теперь я отлично видел его за нею, его шляпу, профиль, плечи. Вдруг женщина остановилась и вскрикнула. Великолепный, резкий крик, пронзивший меня до самых туфель.

– Я его вижу, Лаш! – кричала она. – В окно! Он сидит за рулем!

Он попался на крючок, как рыба на приманку. Грубо оттолкнул ее и бросился вперед, вскинув руку. Еще три снопа пламени прорезали темноту. Снова раздался звон разбитых стекол. Но мотор продолжал спокойно работать. Одна пуля прошла насквозь и ударила в дерево рядом со мной, со стоном отришетировав.

Сгорбившись, он стоял в темноте и прислушивался, лицо его казалось серым пятном, так как мои глаза после вспышек выстрелов медленно привыкали к темноте. Если у него был револьвер, то он уже расстрелял все патроны, если только не подзарядил его в доме. Честно

говоря, я предпочел бы, чтобы его оружие было заряжено. Не хотелось мне убивать безоружного.

– Готово? – спросил я.

Он резко повернулся ко мне. Возможно, надо было позволить ему сделать еще один или два выстрела, как это водилось между джентльменами доброй старой школы. Но его револьвер все еще был поднят и направлен в мою сторону, и я не мог больше ждать. По крайней мере не столько, чтобы оказаться джентльменом старой школы. Я выстрелил в него четыре раза, прижав кольт к ребрам. Револьвер вылетел из моей руки, как будто кто-то выбил его ногой. Кэнино схватился обеими руками за живот. Слышно было как его руки хлопнули по телу. Потом он так и упал прямо вперед, прижав широкие ладони к животу и зарывшись лицом в мокрую траву. И даже не вскрикнул.

Серебряная головушка тоже не вскрикнула. Она стояла, напряженно застыв на месте, а дождь хлестал ее тело. Я обошел труп Кэнино и отшвырнул ногой его револьвер, не знаю зачем. Потом подошел и поднял его, оказавшись вплотную к ней.

– Я боялась...

Боялась, что вы все же вернетесь, – грустно сказала она.

– У нас было свидание. Ведь я же сказал вам, что все было оговорено заранее. – Я начал смеяться, как ненормальный.

Она наклонилась и стала обыскивать его. Потом выпрямилась, держа в руке маленький ключик на тонкой цепочке.

– Зачем вы его убили? Разве иначе было нельзя?

Я перестал смеяться так же внезапно, как и начал. Она подошла ко мне и сняла наручники.

– Хотя, – сказала она мягко, – я думаю, что иначе нельзя было.

Глава 30

Наступил новый день и снова светило солнце. Капитан Грегори из розыскного отдела смотрел в окно, внимательно разглядывая плоскую крышу здания суда, чистую и освеженную дождем. Наконец он грузно повернулся в своем вращающемся кресте, набил трубку табаком, умял его большим пальцем, желтым от никотина, и хмуро глянул на меня.

– Ну что ж, значит вы опять попали в неприятную историю.

– О, вы уже слышали об этом?

– Дорогуша, я целый день просиживаю здесь штаны и выгляжу так, будто в голове у меня пусто. Но вы удивились бы, если бы знали, как много мне приходится слышать. Вы правильно сделали, что ликвидировали наконец этого Кэнино. Но я опасаюсь, что люди из отдела убийств не повесят вам за это орден на грудь.

– Мне в последнее время приписывается немало убийств, но мое участие в них было не так уж велико, – заметил я.

Он терпеливо улыбнулся.

– Кто вам сказал, что находившаяся там женщина – жена Эдди Марза?

Я рассказал ему. Он выслушал и зевнул, прикрыв рот, наполненный золотыми зубами, ладонью величиной с поднос.

– Естественно, вы считаете, – сказал он затем, – что найти ее – это была моя обязанность?

– Разумный вывод.

– Возможно, я и знал, где она находится, – медленно начал он, – но если Эдди Марз и его жена решили вести такую игру, то самое лучшее, по-моему, было дать возможность поверить, что она удалась. А может, вам кажется, что я оставил Эдди в покое по чисто личным соображениям? – Он протянул ко мне свою мощную лапу и сделал пальцами движение, как будто считал деньги.

– Нет, – ответил я. – Честное слово, я так не думал. Даже, когда Эдди Марз дал мне понять, что знает о нашем разговоре...

Накануне нашей встречи с ним.

Он сдвинул брови так, словно это его страшно утомляло и он потерял сноровку – его старый испытанный трюк. Кожа у него на лбу

густо сморщилась, а когда снова разгладилась, на ней остались тонкие белые полосы, быстро покрасневшие, так как я смотрел на него.

– Я полицейский, всего лишь обыкновенный полицейский. В меру порядочный. Порядочный настолько, насколько этого можно требовать от человека, живущего в мире, где порядочность вышла из моды. Я потому вас и вызвал сегодня утром. Хотелось бы, чтобы вы поверили мне, что как полицейский я рад, если закон побеждает. Ничто так не утешило бы мой взгляд, как откормленный и разодетый Эдди Марз, обламывающий свои ухоженные ноготочки в каменоломнях в Фольсоне, работающий рядом с мелким воришкой из трущоб, схваченным за первое же преступление и с тех пор не получившего ни одного шанса жить честно. Это то, о чем я мечтаю. Но и вы, и я уже порядочно прожили на свете и слишком стары, чтобы верить, что это может случиться. Во всяком случае не в этом городе, и не в другом, вдвоеменьшем, и ни в каком-либо другом месте великих зеленых и прекрасных Соединенных Штатов. Так уж устроен наш мир.

Я молчал. Он наклонил голову, выпустил облако дыма, посмотрел на свою трубку и продолжал:

– Но это не значит, что я верю в виновность Эдди Марза. В то, что он прихлопнул Расти Ригана или что у него был для этого повод. Просто я считаю, что он что-то знает обо всей этой истории и рано или поздно проболтается. Конечно, с его стороны это было обыкновенное ребячество -прятать свою жену в Реалито, но ребячество, типичное для человека, который считает себя умнее других. Я принимал его у себя в бюро вчера вечером, после того как с ним разговаривал прокурор. Он во всем признался. Сказал, что Кэнино хороший телохранитель и поэтому он нанимал его время от времени. О его забавах не имел понятия и ничего не хотел знать. Гарри Джонса и Броуди он не знал, Гейгера хотя и знал, но ему ничего не было известно о том, чем тот занимался... Мне кажется, вы тоже все это уже слышали.

– Конечно.

– Должен признать, – продолжал Грегори, – что там, в Реалито, вы разыграли все как по нотам. И правильно делаете, что сейчас ничего не пытаетесь скрыть. Мы ведем картотеку неидентифицированных пуль. Однажды вы еще раз применили бы свой кольт и наверняка запутались бы.

– Действительно, ловко я это разыграл, – согласился я, иронически глядя на него.

Он выбил пепел из трубки и задумчиво посмотрел на нее.

– Что стало с женщиной? – спросил он, не поднимая глаз.

– Не знаю. Ее не задержали. Мы подписали три разных протокола: для Уайльда, для шерифа и для отдела убийств. Ее отпустили. Больше я ее не видел и не надеюсь увидеть.

– Говорят, это была хорошая девчонка, одна из тех, кто не хочет участвовать в грязных делах. – Капитан Грегори вздохнул и взъерошил реденькие усики. – Хочу сказать вам еще кое-что. Вы тоже похожи на хорошего парня, но играете слишком остро. Если вы действительно хотите помочь семье Стернвудов, то оставьте их в покое.

– Мне кажется, вы правы, капитан.

– Как вы себя чувствуете?

– Замечательно, – ответил я бодрым голосом. – Большую часть ночи я простоял на коврах кабинетов на допросах. А перед этим промок до нитки и был избит до потери сознания. Я в превосходной форме.

– А чего вы, черт возьми, ожидали?

– Ничего другого.

Я встал, улыбнулся ему и направился к двери. Взявшись за ручку, я услышал, как он откашлялся и сухо сказал:

– Вы считаете, что я не слишком стараюсь, да? Вам все еще кажется, что вы сможете отыскать Ригана?

Я повернулся и посмотрел ему прямо в глаза.

– Нет, я не думаю, что могу отыскать Ригана. И даже не буду пытаться. Это вас устраивает?

Он медленно кивнул, потом пожал плечами.

– Честно говоря, не знаю, какого черта я все это сказал. Успехов, Марлоу. Моя дверь всегда открыта для вас.

– Благодарю, капитан.

Я вышел на улицу, сел в машину и поехал домой, в «Хобарт Армз». Там я сбросил плащ, растянулся на кровати и уставился в потолок, прислушиваясь к звукам уличного движения и наблюдая за солнечными лучами, медленно ползущими по потолку. Все мои попытки заснуть ни к чему не привели. Тогда я встал и сделал себе коктейль, хотя время для этого было неподходящее. Потом снова лег,

однако заснуть не мог. В голове у меня стучало. Я сел на кровати, набил трубку и громко сказал сам себе:

– Этот старый хитрец что-то знает.

Дым казался мне горьким, как обман. Я положил трубку и снова растянулся на кровати. Мысленно продираясь сквозь нагромождения воспоминаний – я снова и снова делал одно и то же, посещал одни и те же места, встречался с одними и теми же людьми, говорил им одни и те же слова, все снова и снова, и каждый раз это было настолько реально, как будто только что произошло, как будто происходило сейчас.

Я ехал с «Серебряной головушкой», ведя машину по автостраде с большой скоростью. «Серебряная головушка», забившись в угол, молчала до самого Лос-Анджелеса, так что мы казались чужими друг другу людьми. Я позвонил из открытого всю ночь бара Берни Ольсу и сообщил ему, что убил в Реалито человека и что сейчас еду домой к прокурору Уайльду вместе с женой Эдди Марза, которая видела, как я это сделал. Тихими, вымытыми дождем улицами я доехал до большого дома Уайльда, окна которого уже светились: Ольс успел позвонить прокурору, предупредив, что я еду. Потом я сидел в кабинете напротив закутанного в цветастый халат прокурора, с сосредоточенным жестким выражением лица подносившего сигару к искривленным горькой улыбкой губам. Там был Ольс и еще какой-то худощавый человек с бесстрастным лицом, выглядевший и выражавшийся скорее как профессор, чем как полицейский. Я рассказал, что произошло, а они молча слушали, вместе с «Серебряной головушкой», сидевшей в полутени, со скрещенными на коленях руками и не глядевшей ни на кого из нас. Потом было много телефонных звонков, а потом приехало двое парней из отдела убийств, которые смотрели на меня так, будто я был опасным зверем, сбежавшим из бродячего цирка.

Потом я снова ехал рядом с одним из них и снова находился в комнате, где с лицом, стянутым предсмертной судорогой, сидел Гарри Джонс, а в воздухе плавал горьковато-сладкий запах. Там уже находился полицейский врач, молодой и здоровый, с шеей, заросшей рыжеватыми волосами. Был там также специалист по снятию отпечатков пальцев, рыскающий вокруг, и это именно он нашел отпечаток большого пальца Кэнино – единственный отпечаток, оставленный одетым

в коричневое мужчиной, единственный, который мог подтвердить мое изложение событий, происшедших здесь.

Потом я снова был в доме Уайльда, где подписал принесенный секретаршей из другой комнаты протокол. Потом открылась дверь, вошел Эдди Марз, и внезапная улыбка осветила его лицо, когда он увидел «Серебряную головушку». «Привет золотце», – сказал он, но она ему не ответила, даже не взглянула на него. Эдди Марз, свеженький и оживленный в темном костюме. Потом все вышли, все, кроме меня и Уайльда, и Уайльд произнес холодным злым голосом: «Все, Марлоу, это последний раз. Если вы совершите еще один такой подвиг, я отправлю вас в тюрьму, несмотря на то, разобьет это кому-нибудь сердце или нет».

И вот так я повторял все сначала, лежа на кровати и наблюдал за солнечными пятнами на потолке.

Вдруг раздался телефонный звонок. Ко мне обратился Норрис, слуга Стернвудов, этим своим полным благовоспитанности голосом:

– Это мистер Марлоу? Я звонил вам в бюро, но безрезультатно, поэтому позволяю себе побеспокоить вас дома.

– Я всю ночь был в дороге, – пояснил я, – поэтому и отсутствовал в бюро.

– Да, сэр. Генерал очень хотел бы встретиться с вами сегодня утром, мистер Марлоу, разумеется, если у вас есть такая возможность.

– Я буду примерно через полчаса, – ответил я. – Как он себя чувствует?

– Лежит в постели, но чувствует себя неплохо, сэр.

– Посмотрим, как он почувствует себя, после того как увидит меня, – сказал я и положил трубку.

Я встал, побрился и сменил одежду. Взял маленький револьвер Кармен с рукоятью, инкрустированной перламутром, и сунул его в карман. Солнце светило ярко и весело. Через двадцать минут я оказался в усадьбе Стернвудов. В подстриженных деревьях ошалело пели птицы, террасные газоны зеленели после дождя как ирландские флаги, и вообще вся усадьба выглядела так, словно была построена десять минут назад. Я позвонил. Впервые я оказался здесь пять дней назад, а мне казалось, что с тех пор прошел год. Открыла мне служанка, провела в холл и удалилась, сообщив, что Норрис появится здесь через пару секунд. Холл выглядел точно так же, как и раньше. У

портрета, висевшего над камином, были те же жгучие черные глаза, а рыцарь на витраже все еще пытался, – ничего не предпринимая для этого всерьез, – отвязать нагую даму от дерева.

Через несколько секунд появился Норрис. И он тоже не изменился. Взгляд его голубых глаз, как обычно был полон отстраненности, розоватая кожа казалась свежей и здоровой, а двигался он так, будто был на двадцать лет моложе, чем на самом деле. Если из нас двоих кто и ощущал бег времени, то это был я.

Мы поднялись по лестнице и свернули в сторону, противоположную спальне Вивиан. С каждым шагом дом казался мне все тише и больше. Мы подошли к массивной старой двери, похожей на церковную дверь. Норрис осторожно открыл ее. Пройдя в нее, я оказался на чем-то, похожем на ковер, площадью в четверть гектара, и зашагал по нему к большому ложу, напминавшему то, в котором умер Генрих VIII.

Генерал Стернвуд сидел на кровати, опираясь на подушки. Мертвенно бледные руки сжимали конец покрывала и благодаря его белизне казались грязновато-серыми. Огонек жизни все еще светился в черных глазах, хотя лицо уже было лицом трупа.

– Садитесь, мистер Марлоу, – сказал он слегка усталым, словно деревянным голосом.

Я пододвинул стул к кровати и сел. Все окна были закрыты, малейший лучик солнца не проникал сквозь шторы. В воздухе витал сладковатый запах старости.

Некоторое время генерал молча смотрел на меня. Наконец, подняв руку так, словно хотел проверить, может ли еще двигать ею, он произнес.

– Мистер Марлоу, я не просил вас, чтобы вы разыскивали моего зятя.

– Но ведь вы меня наняли.

– Но об этом я вас не просил. Вы взяли на себя слишком много. Я привык говорить, если хочу чего-то.

Я не ответил.

– Я заплатил вам, – холодно продолжал он. – Деньги тут, впрочем, не имеют значения. Я расцениваю это так, как если бы вы, без сомнения, не жкая того, злоупотребили моим доверием. – Произнеся эту реплику, он закрыл глаза.

– Вы вызвали меня сюда для установления этого факта? – спросил я.

Он медленно открыл глаза, словно веки его были свинцовые.

– Мне кажется, вас задело это замечание.

Я тряхнул головой.

– У вас передо мной преимущество, генерал. Я не хочу отнимать его у вас. Можете говорить мне все, что пожелаете, а я наверняка не обижусь и не буду злиться. Я хотел бы предложить вам взять деньги обратно. Я знаю, что для вас это не имеет значения, но для меня, наоборот, имеет определенное значение.

– Какое?

– Для меня это значит, что я отказываюсь принять плату за поручение, которое не смог выполнить так, чтобы удовлетворить заказчика. Вот и все.

– У вас часто бывают такие поручения?

– Бывают. Как и у всех.

– Почему вы пошли к капитану Грегори?

Я откинулся на стуле и перевесил руку через его спинку, вглядываясь в лицо генерала. Я не прочел в нем ничего. У меня не было ответа на его вопрос. Удовлетворительного ответа.

– Я был уверен, что вы передали мне вексель Гейгера, чтобы испытать меня, – сказал я. – И что вы опасались, что Риган мог быть как-то замешан в шантаже. Тогда я еще ничего не знал о Ригане. Лишь после разговора с капитаном Грегори мне стало понятно, что участие такого человека как Риган, в этом деле исключено.

– Это вовсе не ответ на мой вопрос, – прервал меня генерал.

Я кивнул.

– Да, это, собственно, не ответ на ваш вопрос. Просто мне не очень хочется признаваться, что во всем этом деле я был не очень искренен по отношению к вам. Когда в первый день после встречи с вами я выходил из помещения для орхидей, за мной послала миссис Риган. Похоже, она была уверена, что вы наняли меня для поисков ее мужа. Казалось, она не в восторге от этого. В разговоре со мной у нее нечаянно вырвалось, что «они нашли машину Ригана в одном из окрестных гаражей». Этими «они» могла быть только полиция, а значит полиции было что-то известно. Если так, то дело относилось к розыскному отделу. Разумеется, я не знал, вы заявили туда об

исчезновении Ригана или кто-то донес об этом или же просто сообщил о брошенном в гараже автомобиле. Но я знаю полицейских и знаю, что если им уже известно что-то, то они узнают еще что-нибудь, особенно, если у вас есть водитель, который уже был судим. Я не знал, много ли уже известно полиции, поэтому решил пойти туда. В правильности этого шага меня убедила позиция прокурора Уайльда в ту ночь, когда в его доме обсуждалось дело Гейгера. Некоторое время я был с ним с глазу на глаз. Он спросил меня тогда, поручили ли вы мне искать Ригана. Я ответил, что в разговоре со мной вы упомянули, что охотно узнали бы, где он находится и хорошо ли ему живется. Прокурор Уайльд сжал губы и соорил странную мину. Мне стало ясно, что говоря о «поисках Ригана», прокурор имел ввиду пуск в движение всего большого полицейского механизма. Поэтому, разговаривая с капитаном Грегори, я старался не сказать ничего, о чем бы он уже не знал.

– То есть вы оставили капитана Грегори в убеждении, что я поручил вам искать Ригана?

– Собственно, да, – признал я, – но лишь тогда, когда убедился, что он и так знает это дело.

Генерал прикрыл дрожащие веки.

– Вы считаете, что это этично? – спросил он, не открывая глаз.

– Да. Я считаю, что да.

Его глаза снова открылись. Их живая чернота контрастировала с мертвенной бледностью лица.

– Может быть, я не так вас понял, – медленно произнес он.

– Быть может, – сказал я. – Начальник розыскного отдела не болтун. Он не занимал бы свой пост, если бы был пустомелей. Это исключительно умный и осторожный человек, поначалу небезуспешно старающийся предстать перед вами этаким чинушей в возрасте, которому осточертела его работа. Но моя работа – это не игра в домино и не испытание на выдержку. Очень часто она сочетается с блефом. Если я что-то говорю полицейскому, любому полицейскому, то должен считаться с тем, что он может это использовать. А капитану Грегори было совершенно безразлично, что я говорил. Если вы нанимаете кого-нибудь моей профессии, то дело в данном случае обстоит несколько иначе, чем заказ на чистильщика окон, которому вы укажете восемь оконных рам и скажете: «Вымойте вот это и вы свободны», – и на этом

конец. Вы не знаете, что я должен проделать, устроить, обойти и о чем-то умолчать, чтобы исполнить порученное мне задание. Я делаю это очень индивидуально. И прилагаю все силы, чтобы защитить интересы клиента, в данном случае ваши, и ежели при этом перехожу определенные границы, то тоже только ради вас. Допустим, приходит ко мне клиент, а потом оказывается, что он негодяй. Даже и тогда мне не остается ничего другого, как отказаться от задания и держать язык за зубами. А кроме того, прошу не забывать, что вы не запрещали мне посещать капитана Грегори.

– Трудно было бы запретить вам что-нибудь, – сказал он.

– Так что же я, по-вашему, сделал не так? Ваш лакей Норрис считал, что со смертью Гейгера дело улажено. У меня совсем другое мнение. Методы Гейгера были мне отвратительны. Я не Шерлок Холмс и не Фил Вэнс. И не питаю надежды на то, что осмотрев место, уже исследованное полицией, найду там поломанную авторучку и восстановлю по ней весь ход событий. Если вы думаете, что существует какой-нибудь детектив, зарабатывающий на жизнь именно так, то вы не очень хорошо ориентируетесь в работе полиции. Полиция исследует все очень тщательно и подробно и редко случается, что она что-нибудь пропускает. Разве что смотрит на дело сквозь пальцы. Она не поступила, как следовало бы, в отношении такого человека, как Гейгер, человека, который посылает долговые расписки и просит считать их долгом чести. Гейгер, человек замешанный в подозрительные дела и с подозрительным положением, тем не менее охраняется полицией. Почему он поступил так, как поступил? Просто хотел выяснить сможет ли шантажировать вас и в дальнейшем. Он понимал, что если нет, то вы оставите без внимания его требование. Однако был некто, через кого он мог оказать на вас давление. Это Риган. Гейгеру казалось, что вы опасаетесь, не является ли Риган кем-то другим, не тем, кем вы его считаете, и что он был хорошим и вертелся вокруг вас лишь до тех пор, пока не нашел способ дойти ваш банковский счет. – Я видел, что генерал хочет прервать меня, но не дал ему сделать это и продолжал:

– Дело было не в деньгах, вас это не беспокоит. Дело даже не в ваших дочерях. Рано или поздно вы все равно все завещаете им. Во всем этом было нечто совершенно иное: ваша гордость и то, что вы действительно любили Ригана.

Воцарилась тишина.

Через некоторое время генерал тихо произнес:

– Вы чертовски много говорите, Марлоу! Должен ли я считать, что вы по-прежнему пытаетесь разгадать загадку?

– Нет. Я оставил эти попытки. Меня предостерегли, что люди из полиции считают мои действия чересчур решительными. Поэтому я и подумал, что должен вернуть вам деньги. По моим критериям ваше задание мною не выполнено.

Он улыбнулся.

– Вы говорите глупости. Я заплачу вам тысячу долларов, если вы отыщите Ригана. Он не обязан возвращаться ко мне. Мне не обязательно знать, где он. Человек имеет право жить, как ему нравится. У меня нет к нему претензий за то, что он не мог долго выдержать с моей дочкой, и даже за то, что он так внезапно ушел. Вероятно он поступил так, под влиянием момента. Я только хочу знать, все ли у него в порядке, где бы он ни был. Хочу иметь сведения из первых рук. Если, случайно, ему нужны деньги, хотелось бы, чтобы он их получил. Я выразился достаточно ясно?

– Да, генерал, – ответил я.

С минуту он отдыхал, тело его расслабилось, глаза с темными веками, закрылись, узкие губы казались почти бескровными. Потом открыл глаза и попытался улыбнуться мне.

– Мне кажется, – заметил он, – что я старый сентиментальный осел. Это совершенно не по-военному. Я привязался к этому парню. Он казался мне порядочным. В будущем следует осторожнее оценивать людей. Сделайте это для меня, Марлоу, найдите его!

– Попробую, генерал, – ответил я. – Но сейчас вам надо отдохнуть.

Я встал и по обширному полу направился к двери. Прежде чем отворить дверь, я увидел, как он закрыл глаза. Его руки безжизненно лежали на одеяле. Он был похож на умершего болие, чем настоящий мертвец.

Я тихо затворил дверь и через холл пошел к лестнице.

Глава 31

Лакей появился с моей шляпой. Я надел ее и спросил:

– Что вы думаете о его состоянии?

– Он не так слаб, как выглядит, сэр.

– Если бы так было, то он уже созрел бы для похорон. Каким образом Риган до такой степени завоевал его любовь?

Лакей посмотрел на меня подозрительно спокойно.

– Генералу импонировали его молодость и солдатский взгляд, мистер.

– Такой как у вас, – заметил я.

– Если позволите мне это сказать, сэр, похожий на ваш.

– Спасибо. Как чувствуют себя дамы?

Он деликатно пожал плечами.

– Я так и думал, – обронил я, а он отворил передо мной дверь.

Я стоял на крыльце и смотрел на расположенные террасами газоны, на подстриженные деревья и цветочные клумбы и увидел Кармен, которая сидела на каменной скамейке, подперев голову руками, и выглядела одинокой и потерянной.

Я спустился по ступенькам из красного кирпича, ведущим с одной террасы на другую, и был уже почти возле нее, когда она услышала мои шаги. Она так и подпрыгнула. На ней были те же светлоголубые брюки, в которых я увидел ее впервые. Волосы так же свободно спадали вниз шелковистой волной. Лицо у нее было бледное. На щеках выступили красные пятна, а глаза потемнели.

– Скучаете? – спросил я.

Она слегка улыбнулась, почти несмело и быстро кивнула.

– Вы уже не сердитесь на меня?

– Я думал, что это вы на меня сердитесь.

Она поднесла ко рту большой палец и захихикала. Услышав это хихиканье, я тотчас потерял к ней всякое сочувствие. Я огляделся. На расстоянии около десяти метров от меня к дереву была прикреплена мишень, и в ней торчало несколько стрел. Три или четыре лежали возле Кармен на скамейке.

– Для людей, у которых столько денег, и у вас, и у вашей сестры слишком мало развлечений, – заметил я.

Она посмотрела на меня из-под длинных ресниц. Я уже знал, что это должно было уложить меня на обе лопатки.

– Вам нравится метать стрелы?

– Угм, – ответила она.

– Да, я вспомнил кое-что, – сказал я и оглянулся на дом. Затем передвинулся на метр дальше, так, чтобы меня закрыло дерево и нельзя было увидеть из окон, и достал из кармана маленький револьвер с рукояткой из перламутра.

– Я принес вам назад вашу тяжелую артиллерию. Я почистил ее и зарядил. Но прошу вас прислушаться к моему совету и не стрелять в людей, прежде чем не научитесь стрелять по-настоящему. Ладно?

Она побледнела и вынула палец изо рта. Посмотрела на меня, потом на револьвер. В ее глазах появился интерес.

– Хорошо, – кивнула она в знак согласия и тотчас добавила: – Научите меня стрелять. Я буду очень рада.

– Здесь? Но это запрещено.

Она подошла ко мне и взявшись за ствол, забрала у меня револьвер. Поспешно, украдкой сунула его в карман брюк и огляделась.

– Я знаю где, – конспиративно шепнула она. – Там, дальше, возле нефтяных скважин, – и указала рукой на склон. – Вы научите меня?

Я посмотрел в темно-серые глаза. С таким же успехом можно было бы прочесть что-нибудь в горлышках пустых бутылок.

– Хорошо. Но тогда верните мне револьвер. Сначала я посмотрю, можно ли там стрелять.

Она засмеялась, скорчила какую-то гримасу и отдала мне револьвер с тем же таинственно-шаловливым видом – как будто вручала ключ от своей спальни. Мы направились к моей машине. Сад казался покинутым. Солнце было холодным, как улыбка кельнера. Мы сели в машину и поехали по пустынной дороге к холмам.

– Где Вивиан? – спросил я.

– Еще не встала, – захихикала она.

Мы ехали вниз по тихим фешенебельным, омытым дождем улицам, сначала на восток, потом на юг и доехали до места, которое ей было нужно, за десять минут.

– Надо свернуть сюда, – Кармен высунулась из окна и указала направление.

Это была узкая грязная дорога, больше похожая на разъезженный проселок перед какой-нибудь фермой на склоне холма. Когда-то по ней, должно быть, ездили тяжелые грузовики. По обе стороны от нее росли высокие эвкалипты. На ней было пустынно и солнечно, но не пыльно: вчерашний дождь кончился совсем недавно. Створки широких ворот, к которым вели глубокие колеи, подпирались жердями, а вид у них был такой, будто их много лет никто не закрывал. Я въехал в ворота. Звуки уличного движения слабели и исчезали, словно мы вообще были не в городе, а видели сон наяву на незнакомой планете. Я заметил с полдюжину бездействующих старых насосов и несколько брошенных нефтяных скважин. Вокруг валялось с полдесятка пустых бочонков, лежала груда заржавевших труб, стоял перекосившийся набок прицепа. Повсюду виднелись лужи тухлой, покрытой нефтяными пятнами воды.

– Все это в будущем станет парком? – спросил я.

Кармен наклонила голову и исподлобья посмотрела на меня.

– Самое время сделать это. Запах этой тухлой воды мог бы конкурировать с вонью козьего стада. Это место вы имели ввиду?

– Угм. Нравится?

– Прелестно.

Я подъехал к перекосившемуся прицепу и остановился. Мы вылезли из машины. Шум уличного движения доносился издали, приглушенно, словно пчелиное жужжание. Место было безлюдно, как церковный двор. Эвкалиптовые деревья казались запыленными, несмотря на прошедший дождь. Впрочем, у них всегда такой вид. Обломанная ветром ветка упала в одну из луж и привявшие плоские листья покачивались в воде.

Я обошел нефтяную грязь и заглянул в насосную. В ней лежало немного железного лома, но похоже, что к нему давно никто не прикасался. Снаружи, у стены, прислоненное к ней, стояло большое деревянное колесо. Это действительно было подходящее место.

Я вернулся к машине. Девушка стояла возле нее и расчесывала волосы, подставляя их солнцу.

– Дайте, – повелительным жестом протянула она руку.

Я вынул револьвер из кармана и положил ей на ладонь. Она подняла с земли ржавую банку.

– Будьте осторожны, – сказал я. – В нем пять патронов. Я пойду поставлю банку в отверстие колеса. Видите, вон там? – я показал рукой. Она восторженно кивнула. – Это примерно десять метров. Не начинайте стрелять, пока я не вернусь, хорошо?

– Хорошо, – захихикала она.

Обойдя грязь, я поставил банку в отверстие большого колеса. Это была отличная мишень. Если Кармен не попадет в банку, что было более чем вероятно, то попадет в колесо. Маленькая пуля расплющится об него. Но возможно она не попадет даже в колесо.

Я повернулся и пошел назад к Кармен. Когда я уже был на расстоянии трех метров от нее, у края грязного места, она вдруг оскалила на меня свои маленькие острые зубки, подняла револьвер и зашипела.

Я застыл на месте, чувствуя спиной неподвижную вонючую топь.

– Стой спокойно, ты паршивый сукин сын.

Револьвер был направлен мне в грудь. Она уверенно держала его и шипела все громче. Лицо ее снова стало напоминать маску из слоновой кости.

Внезапно постаревшая, отталкивающая, она стала похожа на звереныша, к тому же не очень симпатичного звереныша.

Я засмеялся ей в лицо и сделал несколько шагов в ее сторону. Мне было видно, как ее маленький палец нажимает на курок с такой силой, что весь побелел. Я находился едва ли в двух метрах от нее, когда она начала стрелять.

Выстрелы звучали довольно громко, без эха – прерывистый треск при ярком солнечном свете. Пламени, вырывающегося из ствола, не было видно. Я остановился и улыбнулся ей.

Она сделала два выстрела, один за другим. Не думаю, что хотя бы один из них был неверным. Она израсходовала четыре патрона, остался еще один. Я подскочил к ней.

Мне не хотелось последний выстрел получить в лицо и я повернулся к ней боком и наклонил голову. Она была совершенно спокойна и, старательно целясь, выстрелила последний раз. Я ощутил легкое тепло и запах сгоревшего пороха.

Выпрямившись, я произнес:

– Боже, ну и хитрая же вы!

Ее рука, державшая разряженный револьвер, вдруг задрожала и выронила оружие. Губы у нее тоже задрожали, лицо совершенно изменилось. Она повернула голову влево, на губах показалась пена, дыхание сделалось свистящим. Она закачалась.

Я подхватил ее в момент падения. Она была без сознания. Я обеими руками разжал ей зубы и втиснул между ними свернутый платочек. Мне пришлось применить для этого всю свою силу. Я взял ее на руки и перенес в машину. Потом вернулся за револьвером, поднял его и положил в карман. Сел за руль, развернулся и поехал вверх по холму, по той же разбитой дороге, по которой мы приехали сюда.

Кармен, беспомощно скорчившись, лежала на сиденьи в углу машины. Мы были на полдороге к дому, когда она зашевелилась и вдруг открыла глаза, расширившиеся и дикие.

– Что случилось? – просипела она.

– Ничего. Почему вы спрашиваете?

– Ох, что-то должно было случиться, – захихикала она. – Ведь я же обмочилась.

– С такими, как вы, это иногда случается, – сказал я.

Она вдруг внимательно и затравленно посмотрела на меня и застонала.

Глава 32

Горничная с лошадиным лицом и мягким взглядом провела меня в большую комнату на втором этаже, где с окон экстравагантными складками свисали шторы цвета слоновой кости, а пол покрывал белый ковер. Будуар кинозвезды, соблазнительный и чарующий, и неестественный, как деревянная нога. Пока что в нем не было никого. Дверь закрылась за мной тихо и мягко, как в больнице. Возле тахты стоял столик на колесиках, с серебряной оковкой. В чашке из-под кофе находился пепел от сигареты. Я сел.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец открылась дверь и появилась Вивиан. На ней был светло-серый утренний костюм, украшенный белым мехом. Она подошла ко мне длинными бесшумными шагами и присела на краешек тахты. В уголке ее рта торчала сигарета. Ногти на руках у Вивиан были покрашены в медно-красный цвет с белыми полумесяцами у основания.

– Итак вы все же грубый тип, – сказала она, спокойно глядя на меня. – Бесчувственный, необыкновенно грубый тип. Этой ночью вы убили человека. Не спрашивайте, откуда я это знаю. А теперь вы пришли сюда и напугали мою сестренку так, что с ней случился приступ.

Я молча смотрел на нее. Было заметно, что она забеспокоилась. Пересела с тахты в кресло и откинула голову на белую подушку, лежавшую на его спинке. Выпустила изо рта бледно-серый дымок и наблюдала за тем, как он поднимался к потолку, расплывался в размытые полосы, еще видимые некоторое время в воздухе и бледнеющие все больше, чтобы наконец исчезнуть совсем. Постепенно опустила глаза и бросила на меня холодный острый взгляд.

– Не понимаю я вас, – продолжала она. – Теперь я благодарна судьбе, что предыдущей ночью по крайней мере один из нас не потерял головы. Достаточно, что когда-то я вышла за контрабандиста спиртным... Может вы, ради бога, наконец скажете что-нибудь?

– Как она себя чувствует? – спросил я.

– Ах, думаю, уже хорошо. Сразу уснула. Что вы с ней сделали?

– Собственно, ничего. Я встретил ее в саду, выходя от вашего отца и подошел к ней, поскольку хотел вернуть то, что ей принадлежало. Маленький револьвер, который ей подарил когда-то Тэйлор Оуэн. Он был у нее с собой в тот вечер, когда застрелили Бродди, и как раз тогда я отобрал его у нее. Я не говорил об этом никому, так что вы можете об этом и не знать.

Большие черные стернвудовские глаза расширились и погасли. Теперь она в свою очередь смотрела на меня молча.

– Она была счастлива, что получила назад свой револьверчик. Умоляла меня, чтобы я научил ее стрелять. Хотела показать мне старые нефтяные скважины на склоне горы, принесшие вашей семье деньги. Мы поехали туда. Оказалось, что это заброшенное место с отвратительными тухлыми болотинами, полное ржавого лома и бездействующих насосов. Мне кажется вы там уже когда-то были. Это действительно жуткая местность.

– Да. Действительно. – Ее голос был теперь тихим, почти неслышным.

– Мы высадились из машины и я поставил банку, чтобы ей было во что стрелять. Тогда и произошло, нечто похожее на приступ эпилепсии.

– Да, – произнесла она тем же голосом. – С ней это иногда бывает. Это все, что вы хотели мне рассказать?

– Мне кажется, это вы все еще не хотите сказать мне, что такое знает о вас Эдди Маз.

– Абсолютно ничего. И я уже немного устала от постоянного повторения этого вопроса, – ответила она холодно.

– Вы знаете человека по имени Кэнино?

Она сдвинула красивые черные брови.

– Как будто слышала это имя.

– Наемник Эдди Марза. Говорят, большой негодяй. Я бы сказал – был. Если бы не помощь одной дамы, я находился бы сейчас там, где он – в морге. – Похоже что женщины... – она побледнела и замолчала. Затем просто закончила: – Нет, я не могу шутить на эту тему.

– Я не шучу. А если создается впечатление, что я в чем-то хитрю, то лишь потому, что все это очень запутано. Но и все взаимосвязано и соответствует одно другому – все. Гейгер и его маленькие хитренькие

шантажики, Броуди и снимки, Эдди Марз и рулетка, Кэнино и женщина, с которой Расти не убежал. Все это связано между собой.

– Я вообще не понимаю, о чем вы говорите.

– Могу вам это кратко изложить. Гейгер держал в кулаке вашу маленькую сестру, что, впрочем, было не так уж и трудно. Он получал от нее несколько долговых расписок, с помощью которых со своеобразной присущей ему элегантностью пытался шантажировать вашего отца. За Гейгером стоял Эдди Марз, для которого тот был чем-то вроде ширмы. Ваш отец, вместо того, чтобы заплатить, вызвал меня, из чего можно было легко сделать вывод, что он не боится. Эдди Марз просто хотел проверить это. У него есть какой-то крючок на вас и он хотел знать, можно ли использовать его и для генерала. Если бы это было так, он в короткое время мог бы сделать большие деньги. Если же нет, ему пришлось бы ждать, пока вы получите свою часть семейной удачи, а пока что удовлетвориться тем, что вы проигрываете в рулетку. Гейгера застрелил Тэйлор Оуэн, который любил вашу маленькую глупую сестру, и которому не нравилось то, как поступал с ней Гейгер. Естественно, это не имело для Эдди никакого значения. Он играл на большую ставку, намного большую, чем вообще кто-либо мог ожидать. Кто-либо, кроме вас, Эдди и профессионального убийцы по имени Кэнино. Ваш муж исчез. Эдди понимает, что кое-кому известно о взаимной его и Ригана неприязни. Вот потому он и спрятал свою жену в Реалито и послал Кэнино стеречь ее. Это выглядело так, будто она убежала с Расти Риганом. Он не забыл даже отвести машину Ригана в гараж того дома, где жила Мона. Конечно, все это звучит наивно, если считать это попыткой развеять подозрения в том, что Эдди Марз убил или же приказал убить вашего мужа. В действительности это не так наивно, как кажется. У Эдди был еще и другой мотив. Миллион долларов или что-то около этого. Он знал, где и почему исчез Риган, и не хотел, чтобы полиция тоже знала об этом. Он хотел подсунуть им наиболее правдоподобную причину его исчезновения, такую, которая удовлетворила бы их. Но, может, я вам надоел? – До крайности, – произнесла она безжизненным изнуренным голосом. – Боже, как вы меня утомили!

– Весьма сожалею. Но я трачу время не для того, чтобы показаться умным. Ваш отец пожертвовал мне сегодня тысячу

долларов и поручил найти Ригана. Для меня это большая сумма, но я не могу этого сделать.

Она вдруг разомкнула губы, дыхание ее сделалось тяжелым и хриплым.

– Дайте мне сигарету, – глухо сказала она. – Почему не можете? – На шее у нее набухла и начала пульсировать жилка.

Я подал ей сигарету и зажег спичку. Она прикурила, глубоко затянулась, резко выпустила дым и забыла о сигарете. Она больше ни разу не взяла ее в рот.

– Что ж, поскольку розыскной отдел не может его найти... – сказал я. – Это в конце-концов не так просто. А что не могут они, вряд ли смогу я.

– Ага, – я почувствовал облегчение в ее голосе.

– Люди из отдела думают, что Риган исчез нарочно и, как об этом и говорят, замел за собой следы. Они не верят в то, что Эдди Марз ликвидировал его.

– А кто говорит, что его кто-то ликвидировал?

– Сейчас мы дойдем до этого.

На мгновение ее лицо как бы расклеилось и стало смесью бесформенных и несуразных черт. Но только на мгновение. В ее жилах текла кровь Стернвудов, и ее хватало не только на то, чтобы оправдать черные горячие глаза и сумасбродные поступки.

Я встал, взял из ее пальцев тлеющую сигарету и раздавил окурочек в пепельнице. Потом вынул из кармана маленький револьвер Кармен и осторожно, с преувеличенной заботливостью, положил его на облаченное в жемчужно-серый шелк колено. Уравновесил его, отступил назад, и, склонив голову набок, посмотрел на него, как оформитель витрин, который решает, каким образом лучше завязать шарфик на шее манекена.

Затем снова сел. Она не шевельнулась. Ее взгляд медленно, миллиметр за миллиметром опускался вниз, пока не остановился на револьвере.

– Он разряжен, – сказал я. – Она выстрелила все пять патронов. В меня.

Жилка на ее шее быстро забила. Вивиан хотела что-то сказать, но не издала ни звука, лишь сглотнула слюну.

– И это с расстояния полутора-двух метров, – продолжал я. – Милое маленькое создание, эта ваша сестра, а? Увы, я зарядил револьвер холостыми патронами, – ехидно улыбнулся я. – Так как знал, что она сделает, если ей представится случай.

Голос у нее был глухой, исходящий, казалось из самых глубин ее естества.

– Вы страшный человек, – прошептала она. – Страшный.

– Угм. Вы ее старшая сестра. Что вы собираетесь предпринять?

– Вы не сможете все это доказать.

– Чего не смогу доказать?

– Что она в вас стреляла. Вы сказали, что были там одни...

Возле скважины. Вы не сможете доказать ни слова из того, что рассказали.

– Разумеется, – усмехнулся я. – Не буду даже и пытаться. Я думаю лишь о том, что в предыдущий раз патроны в маленьком револьвере были не холостые.

Ее глаза казались озерками темноты. Более черными, чем сама чернота. – Я думаю про тот день, когда исчез Риган. Дело было под вечер.

Кармен поехала с ним туда, к старым нефтяным скважинам, чтобы учиться стрелять. Он поставил ей старую банку и сказал, что надо целиться в нее. Но она целилась не в банку. Она направила оружие в него и застрелила его так же, как сегодня хотела застрелить меня, и по той же причине.

Вивиан шевельнулась, револьвер соскользнул с ее колена. Голос ее перешел в едва слышимый шепот.

– Кармен!.. Боже мой, Кармен!.. Почему?

– Я в самом деле должен сказать вам, почему она в меня стреляла?

– Да... – Взгляд ее был по-прежнему жутким. – Я... Боюсь, что должны. – Позавчера, придя домой, я нашел ее в своей комнате. Она обманула администратора, сказав ему, что я велел ей подождать. Она лежала в моей кровати. Голая. Я выгнал ее. Догадываюсь, что Риган тоже когда-то сделал это. А с Кармен нельзя себе это позволить.

Вивиан пыталась облизнуть губы. Какое-то мгновение она была похожа на перепуганного ребенка. Рука ее медленно поднималась вверх, как протез, пальцы крепко сжали меховую оторочку воротника. Она теснее стянула его на шее и сидела так, глядя на меня в упор.

– Деньги, – прохрипела она. – Вам, наверное, нужны деньги.

– Во сколько вы это оцениваете? – иронически спросил я.

– Пятнадцать тысяч.

Я кивнул.

– Приличные денежки. Это был бы один из самых больших моих гонораров до сего времени. Столько было в кармане у Расти, когда его застрелили. Но Эдди надеется однажды получить несколько больше, верно?

– Ты сукин сын, – прохрипела она.

– Угм. Я прожженный тип без всяких угрызений совести и проявляю такую жадность к деньгам, что за двадцать пять долларов в день и текущие расходы – на бензин и виски, распутываю то, что возможно распутать. Рискую всем своим прошлым, вызываю ненависть к себе полиции и Эдди Марза с его гориллами, уклоняюсь от пуль и говорю: «Большое спасибо, если у вас еще когда-нибудь будут неприятности, надеюсь, вы обо мне не забудете» – и на всякий случай просто оставляю свою визитку. И все это за двадцать пять долларов в день... И, может, затем, чтобы оградить гордого калеку-старика от мысли, что в жилах его детей течет отравленная кровь, чтобы он думал, что две его девочки, может, немного и диковатые, но не извращенные и не убийцы. Именно поэтому я сукин сын. Ладно. Это меня не трогает, я получал и худшие характеристики от людей разного рода, не исключая вашу младшую сестричку. Она, кстати, обозвала меня гораздо хуже, когда я выкидывал ее из постели... Я получил от вашего отца пятьсот долларов, которые не просил, но которые он считал необходимым выплатить мне. Мог бы получить еще тысячу за отыскание Расти Ригана. А теперь вы жертвуете мне пятнадцать тысяч. Это моя удача! За пятнадцать тысяч я могу купить дом, машину и четыре новых костюма. Могу даже поехать в отпуск. Все это прекрасно. А за что, собственно, вы хотите платить? За то, что я сукин сын или за то, чтобы я стал джентльменом, вроде того блондина, например, который лежал пьяный в машине в Лас-Олиндас?

Она стояла неподвижно, как изваяние.

– Хорошо, – с усилием произнес я. – Вы можете ее куда-нибудь увезти? Куда-нибудь подальше отсюда, где умеют обращаться с людьми ее типа? И держать подальше от нее револьверы, ножи и оглуляющие коктейли? Черт побери, может, ее даже удастся

вылечить... В конце-концов это возможно. Вивиан подошла к окну. Она казалась совершенно обессиленной.

– Он лежит там, в нефтяной скважине, – сказала она. – Это страшно. Я сделала это. Сделала все так, как вы сказали. Я пошла к Эдди Марзу. Кармен пришла ко мне, и как ребенок все рассказала. Она ненормальная. Я знала, что полиция вытянет из нее все. Знала также, что если отец об этом узнает, то сразу же вызовет полицию. Знала также и то, что однажды ночью он умрет... Дело не в физической смерти, дело в том, что он будет перед этим думать... Расти был неплохой человек. Я не любила его, но он был порядочный и добрый. Так мне, по крайней мере, кажется. По сравнению с моим отцом он не представлял для меня никакой ценности, живой или мертвый. – И поэтому вы оставили ее на свободе, дабы она могла совершать новые преступления?

– Я тянула время. Просто тянула время. Я выбрала плохой путь, это правда. Мне казалось, что она сама забудет об этом. Я слышала, что так бывает. Я знала, что Эдди Марз попортит мне порядочно крови, но это не имело значения. Мне была нужна помощь, и я могла ожидать ее только от кого-нибудь такого, как он... Иногда все это казалось мне лишь плохим сном. А иногда мне необходимо было напиться...

Безразлично в какое время дня. И напиться, черт возьми, как можно быстрее.

– Вы увезете ее отсюда и как можно быстрее, – сказал я.

Вивиан повернулась ко мне спиной и мягко сказала:

– А вы? Что будет с вами?

– Ничего. Я уйду. Даю вам три дня. Если в течение трех дней вы отвезете ее туда, куда следует, все будет в порядке. Если нет – шило в мешке не утаишь. И не рассчитывайте на то, что я не сообщу полиции.

Она резко повернулась ко мне.

– Не знаю, что вам сказать... Не знаю, как начать...

– Заберите ее отсюда и проследите, чтобы она ни на минуту не оставалась без присмотра. Даете мне слово?

– Слово чести. А Эдди?..

– Забудьте об Эдди. Я позабочусь о нем. Как только немного отдохну.

– Он захочет убить вас.

– Лучшего коня в его конюшне уже нет, – заметил я. – Других я не боюсь. Норрис знает?

– Он никогда ничего не говорил.

– Мне кажется, он был в курсе всех дел.

Я отвернулся от нее, подошел к двери, отворил ее и вышел в коридор. По лестнице спустился в холл. Никто не видел, как я выходил и на этот раз никто не подал мне шляпу. Освещенный сад казался мне местом охоты; я чувствовал себя так, будто из-за кустов за мной следили маленькие дикие глаза, даже солнце светило как-то странно и загадочно. Я сел в машину и уехал.

Какое имеет значение, где человек лежит после смерти? На дне грязной нефтяной скважины или в мраморной башне на вершине высокой горы? Умершие спят глубоким сном, не тревожась о таких мелочах. Что нефть и вода, что ветер и воздух – все равно. Сон очень глубок, а тот кто спит не переживает из-за того, как он умер или где его положили в могилу. Я ощущал себя частью всей этой грязи, которая окружала меня. Я был ее частью гораздо более, чем Расти Риган в своей жуткой болотистой могиле. Однако я избавил от этого старого человека, который мог теперь уже спокойно лежать на своем ложе, сложив бескровные руки на одеяле и ожидая. Его сердце стучит слабо, неуверенно. Мысли его серые, как сигаретный пепел. И вскоре он тоже, как и Расти Риган, уснет тем же глубоким сном.

По дороге в город я остановился возле бара и выпил две порции двойного шотландского. Но это мне ничуть не помогло. Единственным результатом было то, что я начал думать о «Серебряной головушке», которую уже никогда не увижу.